

**НОВЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЪСТНИКЪ**

THE NEW HISTORICAL BULLETIN

№ 1(39)

2014

Москва 2014

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

Журнал основан в 2000 г.

ОСНОВАТЕЛИ И ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ

**Сергей Сергеевич Ипполитов
Сергей Владимирович Карпенко**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**А.Б. Безбородов, В.П. Булдаков, О.Г. Буховец, В. Голдман,
Л.Е. Горизонтов, В.И. Дурновцев, Е.Н. Евсева, Н.Т. Ерегина,
Г.З. Иоффе, А.А. Киличенков, Т.Ю. Красовицкая, А.В. Костров,
А.В. Крушельницкий, Н.Г. Кулинич, В.В. Минаев, А.М. Пашков,
В.Н. Пискун, В.А. Поляков, А.С. Сенин, А.А. Симонов,
В.Л. Успенский, О.В. Хлевнюк, Т.И. Хорхордина,
В.Ж. Цветков, П.П. Шкаренков**

Ответственный секретарь **М.Ю. Черниченко**
Переводчик **О.Н. Судакова**
Обложка **А.Надточенко**

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
125267, Москва, Миусская пл., 6
Эл. почта: nivestnik@yandex.ru
Сайт: www.nivestnik.ru

**RUSSIAN STATE UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES**

INSTITUTE FOR HISTORY AND ARCHIVES

The Journal is founded in 2000

FOUNDERS AND EDITORS-IN-CHIEF

**Sergey S. Ippolitov
Sergey V. Karpenko**

EDITORIAL BOARD

**A. Bezborodov, O. Bukhovets, V. Buldakov, V. Durnovtsev,
N. Eregina, E. Evseeva, W. Goldman, L. Gorizontov, G. Ioffe,
O. Khlevnyuk, T. Khorkhordina, A. Kilichenkov, A. Kostrov,
T. Krasovitskaya, A. Krushelnitsky, N. Kulinich, V. Minaev,
A. Pashkov, V. Piskun, V. Polyakov, A. Senin, P. Shkarenkov,
A. Simonov, V. Tsvetkov, V. Uspensky**

Executive Secretary **M. Chernichenko**
Translator **O. Sudakova**
Cover Designer **A. Nadtochenko**

Quarterly journal

Address:
6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125267
E-mail: nivestnik@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Колосовская Т.А.* Боевая и хозяйственная повседневность казаков кавказского пограничья в освещении офицера Генштаба Г.К. Калмберга (1834 г.).....6
- Шайдуров В.Н.* Евреи и их место в хозяйственной жизни Западной Сибири во второй половине XIX в.....21
- Агапов В.Л.* «Крушение старого государственного и общественного строя»: 1917 год в либеральном зеркале «Вестника Европы».....35
- Кринко Е.Ф., Черкасов А.А.* Из истории восстановления автономий репрессированных народов Северного Кавказа в условиях «оттепели».....48

Антибольшевистская Россия

- Черниченко М.Ю.* Кризис денежного обращения в тылу войск генерала А.И. Деникина в освещении печати Белого юга России (1919 г.).....70
- Серегин А.В.* Монархисты-легитимисты и Русский общевоинский союз.....89

Новая Россия и постсоветское зарубежье

- Р. Marchenya, S. Razin.* International Round Table “Russia and the Post-Soviet Space: Problems and Prospects” (Moscow, 2013).....104

События и судьбы

- Войтиков С.С.* «Ворошилов командовать армией совершенно не может»: Пиррова победа Троцкого над Сталиным, или как Троцкий выжил Ворошилова из Царицына на Украину (1918 – 1919 гг.).....119

CONTENTS

Articles

- T. Kolosovskaya.* The Cossacks’ Military and Economic Daily Life on the Caucasus Frontier as Described by G.K. Kalmberg, A Russian General Staff Officer (1834).....6
- V. Shaidurov.* The Jews and their Place in the Economic Life of Western Siberia in the second half of the 19th century.....21
- V. Agapov.* “The Collapse of the Old State and Social Order”: 1917 as effected in the Liberal Mirror of “Vestnik Evropy” (“The Bulletin of Europe”).....35
- E. Krinko, A. Cherkasov.* From the History of Regaining Autonomies of the Repressed Peoples in the North Caucasus under the “Thaw”.....48

Anti-Bolshevik Russia

- M. Chernichenko.* A Money Circulation Crisis in the Rear of General A.I. Denikin’s Troops as seen from the Press of Russia’s “White South” (1919).....70
- A. Seregin.* The Movement of Monarchists-Legitimists and the Russian All-Military Union.....89

Contemporary Russia and Post-Soviet States

- P. Marchenya, S. Razin.* International Round Table “Russia and the Post-Soviet Space: Problems and Prospects” (Moscow, 2013).....104

Landmarks in Human History

- S. Voytikov* “Voroshilov Is Completely Unable To Command The Army”: Trotsky’s Pyrrhic Victory Over Stalin, Or How Trotsky Ousted Voroshilov from Tsaritsyn to Ukraine (1918 – 1919).....119

СТАТЬИ ARTICLES

Т.А. Колосовская

БОЕВАЯ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАЗАКОВ КАВКАЗСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В ОСВЕЩЕНИИ ОФИЦЕРА ГЕНШТАБА Г.К. КАЛМБЕРГА (1834 г.)*

T. Kolosovskaya

The Cossacks' Military and Economic Daily Life on the Caucasus Frontier as described by G. Kalmberg, a Russian General Staff Officer (1834)

Бурные события военно-политической истории XVIII в. привели Российскую империю на Кавказ. На берегах Терека и Кубани возникла череда российских укреплений и казачьих станиц, вошедшая в историю под названием Кавказской линии. Под ее защитой, на обширных и плодородных степях переселенцы из различных уголков необъятной России основывали свои поселения и налаживали хозяйство. Ни военные действия против Турции и Персии, ни обострившиеся противоречия и столкновения с северокавказскими горцами уже не могли остановить этого стремительного потока, нашедшего отражение в одной из народных песен: «Ты за чем, мой друг, стремишься на тот гибельный Кавказ?»

К изучению исторических сюжетов кавказского пограничья времен Кавказской войны XIX в. все чаще обращаются современные исследователи, а для его обозначения нередко используют термин западной историографии – «фронтир». Одни понимают под ним об-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII – XIX вв.», проект № 14-01-00251.

ласть перекрещивающихся влияний, своеобразную «контактную зону», другие – непроходимую грань, разделявшую горское «варварство» и российскую «цивилизацию»¹.

Чем же на самом деле была Кавказская укрепленная линия?

Не ставя перед собой задачу дать исчерпывающий ответ на этот вопрос, считаем важным обратить внимание исследователей на такой пласт источников о кавказском пограничье как описания офицеров Русской императорской армии – очевидцев происходивших там событий и их непосредственных участников.

В условиях Кавказской войны как перед Генеральным штабом, так и перед командованием Отдельного Кавказского корпуса стояла задача исследования обороноспособности различных участков Кавказской линии, сбора сведений о местности, через которую горские партии пробирались для нападения на гражданские поселения². Многие из созданных офицерами военно-статистических описаний кавказского пограничья впоследствии были опубликованы, став известными широким научным кругам³. При этом часть подобных материалов, говоря словами историка Генерального штаба Н.П. Глиноецкого, были «схоронены» в недрах военных архивов⁴ и еще ждут своего исследователя. К последним относится военно-статистическое описание левого фланга Кавказской линии, составленное штабс-капитаном Г.К. Калмбергом в 1834 г.

Военно-статистическое описание Калмберга обратило на себя внимание еще дореволюционных исследователей. В числе других архивных источников, оно было использовано историком И.Д. Попко⁵ в его фундаментальном сочинении «Терские казаки со стародавних времен», а отдельные его фрагменты, посвященные описанию реки Терек и Гребенскому участку Кавказской линии, были опубликованы в примечаниях к данному изданию⁶. Нередки обращения к материалам Калмберга современных исследователей, в первую очередь занимающихся изучением истории и культуры казачьего населения Терека⁷.

Целью статьи является комплексное рассмотрение военно-статистического описания Калмберга и представление на его основе хозяйственных, социальных, бытовых и прочих реалий кавказского пограничья 1830-х гг. XIX в.

* * *

В то самое время, когда Россия победоносно завершала войну с Турцией (1829 г.), в горных районах Северо-Восточного Кавказа стал развиваться мюридизм. Идеи борьбы с «гяурами» с новой си-

лой захлестнули горские общества. Экспедиция в Ичкерию (горную Чечню) 1832 г., вызванная началом открытой борьбы Кази-Муллы против русских, хотя и закончилась гибелью первого имама, привела лишь к временному усмирению края. Новый имам Гамзат-бек продолжил политику своего предшественника, и нападения на левый фланг Кавказской линии возобновились с новой силой. «То отогнали лошадей и быков, то подстрелили казака на пикете, зарезали старика на пчельнике или захватили ребятишек, без спросу убежавших в виноградники»⁸ – отмечал один из современников событий, находившийся в то время в станице Наурской.

Основным русским населением кавказского пограничья являлись казаки, на плечи которых российское правительство возложило задачу по обеспечению безопасности пограничных территорий. Располагаясь не внутри Кавказской области, а на ее границе – Кавказской линии, – они должны были «с успехом и должной деятельностью препятствовать нанесению поселянам вреда, и, защищая собственность, отвращать от сей области нередко случающиеся разорения»⁹. Командующие войсками на Линии своими приказами вводили в действие инструкции по несению казаками кордонной службы, а для контроля за их соблюдением время от времени посылали офицеров своего штаба, которые должны были проверять казаков, стоящих на постах, осматривать их оружие, лошадей, число патронов и т.д.¹⁰

Одним из таких офицеров, направленных в 1834 г. для проверки левого фланга Кавказской линии, был штабс-капитан Густав Карлович Калмберг. Он принадлежал к той части российской военной молодежи, которая, говоря словами современника, «предпочитала труды боевой жизни парадной службе и блеску паркетных удач»¹¹. В числе прочих офицеров Генерального штаба, прикомандированных к Отдельному Кавказскому корпусу в начале 1830-х гг., он принимал участие в военных экспедициях, рекогносцировках и топографических работах. Под руководством обер-квартирмейстера Кавказской линии полковника Н.И. Горского Калмберг проводил военно-топографические съемки районов, лежащих в непосредственной близости от территорий «немирных» горцев, в том числе Пятигорского округа. Собранные тогда материалы послужили ценными источниками для будущей картографии Кавказа¹².

На этот раз поставленная перед Калмбергом задача отличалась от прежних: ему было необходимо собрать достоверные сведения о военном и хозяйственном состоянии казачьих станиц и крепостей левого фланга Кавказской линии. В условиях ожесточения военного противостояния с горцами Северо-Восточного Кавказа такие данные были необходимы командованию и штабам войск Отдельного

Кавказского корпуса для принятия верных решений по усилению обороноспособности кавказского пограничья. Офицер оправдал возлагавшиеся на него надежды. По итогам своей инспекторской поездки он подготовил подробный отчет, представленный в штаб командующего войсками Кавказской линии и Черномории, располагавшийся тогда в Ставрополе.

Впоследствии этот документ, в виде рукописи на 94-х листах, был передан в архив при штабе. В конце XIX в. большую часть дел из этого архива отправили во Владикавказ. Однако рукопись Калмберга, как содержащую не столько военную информацию, сколько обширные социально-экономические сведения, решили оставить и включить в фонды формирующегося Ставропольского губернского исторического архива. В настоящее время она хранится в Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК) в фонде № 79 – «Общее управление Кавказской области» – в деле № 1508, с пометой на обложке «уникальное», и под заголовком «Статистическое описание частей Ставропольского и Пятигорского округов, составленное Генерального штаба штабс-капитаном Калмбергом в 1834 г.».

Рукопись Калмберга содержит описание крепостей и укреплений левого фланга Кавказской линии: Кизляра (города и крепости), Моздока, крепостей Внезапной, Грозной, а также казачьих станиц и постов, расположенных по левому берегу Терека между Моздоком и Кизляром. Ее структуру составляют разделы: «Описание городов, крепостей, кордонных постов и станиц», «Казенные строения с описанием состояния их», «Число гарнизона: пехоты регулярной, артиллерии, кавалерии, число караульных и др.», «Количество мужского населения», «Климат», «Мельниц водяных», «Лошадей», «Рогатого скота», «Саней», «Конных телег», «Воловьи телег», «Замечания». Такая структура – типичная для статистических обзоров, составлявшихся в те времена офицерами русской армии.

* * *

Начинается рукопись с подробного описания реки Терек как естественной границы, разделяющей территорию кавказского пограничья на две части: левый берег – казачьи земли, правый берег – места проживания горских племен. Именно этот важный стратегический объект, по мнению военных, управлял «ходом кровавой игры»¹³, решая «дать отдыху или обострить борьбу»¹⁴. Вторжения многочисленных партий горцев происходило при большом спаде воды в Тереке, открывавшем широкие броды, а еще чаще – в мо-

розные зимы, когда Терек покрывался льдом. В то же время Терек являлся важной составляющей системы жизнеобеспечения как казачьего, так и горского населения. Вот почему в своем описании Калмберг подробно характеризует течение реки, качество воды и ее пригодность для питья, ширину реки, водящихся в ней рыб, возможность судоходства.

Рукопись отличает стремление автора воссоздать объективную картину обороноспособности – в самом широком ее смысле и взаимодействии всех факторов, на нее влияющих, – описываемого участка Кавказской линии. Это не случайно, поскольку главной задачей Калмберга было определение стратегического положения казачьих войск по Тереку и выявление их роли в системе линейной обороны края. Отсюда проистекало его пристальное внимание к данным о количестве служивого казачьего населения, равномерности его размещения по Тереку, устройству постов, караулен и т.д.

В то время левый фланг Кавказской линии от Моздока до устья Терека охранялся пехотными гарнизонами российских укреплений и казаками Моздокского полка, Гребенского, Терско-Семейного и Терско-Кизлярского войск. Кордонные дистанции казачьих полков и войск были представлены цепью станиц и расположенных между ними на небольших расстояниях постов. Назначение их было наблюдательное и извещательное. Днем казаки вели наблюдение с вышек, а ночью – в «секретах», расставляемых по берегу Терека в скрытных местах напротив бродов и возможных вылазок противника. Ночной «секрет», по образному выражению казачьего историка И.Д. Попко, был «громоотводом в системе линейной обороны»¹⁵. «Открытая» им на самой переправе «хищническая шайка» вынуждена была поворачивать назад и не всегда без потерь.

Посты представляли собой небольшие укрепления, огороженные плетнем и обрытые канавой. На постах, как правило, строились вышки, на которых стояли часовые, и невзрачные мазанки или шалаша для отдыха постовых казаков. Характерные описания подобных постов содержатся в рукописи Калмберга: «Пост Заветный [На участке Моздокского казачьего полка. – *Т.К.*] – в трех верстах от Озерного, стоит при большой дороге на возвышенности, в степь и по дороге открыт, а к Тереку закрыт лесом и кустарником; расстояние от Терека в трех верстах. Пост обнесен двойным плетнем и обмазан глиной, вокруг обрыт канавой, внутри для караульных казаков турлучная избушка; при посту вежа сигнальная с дегтем; караул из одного конного и трех пеших» казаков¹⁶.

Нередко внутри поста вместо турлучного строения располагался камышовый балаган, «в коем всегда бывает дым, от чего у казаков

глаза болят»¹⁷. Иногда Калмберг не находил на постах вообще каких-либо построек, и в таких случаях казакам приходилось круглый год находиться под открытым небом. Неблагоустроенность казачьих постов имела свое рациональное объяснение: в случае прорывов больших горских партий их немногочисленные «гарнизоны» не могли противостоять отрядам неприятеля, казаки присоединялись к своим станичным резервам, а покинутые посты сжигались горцами.

Как строгий проверяющий Калмберг не мог не заметить и не отметить в отчете недостатки и нарушения в организации кордонной службы казаков. Одним из наиболее распространенных нарушений, по его наблюдениям, было несоответствие количества реально пребывающих на постах казаков тому, которое полагалось по инструкциям начальства. Подводя общий итог обзора организации кордонной службы моздокских казаков Калмберг замечает: «В дистанции Моздокского казачьего полка на 80 верст по течению Терека по левому берегу находится 35 кордонных постов. На каждом кордоне полагается от 7 до 9 человек пеших и по одному конному. По слабому смотрению кордонного начальника и станичных начальников, такового числа в наличности никогда не имеется, но таковые имеют проживание в станице для домашних работ... На постах остаются по 2 или 3 человека, которые в ночное время или боясь хищников [Так Г.К. Калмберг называл «немирных» горцев. Это слово использовалось для обозначения «немирных» горцев в документах русской армии во время Кавказской войны. – *Т.К.*], или завидуя товарищам, что они находятся в кругу своих семейств, оставляют свои посты и идут ночевать в лес или камыши, а если вблизи станица, то и отправляются домой к своим семействам. А дабы показать свою кордонную исправность рано утром являются на свои посты»¹⁸. И такое происходило несмотря на то, что за нахождением казаков на постах следили объездные урядники, которые, по словам Калмберга, столь же «рачительно» исполняли свои обязанности, как и их подчиненные. «У кордонных же караульных казаков, – отмечается в рукописи при описании дистанции Гребенского войска, – патронов совсем почти не имеется, а хотя и есть, то не больше двух или трех, а большею частью их подсумки найдешь порожние. Конечно, таковая стража, хотя и будет видеть переправляющегося хищника, то не решится показаться и сделать ему отпор»¹⁹. Следствием подобного положения дел, по мнению Калмберга, являлись частые случаи прорывов Линии горцами, увода в плен людей и угона скота.

Плохое состояние постов, отсутствие положенного на них числа казаков и недостаточное количество у них патронов – одно из наиболее часто встречающихся замечаний Калмберга при описании всех

кордонных дистанций Терского левобережья. Подобное положение дел также имело свое рациональное объяснение. Помимо военной службы казакам необходимо было поддерживать свои хозяйства, которые неминуемо отвлекали казаков от выполнения их военных обязанностей, да и самих казаков на Линии было явно недостаточно. По образному замечанию И.Д. Попко, «это была плотина, для упрочения которой не доставало еще многих и многих слоев насыпи»²⁰.

Значительное место в рукописи Калмберга занимает описание устройства казачьих станиц Терского левобережья, позволяющее судить об особенном укладе жизни российского населения в условиях беспокойного кавказского пограничья. Типично описание казачьей станицы Галюгаевской (Моздокского полка): «Станица расположена правильно, улицы прямые и параллельные, посередине находится площадь, на которой построена церковь. Строения все деревянные, покрыты камышом»²¹.

По наблюдениям Калмберга, располагавшаяся на площади православная церковь, была, как правило, в очень плохом состоянии и не являлась центром сосредоточения духовной жизни станичников. «Жители оной станицы большей половины старообрядцы и раскольники», «все почти старообрядцы или раскольники» – такие и подобные характеристики он постоянно давал при описании большинства казачьих станиц Терского левобережья. Так, в станице Мекенской (Моздокского полка) религиозные обряды совершались «в обыкновенной избе, которую называют молитвенным домом», а «должность священника исполняет казак, выбранный из своего общества» и называемый «уставщиком»²². Деревянная же церковь «с давнего времени не была освящена, отчего в оной обеденная литургия не отправляется, а служат одни только часы»²³.

Сильные позиции старообрядчества среди линейных казаков не могли не заботить командование Отдельного Кавказского корпуса. Сведения, собранные Калмбергом, подтверждали злободневность и остроту этого вопроса. Но что могло с этим поделать начальство в условиях беспокойного кавказского пограничья, когда казаки здесь являлись главными защитниками рубежей империи? Лучшая тактика, которой оно могло придерживаться, – это «закрывать глаза» на совершение богослужения по старому обряду. В то время как в центре страны старообрядчество фактически было поставлено под запрет, линейным казакам разрешалось совершать богослужение по старому обряду. И даже после образования Кавказской и Черноморской епархии (1843 г.) решением командования казаки Терского левобережья были выведены за ее пределы и подчинены непосредственно обер-священнику Отдельного Кавказского корпуса²⁴.

Для безопасности населения, согласно приказам главнокомандующего на Кавказе П.Д. Цицианова, отданным еще в начале XIX в., каждая станица должна была окапываться глубоким рвом и обноситься колючей изгородью. Следовало устраивать два въезда, а для выгона скота – еще двое боковых ворот, под охраной караулов. Однако увиденные Калмбергом станичные укрепления и их охрана далеко не соответствовали приказам и требованиям командования.

Так, описывая укрепления и охрану станицы Стодеревской (Моздокского полка), он добросовестно отметил и их негодность, и нарушение казаками – как рядовыми, так и начальством – установленного порядка: «Плетневая укрепленная изгородка, кругом станицы сделанная для защиты от хищников, находится в самом ветхом состоянии, канава вся почти сравнялась с горизонтом. При въездах через шлагбаум все обломано, часовых в проезде оной не видал, хотя оные и полагаются быть при шлагбауме, но по домашней необходимости находятся дома или у станичных начальников на работе»²⁵. А в общем замечании к описанию дистанции Гребенского войска Калмберг констатировал, что во многих местах плетневые укрепления вокруг станиц проломаны так, «что во всякое время хищники имеют свободный ход. Если бы и сего не было, то без всякого шума можно весь плетень повалить и целый табун провести... По таковой беспечности начальства и ветхости укреплений, немудрено, что хищники осмеливаются проходить в станицы на базы и уводить быков и тому подобное. Часовых у станичных ворот не бывает, а хотя изредка и бывают и то спящие, и ружья не заряжены, и патронов не имеется, а как плетни станиц ветхие, то для хищника везде свободно открытые ворота»²⁶.

Калмберг не считал нужным вдаваться в объяснения причин этой «беспечности». Но судя по воспоминаниям некоторых офицеров, жители приграничья воспринимали опасность как часть своей обыденной жизни, а частые нападения и грабежи представлялись им «безделицами», которые «никого не смущали в то время на Кавказе»²⁷. С другой стороны, описанные Калмбергом станичные укрепления, так мало похожие на непреступные каменные крепости, заставляют задуматься о существовании в условиях беспокойного пограничья иных, мирных способов сосуществования казаков со своими беспокойными затеречными соседями. В этой связи невольно вспоминается казак Лукашка с кунаками-горцами из известной повести Л.Н. Толстого «Казаки».

Передвижение в кавказском пограничье было далеко не безопасным и происходило при обязательном военном сопровождении. В обязанности казаков входило сопровождение курьеров и едущих

по службе чиновников, конвоирование государственной почты. Для этих целей в каждой станице из казаков формировалась караульная команда. Например, в станице Галюгаевской она состояла из 16-ти человек, «кои развозят нужные бумаги и конвоируют проезжающих и почту»²⁸.

Калмберг отметил ряд недостатков и нарушений в выполнении караульными командами своих обязанностей. Так, при описании станицы Галюгаевской он пишет: «...Конвойная команда в большом послаблении, на посту казаков никогда в наличности не имеется, которые бывают всегда на работе собственной или у своего начальства, считая конвойную команду и конвоирование совершенно ненужным. Если какой проезжающий чиновник и вынудит, чтобы его конвоировали до следующего пункта, то казаки по разным предлогом отстают самовольно или просят позволения от чиновника вернуться назад, уверяя его, что тут опасности никакой не предвидится»²⁹. В станице Калиновской (Моздокского полка) дом конвойной команды, по наблюдению Калмберга, «в самом скверном состоянии, а потому казаки и не бывают на своем месте, от чего проезжающие чиновники должны значительное время дожидаться конвоя, когда их соберут по домам, которые часто бывают отлучившимися в поле на работу. Нередко случается проезжающему, прождавшему долгое время в станице, услышать от станичного начальника нелепые отговорки и настоятельное предложение следовать далее не теряя времени, уверяя, что тут опасности никакой не предвидится, в то время когда у самих жителей часто хищники днем угоняют скотину и нередко убивают людей»³⁰.

Плохую организацию конвойной службы Калмберг объяснил тем, что конвойные команды формировались из «малолеток» или внутренне служащих казаков, на плечах которых, в силу прохождения остальными казаками действительной службы, лежало домашнее хозяйство. Его описание как основного источника казачьего благосостояния Калмберг дал особенно подробно на основании собранных им материалов.

Илисто-песчаная, а порой и солонцеватая почва Терского левобережья не позволяла казакам в полной мере заниматься хлебопашеством. Собственного хлеба катастрофически не хватало. «От посева хлеба они не могут даже себя прокормить, – замечает Калмберг при описании станицы Галюгаевской, – а большую часть покупают»³¹. Не могли казаки развернуться и в скотоводстве: не хватало лугов и выгонов для скота. «Лугов при станице [Стодеревской. – Т.К.] недостаточно, с трудом могут накопить на зиму, чтобы прокормить одну строевую лошадь... Луга по необходимости откупают

за рекою Терек у мирных азиатцев за дорогую цену, чтобы прокормить домашнюю свою скотину...»³².

Рыбная ловля и пчеловодство носили вспомогательный характер, а основной статьей более или менее стабильного дохода населения было садоводство, в первую очередь виноградарство. «Главный промысел оного [Гребенского. – Т.К.] войска, – отмечал Калмберг, – в хлебопашестве, скотоводстве, рыбной ловле, пчеловодстве и садоводстве. Первые четыре промысла едва только достаточное для пропитания самих себя, а последним тщательнее занимаются, от которого ежегодно получают красного вина в год до 294870 ведер и продается ежегодно на сумму 116693 рублей ассигнациями»³³.

Значительный урон казачьим хозяйствам наносили периодически повторяющиеся разливы Терека. Многие станицы, изначально построенные на самом берегу, из-за его подмыва вынуждены были переноситься севернее в степь. Но и это не всегда спасало. Выходя из берегов, Терек затапливал дома, хозяйственные постройки, сады и пашни. Необходимость постоянно укреплять фашинные плотины отнимало много времени и сил. При описании станицы Каргалинской (Терско-Семейного войска) Калмберг отметил: «Около сей станицы горизонт воды в реке Терек равняется с крышами строений в станице, то есть русло Терека выше основания станицы на 1,5 сажени и более, поэтому весь станичный берег жители вынуждены были укрепить фашинной плотиной, дабы при разливах Терека не могло нечаянно ночью затопить станицу. Жителям оная плотина стоит чувствительного изнурения, отнимает время от занятия хлебопашеством и садоводством»³⁴. Часто случалось, что воды Терека прорывали плотину и затапливали станицу. Особенно тяжелы и убыточны были летние разливы (вследствие таяния снегов в горах) в самую горячую рабочую пору. «В таких случаях, – отмечает Калмберг, – бьют в набат, жители, встревожась, в полях бросают работы, бегут на помощь и укрепляют плотину. Таковые частые тревоги совершенно жителей отягощают и отнимают много времени от их занятий и работ»³⁵.

Особенно сложная ситуация, по наблюдениям Калмберга, сложилась в станице Александрия (Терско-Кизлярского войска), жители которой поступили в казачье сословие в 1826 г. из государственных крестьян. «Главный промысел состоит в хлебопашестве, скотоводстве и садоводстве, но каждая из оной промышленности в весьма скудном состоянии. Хлеб здесь не может родиться, если не наполнять землю водой, посредством канав, равно и сады. Река Старый Терек совершенно безводен – то и поля остаются без посевов, а сады совершенно все высохли и жители в самом скудном состоя-

нии... Если правительство не обратит внимания, то оные придут в совершенную нищету и не в состоянии будут готовить себя на службу вооружением и лошадьми»³⁶.

Наконец, Калмберг обратил внимание на постепенную утрату казаками многих своих привилегий, что отрицательно сказывалось на их материальном благосостоянии. Он подмечал и антисанитарное состояние станиц, и бездействие в этом отношении станичного начальства.

* * *

Рукопись Калмберга по своему содержанию выходит за рамки сухого статистического отчета военного характера. Описание казачьих кордонных дистанций открывают краткие исторические справки, повествующие о постепенном освоении казаками Терского левобережья, а характеристике отдельных станиц предшествуют топонимические замечания автора, объясняющие происхождение их названий. Так, станица Стодеревская, по сведениям Калмберга, название свое получила «от произраставших около одного места больших стодерев»³⁷, станица Галюгаевская – «по названию озера Галюгай, образовавшегося в результате разливов Терека и служившего основным источником питьевой воды для жителей станицы»³⁸, станица Ищерская – по располагавшимся на противоположном крутом берегу Терека развалинам пещер, «от чего станица и получила название Пещерской, но казаки оное название по своему наречию перевернули в Ищерскую»³⁹. Хотя со многими приведенными объяснениями топонимов можно поспорить, их ценность возрастает тем более, что объяснение происхождения названия целого ряда казачьих станиц Терского левобережья нельзя найти даже в современных топонимических словарях по Кавказу⁴⁰.

В целом «Статистическое описание...» Калмберга позволяет увидеть военные, хозяйственные и другие реалии кавказского пограничья 1830-х гг. во всем их многообразии и противоречивости: недостатки в организации кордонной службы казаков, неустроенность их станичного и хозяйственного быта. Представленные в материалах Калмберга случаи казачьего «нерадения» негативно отражались на обеспечении безопасности новой окраины России в целом. Понимая это, офицер не ограничивается сухой констатацией фактов. Его рукопись вскрывает причины сложившегося положения дел, показывает, какой ценой казакам удавалось приспособляться для выживания в ставших для них к тому времени уже родных краях, выполняя при этом роль буфера между «немирными» горами и

российскими переселенцами.

Приведенные Калмбергом обширные статистические данные нашли реальное применение и были использованы военной администрацией для реорганизации казачьих военных подразделений в рамках образованного в 1832 г. Кавказского линейного казачьего войска.

Сам Калмберг в дальнейшем проходил военную службу за пределами Кавказа. Судя по полученным им наградам – орденам св. Анны, св. Владимира, св. Георгия, – она сложилась успешно. В середине 1850-х гг., уже в чине полковника Генерального штаба, он возглавлял 1-е отделение Военно-топографического депо⁴¹.

Примечания

¹ Бобровников В.О., Кажаров В.Х., Сотавов Н.А. Северный Кавказ в Греческом проекте Екатерины II: Складывание кавказского фронта империи // Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 54–58.

² Колосовская Т.А. «Скрытные обозрения земель неприязненных нам горцев»: разведывательная деятельность российских военных на Кавказе в 30-е гг. XIX в. // Армия и общество. 2013. № 1(33). С. 175–182.

³ Забудский Н.Н. Военно-статистическое обозрение Российской империи: Ставропольская губерния. Т. XVI. Ч. 1. СПб., 1851; Карлгоф Н.И. Военно-статистическое обозрение Российской империи: Восточный берег Черного моря. Т. XVI. Ч. 10. СПб., 1855.

⁴ Глиноецкий Н.П. История русского Генерального штаба. Т. II. СПб., 1894. С. 202.

⁵ Колосовская Т.А. «Пока архивы не сделались добычей пожара или тления»: историко-исследовательская деятельность генерал-лейтенанта И.Д. Попко // Военно-исторический журнал. 2014. № 4. С. 53–58.

⁶ Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен: Гребенское войско. Нальчик, 2001.

⁷ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII – XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001.

⁸ Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 2008. С. 157–158.

⁹ Дебу И.Л. О Кавказской линии. СПб., 1829. С. 275.

¹⁰ Там же. С. 310.

¹¹ Торнау Ф.Ф. Указ. соч. С. 13.

¹² Там же. С. 206.

¹³ Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен: Гребенское войско. С. 253.

¹⁴ Там же. С. 253.

¹⁵ Там же. С. 261.

¹⁶ Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 79. Оп. 1. Д. 1508. Л. 13об.

¹⁷ Там же. Л. 56.

¹⁸ Там же. Л. 43.

¹⁹ Там же. Л. 48.

²⁰ Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен: Гребенское войско. С. 267.

²¹ ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1508. Л. 20об.

²² Там же. Л. 30об.

²³ Там же. Л. 28.

²⁴ Гедеон, митр. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. Пятигорск, 1992.

²⁵ ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1508. Л. 18.

²⁶ Там же. Л. 48.

²⁷ Торнау Ф.Ф. Указ. соч. С. 29.

²⁸ ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1508. Л. 20об.

²⁹ Там же. Л. 20–21.

³⁰ Там же. Л. 35–36.

³¹ Там же. Л. 19.

³² Там же. Л. 17об.

³³ Там же. Л. 45об.

³⁴ Там же. Л. 65.

³⁵ Там же. Л. 65.

³⁶ Там же. Л. 79об.–80.

³⁷ Там же. Л. 17об.

³⁸ Там же. Л. 19об.

³⁹ Там же. Л. 23об.

⁴⁰ Твердый А.В. Кавказ в именах, названиях, легендах: опыт топонимического словаря. Краснодар, 2008.

⁴¹ Список полковникам по старшинству (Исправлено по 15 июля). СПб, 1855. С. 163.

Автор, аннотация, ключевые слова

Колосовская Татьяна Александровна – канд. ист. наук, доцент Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь)
kolosowskay@yandex.ru

В статье впервые в российской историографии анализируется военно-статистическое описание левого фланга Кавказской укрепленной линии, составленное штабс-капитаном российского Генерального штаба Г.К. Калмбергом в 1834 г. До сих пор мало известная историкам, эта уникальная рукопись хранится в Государственном архиве Ставропольского края. Особое внимание уделяется характеристике условий появления этого исторического источника и анализу его содержания. В 1834 г. Калмберг

проинспектировал крепости и казачьи станицы, располагавшиеся по реке Терек. В ходе Кавказской войны (1817–1864 гг.) собранные им сведения были необходимы командованию Отдельного Кавказского корпуса для усиления обороноспособности левого фланга Кавказской линии. Делается вывод о том, что рукопись Калмберга воссоздает достоверную картину боевой и хозяйственной повседневности казаков кавказского пограничья, дает возможность реально представить, в каких исключительно тяжелых условиях им приходилось отстаивать свое право жить на новой окраине Российской империи.

Кавказская война (1817–1864 гг.), Кавказская укрепленная линия, кавказское пограничье, Отдельный Кавказский корпус, военная топография, военно-статистическое описание, казачество, Кавказское линейное казачье войско, станица, повседневность, Г.К. Калмберг

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Kolosovskaya T.A. “Skrytnye obozreniya zemel nepriyaznennykh nam gortsev”: razvedyvatelnaya deyatelnost rossiyskikh voennykh na Kavkaze v 30-e gg. XIX v. *Armiya i obshchestvo*, 2013, no. 1(33), pp. 175–182.

2. Kolosovskaya T.A. “Poka arkhivy ne sdelalis dobychey pozhara ili tleniya”: istoriko-issledovatel'skaya deyatelnost general-leytenanta I.D. Popko. *Voенно-istoricheskiy zhurnal*, 2014, no. 4, pp. 53–58.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

3. Bobrovnikov V.O., Kazharov V.Kh., Sotavov N.A. Severnyy Kavkaz v Grecheskom proekte Ekateriny II: Skladyvanie kavkazskogo frontira imperii. *Severnyy Kavkaz v sostave Rossiyskoy imperii* [North Caucasus within the Russian Empire]. Moscow, 2007, pp. 54–58.

(Monographs)

4. Velikaya N.N. Kazaki Vostochnogo Predkavkazya v XVIII – XIX vv. [The Cossacks in the Eastern Ciscaucasia in the XVIII – XIX centuries] Rostov-on-Don, 2001, 278 p.

5. Gedeon, mitr. Istoriya khristianstva na Severnom Kavkaze do i posle prisoedineniya ego k Rossii [The History of Christianity in the North Caucasus before and after its Accession to Russia]. Pyatigorsk, 1992, 191 p.

6. Popko I.D. Terskie kazaki so starodavnikh времен: Grebenskoe voysko [The Terek Cossacks since Olden Times: Grebensk Troops]. Nalchik, 2001, 526 p.

7. Popko I.D. Terskie kazaki so starodavnikh времен: Grebenskoe voysko

[The Terek Cossacks since Olden Times: Grebensk Troops]. Nalchik, 2001, p. 253.

8. Popko I.D. Terskie kazaki so starodavnikh vremen: Grebenskoe voysko [The Terek Cossacks since Olden Times: Grebensk Troops]. Nalchik, 2001, p. 253.

9. Popko I.D. Terskie kazaki so starodavnikh vremen: Grebenskoe voysko [The Terek Cossacks since Olden Times: Grebensk Troops]. Nalchik, 2001, p. 261.

10. Popko I.D. Terskie kazaki so starodavnikh vremen: Grebenskoe voysko [The Terek Cossacks since Olden Times: Grebensk Troops]. Nalchik, 2001, p. 267.

11. Tverdy A.V. Kavkaz v imenakh, nazvaniyakh, legendakh: opyt toponimicheskogo slovarya [The Caucasus Through Names, Terms, and Legends: About Making a Toponymic Vocabulary]. Krasnodar, 2008, 432 p.

Author, Abstract, Key words

Tatyana A. Kolosovskaya – Candidate of History, Senior Lecturer, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)
kolosowskay@yandex.ru

The article apparently for the first time in the Russian historiographical tradition attempts to analyse the rare primary source: a military statistical description of the Left flank of the Caucasus Defence Line. It was made by the officer of the Russian General Staff G.K. Kalmberg in 1834. Being virtually unknown for historians, his manuscript is kept in the State Archive of Stavropol Krai. The article specifies the conditions under which the primary source appeared and focuses on analysing its core points. In 1834 Kalmberg inspected the Cossacks' fortified forts and villages (*stanitsas*), located on the Tereck's banks. The information he collected was requested by the Separate Caucasus Military Corps' commanding staff, in order to strengthen the defence system of the Left flank of the Caucasus Line during the Caucasian War (1817–1864). Finally, the author concludes that the Kalmberg's manuscript reconstructs the authentic scene of both military and economic daily life of the Cossack inhabitants of the frontier area. It enables to realize the precise picture of extremely hard conditions, under which the Cossacks had to assert their right to live in the new borderland of the Russian Empire.

Caucasian War of 1817–1864, Caucasus Defence Line, Caucasus frontier, Separate Caucasus Military Corps, military topography, military statistical description, Cossacks, Caucasus Line Cossacks, Cossack *stanitsa*, daily life, G.K. Kalmberg

В.Н. Шайдуров

ЕВРЕИ И ИХ МЕСТО В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

V. Shaidurov

The Jews and their Place in the Economic Life of Western Siberia in the second half of the 19th century

На рубеже XX–XXI вв. исследователи стали уделять большое внимание проблемам региональной истории. Активизировалось изучение тех национальных и конфессиональных групп, которые в советское время находились вне поля зрения специалистов. Появились многочисленные исследования по истории региональных национальных общин (немецких, польских, еврейских, прибалтийских, финских и других). Не стала исключением сибирская еврейская община, по истории которой в последнее время появились не только отдельные статьи, но монографии¹.

Вопрос о месте еврейского сообщества в экономической жизни России и отдельных регионов был поставлен еще в досоветский период. Так, он стал основным в исследовании одного из крупнейших русских еврейских экономистов конца XIX – начала XX вв. Б.Д. Бруцкуса «Профессиональный состав еврейского населения России: по материалам Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года» (СПб., 1908). На сибирском уровне об этом писали в своем исследовании «Евреи в Иркутске» (Иркутск, 1915) В.С. Войтинский и А.Я. Горнштейн. Однако в советское время эта тема не получила своего развития.

В современных исторических исследованиях по иудаике периода Российской империи преобладает региональный подход. Большая часть публикаций посвящена истории евреев Восточной Сибири, тогда как западносибирская еврейская община изучена крайне слабо, что находит свое отражение в количестве печатных работ. Другой специфической чертой современной историографии является повышенный интерес исследователей к проблемам социальной истории общин, тогда как экономическая жизнь еврейского сообщества остается вне поля зрения историков². Наконец, в современных работах при рассмотрении жизни иудейского сообщества либо слабо присутствует, либо отсутствует вовсе общерегиональный фон: вне

исследовательского поля оказываются проблемы взаимоотношений общины и окружающего сообщества, определения ее места в хозяйственной жизни региона и т.д.

В настоящей статье мы рассмотрим особенности формирования еврейской общины Западной Сибири в пореформенный период, охарактеризуем основные источники материального благосостояния и виды хозяйственной деятельности, в которые ее члены были включены, определим ее место в хозяйственной жизни региона. В качестве источников использованы в основном архивные документы делопроизводственного характера и опубликованные материалы статистических сборников, региональной периодической печати, которые мало используются в последнее время исследователями.

* * *

К середине XIX в. в Сибири сформировались основные центры общинной жизни еврейского населения. В первую очередь, это были крупные административные и торговые центры – Тобольск, Томск, Иркутск, Каинск, Верхнеудинск и другие. Здесь были открыты молельные дома, организованы погребальные братства, существовали еврейские кладбища. Это свидетельствует о длительном существовании и устойчивом развитии общин: все это было невозможно при малом числе евреев в сибирских городах. По данным Министерства внутренних дел, уже к 1834 г. в Сибири проживало «18 купцов, мещан, цеховых и городских рабочих 659, а в Омской области поселенцев 13 иудейского вероисповедания»³.

В первой половине XIX в. прослеживается устойчивый рост численности иудейского населения в Сибири. Это было обусловлено как ссылкой, так и административной высылкой гражданского населения из пределов черты оседлости. Так, по данным Е. Анучина, извлеченным из архива Тобольского приказа о ссыльных, только за 1837–1846 гг. в Сибирь было сослано 876 евреев мужского пола и 63 женского пола⁴. Это составило 1,4 % от общей массе ссыльных (в общей массе населения России этого времени евреи составляли около 2,4 %).

С другой стороны, после распространения на евреев рекрутской повинности в 1827 г., в Сибирь стали прибывать записанные в кантонисты еврейские мальчики в возрасте от 8 до 16 лет. Историк Й. Петровский-Штерн в своей работе, посвященной службе евреев в русской армии, поместил данные об их количестве на 11 июня 1839 г.: в Омском, Тобольском, Томском, Иркутском батальонах и Красноярских учебных ротах их насчитывалось 57 (1,3 %

евреев-кантонистов), причем все они остались в иудейской вере⁵. Ежегодное количество кантонистов к 1856 г. постоянно возрастало: в 1855 г. только в Томскую школу кантонистов прибыло 350 детей из губерний, находящихся к западу от черты оседлости. Нарушение евреями в сухопутных войсках и на флоте воинских уставов влекло за собой не только дисциплинарные наказания: по данным Военного министерства, только в 1858 г. в числе 5 тыс. высылаемых в Сибирь из частей Внутренней стражи «порочных нижних чинов... для образования в казачье сословие... евреев [было] до 400 человек»⁶.

Все это происходило на фоне попыток правительства и губернских властей во времена правления Николая I максимально сократить численность еврейского населения за Уралом.

Буржуазно-демократические преобразования Александра II сказались на жизни и еврейской диаспоре. В начале 1860-х гг. был принят ряд законов, позволивших некоторым категориям евреев переселиться из пределов черты оседлости во внутренние губернии Российской империи. В число этих губерний попали и сибирские. На этом основании лица, имевшие высшее образование, академические степени, а также купцы 1-й и 2-й гильдий, приказчики, аптекари, повивальные бабки, провизоры, винокуры, ювелиры, стекольщики и прочие ремесленники, связанные с обработкой и переработкой минерального и сельскохозяйственного сырья, в массовом порядке начали переселяться первоначально в прилегающие к черте оседлости губернии (Новгородская, Псковская, Смоленская). Далее миграционный поток постепенно достиг Урала и Сибири.

Частичная либерализация российского законодательства о евреях имела огромное значение для ряда регионов, в том числе и Сибири. Появление здесь относительно большого числа лиц с университетским и специальным образованием способствовало началу модернизации экономической и социокультурной жизни. Евреи, прибывшие в Сибирь по собственному желанию, скоро изменили облик еврейской общины, которая приобрела более упорядоченный вид, структуру, внутреннюю жизнь.

Оказавшись в Сибири, евреи нуждались в источниках дохода. Пока они находились здесь в качестве ссыльных и высланных, они могли рассчитывать на получение незначительного денежного содержания, которого едва хватало на пропитание и промтовары первой необходимости. Бедственное положение заставляло их либо обращаться за финансовой помощью к родственникам, либо искать дополнительные заработки на месте.

Первоначально евреи предприняли попытку воспроизвести на новом месте традиционную хозяйственную модель, включившись

в местную торговлю и транспорт. Заметная роль еврейской общины в торговой сфере Тобольска неоднократно отмечалась современниками. Отзывы были далеко не всегда лестными. Так, Тобольский вице-губернатор А.И. Дмитриев-Мамонов писал, что «ростовщичество и сбыт краденых вещей – самые излюбленные занятия евреев»⁷. Активное участие евреи приняли и в развитии транспортной сферы, главным образом извозного промысла. В то же время ремесло и промышленность поначалу не привлекали евреев. Исключение составило лишь стекольное производство, в котором, по нашему подсчету, было задействовано около 70 % трудоспособных евреев⁸.

Одним из наиболее распространенных среди евреев занятий стало нищенство. По данным народническо-областнической газеты «Сибирская газета», издававшейся томским просветителем Петром Макушиным, только в Томске в 1885 г. оно было источником существования около 40 евреев. Некоторые из них превратили нищенство в профессию, а для некоторых оно стало образом жизни, «получением выгодного гешефта»⁹.

Однако низкий уровень развития экономики Сибири давал возможность предприимчивым евреям обосновываться в различных экономических нишах. Так, в первые пореформенные десятилетия в регионе наблюдалась активизация частного капитала, в том числе еврейского, в золотодобыче. Сибирские евреи из числа «нуворишей» становились владельцами золотых приисков, многие из которых находились на территории Алтайского горного округа. По нашим подсчетам, в Мариинском округе, например, на 1873 г. числился 281 частный золотой прииск, из которых 10 принадлежало томским и мариинским купцам еврейского происхождения¹⁰. Один из них, Б.Л. Хотимский, получил свидетельство на право заниматься поиском и добычей золота еще в 1862 г. К 1873 г. в Мариинском горном округе ему принадлежало пять золотоносных участков¹¹.

Евреи в Сибири стремились вести также поиск драгоценных камней и разработку минералов. Например, в 1873 г. соответствующее прошение и необходимые разрешительные свидетельства были представлены в Горное правление Алтайского округа от Г.О. Хаймовича¹².

В пореформенный период уже традиционной отраслью для еврейских предпринимателей стали казенные подряды, которые они активно получали от сибирских властей, военного и финансового ведомств. В 1860-х гг. продолжал свою деятельность В. Гудович, бравший различные подряды с 1840-х гг. и принимавший участие в строительстве генерал-губернаторского дома в Омске¹³, что позволило ему стать одним из авторитетных представителей сибирского

предпринимательского мира.

В 1860–1880-х гг. активную роль в этой сфере играло многочисленное семейство Б. Хотимского. Еще в 1864 г. его жена Марина, числившаяся томской купчихой 1-й гильдии, не только активно занималась торговлей и разработкой золотых приисков, но и активно боролась за получение казенных строительных подрядов¹⁴.

Далеко не всегда еврейские дельцы добросовестно относились к выполнению взятых на себя обязательств. В одних случаях это сходило с рук. Но были и обратные случаи: в 1883 г. на все имущество той же Хотимской был наложен арест «в обеспечение могущего пасть на Хотимскую взыскания по делу о неправильности постройки Больше-Косульского моста, находящегося в Мариинской округе, и по другим делам»¹⁵. А уже через месяц, 13 апреля 1883 г., «по определению Томского Окружного Суда Томская 1-й гильдии купчиха Марина Григорьева Хотимская объявлена несостоятельной должницею»¹⁶.

Сибирская пресса 1880-х гг. активно обсуждала систему казенных подрядов. На конкретных примерах корреспонденты из различных сибирских городов писали о ее порочности. Это относилось не только к строительным подрядам, но и к другим работам по подрядам Военного министерства, Министерства внутренних дел, Министерства юстиции и других государственных учреждений.

Подрядчики делали деньги из воздуха. Так, в 1885 г. «Сибирская газета» поместила на своих страницах заметку из Верхнеудинска. В ней рассказывалось о заготовлении и расходовании арестантской обуви и одежды. Автор писал, что «заготовление одежды сдается подрядчику... По исполнении подряда он сдает заготовленные вещи комиссии, которая при приеме должна руководствоваться образцами этих одежд, присланных из областного управления»¹⁷. Такая процедура должна была исключить возможности для злоупотреблений. Однако, как писал корреспондент, «еврей из-за малой прибыли за гешефт не возьмется, а находчивости ему не занимать. Командированный для ревизии чиновник осматривает принятую одежду и находит ее очень дурной, сравнивает с образцами, а те еще хуже. Печать на образцах оправдывает еврея-подрядчика, а казенные денежки плачут»¹⁸.

Подобных случаев было немало, и в них часто имел место подлог.

* * *

В пореформенный период в Западной Сибири сформировалось

несколько богатых еврейских кланов, сколотивших свои капиталы различными способами.

Одним из крупных представителей еврейского торгово-промышленного капитала было семейство Мариупольских, проникшее в различные отрасли перерабатывающей промышленности. Так, в Тобольской губернии развернул свою деятельность купец Михаил Мариупольский, бывший владельцем салотопенного завода. В конце XIX в. на нем ежегодно вытапливалось 1 700 пуд. сала на общую сумму в 5 тыс. руб. На 28-ми салотопенных заводах Тобольской губернии в это время производилось 100 800 пуд. готовой продукции стоимостью 820 тыс. руб.¹⁹. Таким образом, доля Мариупольского составила 1,6 % общего объема и только 0,6 % в рублевом эквиваленте. Еще большую известность клан Мариупольских получил в сфере винокурения, производстве и продаже фруктовых вод и иной продукции в Омске.

Другим представителем еврейского семейного бизнеса в Томской губернии была семья Фуксманов. Одним из крупных производителей муки-крупчатки являлся томский купец Илья Леонтьевич Фуксман. По официальным данным, основанное им в 1878 г. мукомольное производство давало ежегодно около 42 тыс. пуд. муки на сумму более 50 тыс. руб. Предприятие Фуксмана может быть отнесено к разряду средних, так как на нем было занято 35 рабочих²⁰. По нашим подсчетам, на его долю этого предприятия приходилось 5,1 % общего объема произведенной крупчатки, что составляло около 6,5 % в денежном исчислении, а рабочие, трудившиеся на нем, составляли 10 % занятых в данной отрасли²¹.

Фуксманы занимались не только мукомольным бизнесом. Так, им принадлежал кожевенный завод в Томске²². Сын Ильи Леонтьевича - Григорий Ильич – владел одним из крупных винокуренных заводов. Томские газеты обсуждали участие Фуксманов в «стачке томских винокуров» в 1888 г. Так, «Сибирская газета» писала о И.Л. Фуксмане: «ему непосредственно нельзя участвовать в винокурении; между тем у него есть свой винокуренный завод “Тригорьевский”. Как тут быть? Изворотливый коммерсант очень ловко сумел не упустить из рук не только свой завод, но и участие в заманчивой стачке. В сентябре месяце, как раз перед самой сделкой, он крестил в лютеранство своего сына Григория и сдает по контракту за трехмесячную годовую аренду свой завод»²³. Так некоторые еврейские дельцы ради сохранения предприятий и приумножения семейного капитала готовы были пойти на внешний разрыв с иудаизмом. Но внутренняя связь с общиной сохранялась: тот же И.Л. Фуксман в течение длительного времени являлся старостой Каменной синагоги.

Кроме того, Г.И. Фуксман был владельцем одного из крупных пивоваренных заводов, расположенных в Томске. По объему сваренного пива это было третье производство в губернии: Фуксман значительно уступал настоящему пивному «королю» Томска прусскому подданному Р.И. Крюгеру и другому представителю еврейских промышленных кругов М.О. Рейхзелигману. В дальнейшем он открыл собственную пароходную компанию. В начале XX в. принадлежавший ему легко-пассажирский пароход «Владимир», имевший электрическое освещение и паровое отопление, совершал регулярные рейсы между Томском и Барнаулом²⁴.

Кстати, слабостью многих томских купцов было коневодство и конные бега, регулярно проходившие на Томском ипподроме. Она была присуща и И.Л. Фуксману, который в этом деле конкурировал с купцами Королевым, Пастуховым, Самсоновым²⁵. В 1897 г. побывавший в Томске министр юстиции Н.В. Муравьев приобрел у Фуксмана тройку вороных лошадей, которые были отправлены в Петербург²⁶.

Одним из крупнейших пивоваров Томска был Михаил Осипович Рейхзелигман, который выстроил в Томске первый паровой пивоваренный завод, уступавший лишь заводу Крюгера. На 1879 г. это было самое технически совершенное предприятие. В 1897 г. на страницах «Томского листка» томский пивовар написал, что «завод существует 18 лет и за это время приобрел солидную репутацию, поэтому думаю, что дальнейшая реклама для моего завода не нужна»²⁷. Подобное утверждение не было голословным, о чем свидетельствовали результаты исследований сортов пива, продаваемого в томских портерных: по качеству пиво Рейхзелигмана уступало лишь многочисленным сортам, варившимся на пивоварне Крюгера²⁸.

О месте и роли Фуксманов и Рейхзелигмана в сибирской пищевой промышленности красноречиво говорит статистика: в конце XIX в. на их долю приходилась почти треть объема пива, производившегося в Томской губернии²⁹.

* * *

Винокурение в отдельных округах Томской губернии полностью оказалось в руках евреев. Так, в конце 1880-х – 1890-е гг. в Мариинском округе главную роль играли Файнберг, Юдалевич, Буткевич³⁰. На фоне реального сговора с целью повысить цену на водку нельзя исключать и еще одну черту надвигавшегося монополистического капитализма – раздел сфер влияния.

Перепись 1897 г. зафиксировала относительно большое количе-

ство евреев, занимавшихся винокурением, пиво- и медоварением. По нашим подсчетам, по Тобольской, Томской губернии и Акмолинской области насчитывалось 30 самостоятельных лиц, работавших в этой отрасли, а вместе с членами семей их насчитывалось 182³¹.

К концу XIX в. евреи начали обосновываться в лесной и лесоперерабатывающей промышленности Сибири. Одним из пионеров в этом направлении оказался томский купец М.И. Минский, запустивший в 1887 г. свою спичечную фабрику, которая по объему производимой продукции уступала в Сибири только предприятию томского купца М.А. Воронцова. По нашим подсчетам, на долю Минского к 1900 г. приходилось более 30 % объема выпускаемой продукции (в рублевом эквиваленте), на его фабрике работали 60 рабочих и служащих, что составляло почти 30 % занятых в данной отрасли по всей Сибири³².

К началу XX в. русские промышленники не смогли рационально использовать богатейшие лесные богатства Сибири: русский лес вывозился в Китай в виде крупных бревен, «совершенно непригодных для нагрузки на суда и покупаемых китайцами неохотно»³³. Приход евреев в лесную и лесоперерабатывающую отрасли, по мнению современников, стало благом для экономики не только Сибири, но и России в целом: «рационализм и подвижность еврейского лесопромышленника» должны были придать им новый импульс – влить «свежие, живительные соки в неповоротливый лесной организм России»³⁴.

Капиталы направлялся еврейскими предпринимателями не только в производственную сферу: они открывали собственные кредитные конторы, занимаясь ростовщичеством. Так, в 1885 г. в Томске была открыта ссудная касса Евгения Едельштейна, которая сразу вступила в конкуренцию с уже действовавшей в городе гласной кассой Яппо. Открывая свое предприятие, Едельштейн предложил клиентам более низкий процент по залогу и выгодные условия погашения кредита. Это привело к настоящей войне между дельцами, которая завершилась победой Едельштейна.

Высокая концентрация еврейского населения преимущественно в губернских городах вела к активизации хозяйственной жизни Томска, Тобольска и Омска. В частности, в руках евреев-мещан оказались мелкие торговые и медицинские заведения, оказание многих услуг. Так, в Томске на Бочановской улице располагался дом терпимости Малки Абрамович, который вынужден был вести борьбу за клиентов с заведениями, принадлежавшими Носовицкой³⁵ и Рохе Бобович³⁶.

Мясо томское обыватели приобретали в лавках Лазаря Мош-

ковича, Леонтия Шмуйловича, Исаяи Холдина, Михеля Рахмана и других. Правда, как писали томские журналисты, санитарные условия производства мясных продуктов далеко не всегда были на должном уровне. Так, в одной из небольших заметок в издававшемся Макушиным «Томском листке» отмечалось, что «при осмотре мясной лавки Леонтия Шмуйловича по Завьяловскому переулку таковая найдена в чрезвычайно загрязненном состоянии»³⁷. Осматривавший 30 апреля 1897 г. мясные лавки Томска в присутствии полицейского чиновника городской врач А.А. Грацианов отмечал позднее, что «при осмотре мясной лавки Лазаря Мошковича оказалось, что столы, на которых выложено в ней мясо, некрашены, стулья, на которых рубится мясо – грязны, а самое мясо лежит на грязных рогожах»³⁸. Результатом подобных проверок становилось привлечение владельцев лавок к административной ответственности. А публикация подобных заметок заставляла их наводить порядок, чтобы не потерять клиентов.

Газеты в конце XIX в. были одним из наиболее действенных распространителей рекламы. На их страницах печатались многочисленные рекламные объявления, в которых указывались владелец предприятия и выполняемые им работы.

Реклама позволила, в частности, установить врачей-евреев, которые имели практику в сибирских городах. Так, в Томске свой зубоврачебный кабинет был у Анны Леонтьевны Цейтлин³⁹. Столь же легко по рекламе можно узнать о деятельности присяжных поверенных и их помощников. Скажем, в Томске имел свою юридическую практику выпускник Новороссийского университета Рафаил Вейсман, лично знакомый с Т. Герцелем. Успешная адвокатская деятельность позволила Вейсману заслужить уважение коллег. В дальнейшем он стал казначеем Томского совета поверенных.

В конце 1870-х – начале 1890-х гг. первые представители еврейского общества появились и в образовательной системе.

До 1840-х гг. в местах компактного проживания евреев была распространена традиционная система начального образования в виде хедеров и Талмуд-торы. С начала 1840-х гг. в рамках политики русификации был введен запрет на право преподавания тем еврейским учителям, которые не прошли курс обучения в казенных училищах и не имели соответствующего диплома. Правда, длительное время продолжали существовать подпольные хедеры, в которых обучением занимались доморощенные учителя⁴⁰.

В Томске до начала 1870-х гг. система еврейского образования была представлена лишь небольшой талмуд-торой, которая, как отмечал современник, «далеко не удовлетворяла непритязательному

вкусу даже среднего обывателя-еврея того времени»⁴¹. Уровень преподавания в ней был низкий. Но стремление томских евреев дать своим детям начальное образование привело к тому, что это заведение оказалось быстро переполненным, а единственному меламеду приходилось постоянно отказывать родителям в приеме в школу. В 1873 г. при непосредственном участии старосты Каменной синагоги И.Л. Фуксмана было открыто училище, в котором уже в следующем году обучалось 25 воспитанников⁴².

Но отсутствие профессиональных учителей длительное время сохраняло низкий образовательный уровень выпускников училища. Главная задача заведения была сведена к тому, чтобы дать «еврейской детворе знание еврейских молитв и библии в русском переводе»⁴³. В дальнейшем программа постепенно обогащалась, ученики стали изучать краткую историю еврейского народа, катехизис на русском языке, еврейское письмо, заниматься гимнастикой. Со временем училище стало доступно для девочек. К 1885 г. в нем обучалось 32 мальчика и 8 девочек⁴⁴. Расширение учебной программы требовало появления новых учителей, которые должны были быть иудеями.

* * *

Итак, к концу XIX в. евреи заняли свои «ниши» в хозяйственной жизни Западной Сибири. На примере Тобольска 1882 г. видно, что в некоторых сферах евреи они стали играть существенную роль. Насколько ситуация изменилась к концу XIX в. можно выяснить при сопоставлении данных переписи 1897 г., определив удельный вес евреев в той или иной профессиональной категории или группе категорий относительно всех занятых в ней.

По нашим подсчетам, к началу XX в. евреи больше всего были представлены в торговой сфере, где они составляли почти 5 % от общего числа торговцев в Томской и Тобольской губерниях⁴⁵. Особенно высока была доля их участия в торговле продуктами сельского хозяйства, тканями и одеждой.

Невысоким был удельный вес евреев в ремесленном производстве. Но и тут можно выделить отрасли, в которых они заняли не последнее место. В первую очередь, это – ювелирное ремесло и изготовление предметов искусства и роскоши. Несмотря на абсолютное преобладание в этой сфере русских мастеров, еврейские ювелиры в Тобольской и Томской губерниях прочно удерживали второе место. В обеих губерниях они составляли соответственно 3,3 % и 2,7 % местных ювелиров. Еще большим был вес еврейских винокуров в Томской губернии, где они составляли 4,3 % предпринимателей,

уступая лишь русским (79,3 %) и полякам (5,3 %). При этом их доля в производимой продукции была достаточно велика. Еврейские портные-мастера в Тобольской губернии составляли всего 2,7 %, но при этом занимали четвертое место, уступая русским (82,4 % занятых в этой сфере), татарам (4,2 %) и украинцам (3,9 %)⁴⁶.

* * *

Таким образом, еврейская община в Западной Сибири в пореформенный период представляла собой динамично развивающийся организм, который адекватно реагировал на те или иные вызовы времени. В первую очередь, это было обусловлено постоянным нарастанием критической массы «своих», что делало общину более сплоченной и препятствовало ассимиляции ее членов христианским большинством. Правда, источники для пополнения по-прежнему оставались непостоянными вследствие постоянных изменений в законодательстве.

Экономические процессы, протекавшие на протяжении пореформенного периода в Сибири, в некоторой степени изменили общину. Так, к концу XIX в. она оказалась сконцентрированной в тех округах западносибирских губерний, которые наиболее активно развивались под воздействием железнодорожного строительства либо развития аграрного сектора. Общесибирские трансформации привели к смене экономических интересов: если в 1850 – 1880-х гг. для евреев главными источниками дохода были откупа, подряды, золотые прииски, то в последней четверти XIX в. они вкладывали капиталы в развитие отраслей перерабатывающей промышленности, транспорта, кредитной сферы, порой занимая в них ведущие позиции. При этом еврейские предприниматели не были склонны к узкой специализации, а стремились вести свои операции в различных сферах, насколько позволяли капиталы.

Примечания

¹ Рабинович В.Ю. Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе. Красноярск, 2002; Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 года). Улан-Удэ, 2003; Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917 – 1922 гг.). Томск, 2009; Орехова Н.А., Кофман Я.М. Еврейские общины на территории Енисейской губернии (XIX – начало 30-х гг. XX вв.). Красноярск, 2009; Шайдунов В.Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX – начала XX в. СПб., 2013.

² Шайдунов В.Н. [Рец.] Бельх Е.А., Кальмина Л.В., Курас Л.В.

Общественная и культурно-просветительская деятельность евреев в Забайкальской области (60-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Культура народов Сибири. 2011. № 1. С. 94–96.

³ Ларина О.Г., Шайдунов В.Н. Некоторые направления государственной деятельности Е.Ф. Канкрин // Былые годы. 2014. № 1(31). С. 78.

⁴ Анучин Е.Н. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827 – 1846 годов: Материалы для уголовной статистики России. СПб., 1873. С. 136.

⁵ Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии. М., 2003. С. 124.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1265. Оп. 7. Д. 274. Л. 8.

⁷ Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск, 1884. С. 51–52.

⁸ Однодневная перепись населения... Ведомость XVII, XVIII / Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск, 1884.

⁹ Сибирская газета (Томск). 1885. 31 марта.

¹⁰ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 3036.

¹¹ Дмитриенко Н.М. Хотимские // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции в Сибири. Т. 4, кн. 2. Новосибирск, 1998. С. 88; Шайдунов В.Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX – начала XX в. СПб., 2013. С. 104.

¹² ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Т. 4. Д. 7679.

¹³ РГИА. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 19. Стлб. 33.

¹⁴ Томские губернские ведомости. 1883. 31 марта.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Томские губернские ведомости. 1883. 5 мая.

¹⁷ Сибирская газета. 1885. 11 авг.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов окраин России: Царства Польского, Кавказа, Сибири и Средне-Азиатских владений. СПб., 1900. С. 186.

²⁰ Там же. С. 202.

²¹ Там же. С. 200.

²² Сибирская жизнь (Томск). 1897. 20 нояб.

²³ Сибирская газета. 1888. 7 янв.

²⁴ Томская торгово-промышленная газета объявлений. 1905. 18 авг.; 8 сент.; 22 сент.; 29 сент.

²⁵ Сибирская газета. 1885. 17 марта.

²⁶ Томский листок. 1897. 13 июля.

²⁷ Томский листок. 1897. 2 сент.

²⁸ Томский листок. 1897. 29 мая.

²⁹ Орлов П.А. Указ. соч. С. 208.

³⁰ Сибирская газета. 1888. 7 янв.

³¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 78: Тобольская губерния. СПб., 1905. С. 158; Первая Всеобщая пере-

пись населения Российской империи 1897 г. Т. 79: Томская губерния. СПб., 1904. С. 156; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 81: Акмолинская область. СПб., 1905. С. 90.

³² Орлов П.А. Указ. соч. С. 209.

³³ Коробов Х.И. Экономическая роль евреев в русской лесной торговле и промышленности. Пг., 1916. С. 125.

³⁴ Там же. С. 126.

³⁵ Томский листок. 1897. 25 апр.

³⁶ Томский листок. 1897. 8 марта.

³⁷ Томский листок. 1897. 3 мая; 16 мая.

³⁸ Томский листок. 1897. 3 мая.

³⁹ Томский листок. 1897. 16 мая.

⁴⁰ Чериковер И. Казенные еврейские училища // Еврейская энциклопедия. Т. 9. СПб., 1911. С. 113–114.

⁴¹ Ю.О. Еврейское училище в Томске: История его возникновения и развития, 1873 – 1913 гг. Томск, 1912. С. 1.

⁴² Там же. С. 2.

⁴³ Там же. С. 3.

⁴⁴ Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни (Томск). 1885. 25 июля.

⁴⁵ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 78: Тобольская губерния. С. 152–161; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 79: Томская губерния. С. 152–161.

⁴⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 78: Тобольская губерния. С. 156–161.

Автор, аннотация, ключевые слова

Шайдунов Владимир Николаевич – канд. ист. наук, доцент Национального минерально-сырьевого университета «Горного» (С.-Петербург) s-w-n@mail.ru

В статье анализируется предпринимательская деятельность еврейской общины Западной Сибири во второй половине XIX в. На основании анализа архивных документов и опубликованных статистических источников показывается, что евреи, приехавшие из западных губерний Российской империи, занялись преимущественно скупкой и переработкой сельскохозяйственного сырья. Они либо брались за не слишком привлекательные для местного населения виды предпринимательства, либо закладывали основы новых отраслей перерабатывающей промышленности. Делается вывод, что такими путями евреи сумели прочно занять различные хозяйственные ниши, которые давали им устойчивую прибыль. Первоначальное накопление капитала привело к формированию еврейских семейных кланов, закрепившихся в торговле, в различных отраслях пищевой промышленности, в сфере услуг, а также в банковском деле. Эти кланы внесли

существенный вклад в хозяйственное развитие Тобольской губернии, Томской губернии и Акмолинской области.

Российская империя, Сибирь, Тобольская губерния, Томская губерния, Акмолинская область, экономическая жизнь, банковское дело, торговля, промышленность, предпринимательство, предпринимательская этика, евреи, еврейская община, иудаика

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Larina O.G., Shaidurov V.N. Nekotorye napravleniya gosudarstvennoy deyatel'nosti E.F. Kankrina. *Bylye gody*, 2014, no. 1(31), p. 78.

(Monographs)

2. Kalmina L.V. Evreyskie obshchiny Vostochnoy Sibiri (seredina XIX v. – fevral 1917 goda) [The Jewish Communities of Eastern Siberia (mid XIX century – February 1917)]. Ulan-Ude, 2003, 423 p.

3. Nam I.V. Natsionalnye menshinstva Sibiri i Dalnego Vostoka na istoricheskom perelome (1917 – 1922 gg.) [National Minorities of Siberia and the Far East at a historical turning point (1917 – 1922)]. Tomsk, 2009, 500 p.

4. Orekhova N.A., Kofman Ya.M. Evreyskie obshchiny na territorii Eniseyskoy gubernii (XIX – nachalo 30-kh gg. XX vv.) [Jewish Communities on the Territory of the Yenisei Province (XIX – early 30-ies of XX centuries)]. Krasnoyarsk, 2009, 328 p.

5. Petrovskiy-Shtern Y. Evrei v russkoy armii [The Jews in the Russian army]. Moscow, 2003, p. 124.

6. Rabinovich V.Yu. Evrei dorevolyutsionnogo Irkutsk: menyayushcheesya menshinstvo v menyayushchemsya obshchestve [The Jews in Pre-Revolutionary Irkutsk: A Changing Minority in a Changing Society]. Krasnoyarsk, 2002, 240 p.

7. Shaidurov V.N. Evrei, nemtsy, polyaki v Zapadnoy Sibiri XIX – nachala KhKh v. [The Jews, Germans, and Poles in Western Siberia in XIX and early XX century]. St. Petersburg, 2013, 260 p.

8. Shaidurov V.N. Evrei, nemtsy, polyaki v Zapadnoy Sibiri XIX – nachala KhKh v. [The Jews, Germans, and Poles in Western Siberia in XIX and early XX century]. St. Petersburg, 2013, p. 104.

Author, Abstract, Key words

Vladimir N. Shaidurov – Candidate of History, Senior Lecturer, National Mineral Resources University “Mining” (St. Petersburg, Russia)
s-w-n@mail.ru

The article analyses the business activities of the Jewish community in Western Siberia in the latter half of the XIX century. On the basis of archival documents and published statistical data it is shown that the Jews who arrived from western provinces of the Russian Empire were mostly involved in buying up and processing agricultural products. They either took up the kinds of entrepreneurship which were considered unattractive by the local population or launched new processing industries. It is concluded that through these activities the Jews managed to secure the economic niches that brought them steady profits. The original accumulation of capital led to the appearance of Jewish family clans in banking, trade, different food industries and service sector. These clans made a significant contribution to the economic development of Tobolsk and Tomsk provinces and Akmolinsk region.

Russian Empire, Siberia, Tobolsk province, Tomsk province, Akmolinsk region, economic life, banking business, trade, industry, entrepreneurship, business ethics, Jews, Jewish community, Jewish studies

В.Л. Агапов

«КРУШЕНИЕ СТАРОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ»: 1917 ГОД В ЛИБЕРАЛЬНОМ ЗЕРКАЛЕ «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ»

V. Agapov

“The Collapse of the Old State and Social Order”: 1917 as reflected in the Liberal Mirror of “Vestnik Evropy” (“The Bulletin of Europe”)

Второй военный год (с лета 1915 по лето 1916 гг.) характеризовался ростом оппозиционных настроений русской прессы, которая все активнее нападала на правительство. Объективными поводами для недовольства были огромные потери действующей армии без видимых результатов скорой и неизбежной победы, надлом настроений на фронте и в тылу, инфляция, деградация транспортной системы, приводившая к ухудшению продовольственного снабжения больших городов.

Центром либеральной оппозиции являлась Государственная Дума, лидеры которой взяли курс на изменение политического строя страны. Пользуясь трудностями военного времени, они устно и в контролируемой ими печати упрекали правительство во враждебности

народу и отчуждении от него, в предательстве интересов страны, что якобы должно привести к неизбежной катастрофе. Закономерным итогом стала известная речь лидера кадетов П.Н. Милюкова «Глупость или измена?», прозвучавшая 1 ноября 1916 г. на открытии 5-й думской сессии.

Не поддерживая формально ни одну из политических партий, «Вестник Европы» принял активное участие в антиправительственной кампании, развернутой русской либеральной прессой¹. В феврале 1916 г. в статье «Сближение с Западом»², предвосхищая обвинения императорского двора в том, что тот является своего рода коллективным «германским агентом», Л.З. Слонимский рассуждал, что политика России долгое время находилась под прусским влиянием³, которое и «поддерживало у нас... правительственную реакцию». «Реакционному» и неспособному привести страну к процветанию самодержавному государству обозреватель журнала противопоставлял прогрессивную интеллигенцию. «Россия в лице своей интеллигенции активно участвует в общем умственном движении Европы, – писал он. – В совершенно ином положении находится политическая, официальная Россия: она мало понятна европейцам и вообще непопулярна за границей в широких слоях населения... Иностранцы знают и видят, что между властью и обществом существует у нас некоторый антагонизм и что наша бюрократия считает себя выше общественного мнения страны...» В итоге Слонимский приходил сам и подводил читателей к выводу, что «многие устарелые черты нашей государственности создают России крайне плохую репутацию за границей» и именно государство мешают России занять более достойное место среди великих держав⁴.

В июньском номере журнала К.К. Арсеньев⁵ задавался вопросом «Изменится ли государственный строй России?» Он писал о нарушениях Основных законов, злоупотреблениях 87-й статьей, позволявшей принимать законы без одобрения их Государственной думой и т.п. Причину он видел в «устойчивости традиций и взглядов, сложившихся в бесконечно длившуюся эпоху бюрократического всевластия... На почве веры в собственную мудрость [1-я строка вычеркнута; вероятно, цензором. – В.А.] укоренилась привычка все сосредотачивать в властных руках [Большая часть следующей страницы вычеркнута. – В.А.]»⁶.

Статьи Арсеньева вообще задавали основной тон в «Вестнике Европы» в конце 1916 г. В сентябрьском номере он критиковал политический строй, «с внешней стороны слегка измененный государственными актами 1905 и 1906 годов», но «по-прежнему не имеющий ничего общего с западно-европейским конституционным

укладом»⁷. «Конституционный уклад», очевидно, представлялся редактору «Вестника Европы» панацеей от всех бед.

В октябрьском (вышедшем в ноябре, поскольку там речь идет о событиях этого месяца) номере, по поводу открытия 1 ноября 5-й сессии Государственной думы, Арсеньев писал: «Никогда еще не обнаруживалось так ясно глубокое противоречие между настроением правительства и настроением народного представительства. Сессия началась при самых тяжелых предзнаменованиях. Более чем когда-либо чувствуется необходимость наступления новых условий, соответствующих важности и опасности переживаемого момента»⁸.

Думу Арсеньев называл «единственным местом, где может раздаться свободный голос, где может раскрыться... в главных чертах современное положение России»⁹. Положение это одному из старейших русских журналистов рисовалось в самых мрачных красках. В ноябрьском (вышедшем в декабре) номере, цитируя уже совсем не верноподданнические речи депутатов, он писал о «близости крушения политического и всякого другого обскурантизма» (то есть фактически о неизбежности свержения самодержавия)¹⁰ в России, выдавая это за желание общества: «Не может быть больше никакого сомнения в том, каким настроением проникнута мыслящая Россия»¹¹.

В этих рассуждениях Арсеньев полностью стоял на точке зрения думской оппозиции, разделяя ее требование создать «ответственное министерство», «облеченное народным доверием» и опирающееся на большинство в обеих палатах парламента.

Государственная дума, как писал Арсеньев в декабрьском (вышедшем в январе) номере журнала¹², «высказалась за необходимость “устранить влияние безответственных темных сил”»¹³. «Необходимо создать правительство сильное, русское по мысли и чувству, пользующееся народным доверием и способное к совместной с законодательными учреждениями работе. Только такое правительство может обеспечить доведение войны до полной победы, без которой народная мысль не допускает мира»¹⁴.

Принятие думской формулы Государственным советом и Съездом Объединенного дворянства Арсеньев считал признаком широкого народного одобрения: «Во всех трех формулах – Государственной Думы, Государственного Совета и дворянского съезда – одинаково идет речь об образовании министерства, пользующегося общественным доверием, и об устранении влияния безответственных темных сил»¹⁵.

В этих рассуждениях обращают на себя внимание две типичных для русских либералов черты. Первая: стремление выдать свое

мнение за мнение народных масс, а себя за защитников народных интересов. Вторая: уверенность в том, что буржуазная олигархия, добившись ликвидации самодержавия, сможет управлять страной лучше, чем царская бюрократическая олигархия.

* * *

С марта по сентябрь 1917 г. вышло всего три номера «Вестника Европы». Это было вызвано экономическими трудностями, заставившими редакторов «толстых» журналов перейти на сдвоенные и строенные выпуски. Тем не менее, даже в этих сложных условиях авторы «Вестника Европы» не остались в стороне от исторических событий и пытались оперативно откликаться на важнейшие из них – Февральскую революцию, создание и решения Временного правительства, Корниловский «мятеж».

Одной из главных тем «Вестника Европы» в 1914–1916 гг. была тема внутреннего мира. В начале войны авторам журнала казалось, что «единение» достигнуто на патриотической основе защиты родины от германизма (особенно это видно в сентябрьском номере за 1914 г.). Но постепенно, как отметил в январе 1916 г. В.Д. Кузьмин-Караваев, «всеобщее воодушевление» сошло на нет, и общество снова стало разобщено¹⁶. Аналогичную эволюцию в общественных настроениях, но за более короткий срок, журнал отметил и в 1917 г.

Вышедший в марте февральский номер «Вестника Европы» за 1917 г. открывался документами о «государственном перевороте 27 февраля – 2 марта 1917 года», которые предваряло обращение редакции к читателям:

«С незабвенного дня 27 февраля 1917 года начинается новая эпоха русской истории. Старый, прогнивший насквозь государственный строй, поддерживаемый жестокими мерами насилия и беззакония, низвергнут единодушным порывом народа и армии. Власть, угнетавшая и разорявшая страну, пала в бесславной борьбе с собственным народом.

Великий русский народ разорвал, наконец, опутавшую его сеть векового рабства и открыл себе дорогу к новой свободной жизни, на равных правах с передовыми народами культурного мира. Официальная Россия, служившая оплотом всех темных сил в Европе, исчезла, и ее место заняла новая, истинно великая демократическая Россия, проникнутая идеями права и справедливости. Различные народности, обитающие в пределах Российского государства, получают возможность жить свободно, сохраняя свой язык и свою веру, без ущерба для политического единства страны. Перед Россией от-

крывается светлое будущее, для достижения которого стоит жить и бороться.

«Да здравствует свободная Россия!»¹⁷

За этим обращением редакция поместила акты об отречении от престола Николая II и его брата.

Падению самодержавия в февральском номере была посвящена статья Д.Н. Овсяннико-Куликовского «Две февральские революции»¹⁸.

«При совершенно исключительных – и исключительно благоприятных – условиях совершилось крушение старого государственного и общественного строя, – писал автор. – Светлым, благодаря этому, является будущее новой, свободной России». По его оценке, на стороне правительства не было «ни одной законодательной палаты, ни одного сословия, ни одной партии», авторитет его был расшатан до самого основания¹⁹. Ослепление власти было безгранично. «Со всех сторон слыша слова осуждения или предостережения, она не хотела внимать им, потому что считала себя обладательницей материальной силы. В ее руках была полиция, было войско – и она верила в свою непобедимость. Когда ей отказало в повиновении войско и без него в ничто обратилась полиция, она должна была пасть – и пала безнадежно и бесславно»²⁰.

В статье Овсяннико-Куликовского революция 1917 г. сравнивалась с февральской революцией 1848 г. во Франции. Причем будущее русской революции виделось автору в более радужном свете, чем французской. Старое правительство было изолировано и не имело сторонников, а теперь союзниками России являются «передовые европейские нации». Война ведется с теми странами, «правительствам которых выгодно и приятно торжество реакции на русской почве». Восточная граница обеспечена союзом с Японией. Все национальности заинтересованы в победе над Германией. Войско не сражалось против революции, а помогло ей. «Другой династии, кроме осужденной народом и низвергнутой революцией, у нас нет», и это, по мнению автора, «служит одной из гарантий мирного будущего»²¹.

«Начала свободы, равенства и справедливости проводятся в жизнь с такой быстротой, такой безоглядной смелостью и такой силой политического разума, что все сомнения и опасения отпадают: творится великое историческое всенародное дело, – во главе движения и у кормила власти стали люди, олицетворяющие разум и совесть страны. И когда пробьет час созыва Учредительного собрания, Россия, уже свободная, уже счастливая и несокрушимо могучая братским единением всех ее народов и племен, выразит свою государственную всенародную волю – провозглашением демо-

кратической республики [Здесь и далее выделено автором статьи. – В.А.] на началах равноправия полов, национальностей, классов, религий и вероисповеданий, – как политического уклада, выдвигаемого на очередь историческим ходом вещей у всех цивилизованных народов и призванного создать гарантии **международного вечного мира** и необходимые условия достижения в будущем **вечного социального мира** внутри каждой страны»²².

Мартовский номер «Вестника Европы» вышел в мае 1917 г. Событиям в России в нем посвящена традиционная статья Арсеньева «На темы дня»²³. В России, считал Арсеньев, подлежат разрешению не только политические, но и социальные проблемы²⁴. Спустя месяц после свержения монархии он положительно оценивал итоги деятельности Временного правительства. «Работа закипела, в течение одного месяца получены результаты, которых при частичном обновлении государственного строя пришлось бы ждать... в течение долгих лет». Разрешены финский и польский вопросы, «уничтожены все национальные и религиозные ограничения», «блестит заря областных автономий, о которых не хотела и думать самодержавная монархия», «в течение нескольких дней осуществлено то, что было мечтою долгих десятилетий: действительное равенство перед законом», «вместе с всевластием административного произвола исчезает одно из главных его орудий – полиция»²⁵. «Из старого права вырвана всецело, без остатка смертная казнь»²⁶. «Устранена, можно надеяться, опасность голода, грозившего столицам и многим другим местностям»²⁷.

Старик Арсеньев, которому в январе исполнилось уже 80 лет, писал, что успехам Временного правительства благоприятствуют внутренние условия. Как и Овсяннико-Куликовский, он сравнивал русскую революцию с французской, но не 1848, а 1789 г. Он тоже считал, что, так как в России никто не встал на сторону свергнутого режима, то стране не угрожает опасность внутренней смуты²⁸. Но, в отличие от своего соредатора и издателя, он не был столь оптимистичен в отношении будущего революции: «если новому строю не угрожает гражданская война, то нельзя отрицать существование серьезной внешней опасности»²⁹.

Арсеньев предостерегал против надежд на скорое достижение всеобщего мира:

«Тяжелая неудача, понесенная нашими войсками, 21-го марта, на берегу Стохода... показала, к каким страшным последствиям может привести даже непродолжительное ослабление бдительности, даже кратковременный упадок дисциплины. Против войск освобожденной России германские войска действуют с таким же ожесточением,

с таким же напряжением сил, с каким они действовали против армии Николая II... Возможны ли, после этого тяжелого опыта, дальнейшие иллюзии относительно действия, произведенного русской революцией на широкие массы германского народа?.. Шансы успеха агитации, направленной к скорейшему во что бы то ни стало прекращению войны уменьшаются с каждым днем; все больше и больше распространяется и укрепляется у нас сознание, что нельзя говорить о мире, пока неприятель стоит на русской земле...»³⁰

Общий тон статьи Арсеньева оставался оптимистичным. Он полагал, что после революции в армии укрепится боевое настроение, а солдаты и рабочие напрягут все силы для «защиты свободы». В доказательство наступившего «единения» он неоднократно цитировал в статье резолюции войск, «признающие необходимым довести войну до победного конца»³¹. «Для успешного окончания войны, – писал он, – как и для продолжения громадной внутренней работы, необходимо спокойствие внутри страны, необходимо объединение вокруг общепризнанного центра»³². Возникшую в первые дни революции проблему «двоевластия» Арсеньев «решил» следующим образом: Совет рабочих и солдатских депутатов должен быть посредником между Временным правительством и массами, но не должен вторгаться в область управления. Это, писал он, ясно сознают сами войска, заявляющие, что «только в полном единении... залог нашей победы и торжества свободы». В статье цитировались «блестящие речи» и выступления в печати в поддержку буржуазной демократии Г.В. Плеханова, И.Г. Церетели, Е.К. Брешко-Брешковской. Слова «призывы к примирению, к единству раздаются с разных сторон»³³ очень напоминали формулировки, которыми журнал описывал общественные настроения в начале войны. Арсеньев утверждал, что, в отличие от царского правительства, новая власть «сознает свою ответственность перед народом». «Живым символом единения между элементами, выдвинутыми революцией на передний план, служит присутствие в Временном правительстве А.Ф. Керенского... Его авторитет, укрепляемый его выдающимся красноречием и кипучей деятельностью, стоит чрезвычайно высоко»³⁴. Вероятно, эти слова написаны в мае 1917 г., после назначения Керенского военным министром. В то время газеты именовали его не иначе как «рыцарь революции», «львиное сердце», «первая любовь революции», «народный трибун», «гений русской свободы», «солнце свободы России», «народный вождь», «спаситель Отечества», «пророк и герой революции», «добрый гений русской революции», «первый народный главнокомандующий» и т.д. Не остался в стороне от подобных восхвалений и «Вестник Европы».

Таким образом, в двух номерах «Вестника Европы», вышедших весной 1917 года, нашли отражение в основном оптимистически-романтические иллюзии первых недель революции, когда казалось, что с падением самодержавия перед свободной Россией откроются самые блестящие перспективы.

* * *

Но, как это было и в 1914–1915 гг., надежды редакторов и авторов «Вестника Европы» на достижение «внутреннего мира» снова не оправдались. Четвертый (строенный) номер журнала, вышедший по экономическим причинам лишь в сентябре 1917 г., ясно демонстрирует разочарование авторов итогами революции. Лучше всего это заметно в «Политическом обозрении» Слонимского³⁵, напечатанном с подзаголовками: «Печальные дела русской революции и их политические последствия», «Партийная рознь и внутренняя анархия», «Дело Корнилова и ошибки Временного правительства».

«Русская революция, – начинает статью Слонимский, – по общему признанию, все более спускается вниз и неудержимо тянет за собой страну и народ в область безнадежной анархии. И хуже всего, что она спускается морально, растеряв как будто все свои первоначальные возвышенные идеалы и поставив на их место непримиримые интересы и требования различных общественных организаций и групп.

Отдельные партии и их руководители борются между собой, можно сказать, на глазах торжествующего неприятеля и по мере возможности устраивают свои собственные дела, не думая вовсе о благе и пользе России...»

Вину за такое положение дел Слонимский возлагал на то, что «в русском обществе и народе нет патриотического чувства или оно встречается очень редко... Нет и не может быть любви к государству, которое всегда было для народа источником всякого зла, угнетения и насилия; нет истинной привязанности к отечеству, потому что представление об отечестве не имело в себе ничего реального и постоянно соединялось с каким-то мифическим “престолом”... Каждый в отдельности привязан к своей родине, где он провел свое детство и юные годы, но вся Россия в целом слишком велика, чтобы быть для кого-нибудь родиной»³⁶. «Всякий француз... сознает свою принадлежность к великому целому, называемому Францией... Всякий немец – прирожденный патриот... Русский человек лишен этого чувства национальной гордости и национального самосознания. Веками самовластья он был низведен на степень бесправного,

покорного подданного... Государство стало исключительным достоянием отдельной полунемецкой фамилии и ее многочисленных льстивых и жадных слуг... Официальная Россия была воплощением самодовольной тупости... Чувства и взгляды большинства обывателей и народных масс по отношению к государству не могли сразу измениться под влиянием революции. Неудивительно поэтому, что красноречивые призывы к спасению родины, раздававшиеся часто за последнее время из рядов Временного правительства, оставались гласом вопиющего в пустыне»³⁷.

«Политическое обозрение» Слонимского свидетельствует о том, что либеральную общественность все сильнее охватывали разочарование, упадок духа и апатия, уничтожавшими у интеллигентных, образованных людей сознание какого-либо «единства» перед лицом общенационального кризиса.

К чести автора «Вестника Европы», даже в критической ситуации осени 1917 г. он не изменил демократическим идеалам журнала и отрицательно оценил попытку военного переворота и установления военной диктатуры генералом Л.Г. Корниловым, солидарность с которым в августе–сентябре выразили, в частности, кадеты, включая их лидера П.Н. Милюкова (того самого П.Н. Милюкова, речь которого, известную под названием «Глупость или измена?», о «безответственных и темных силах», произнесенную в Государственной Думе, так обширно цитировал Арсеньев в ноябре–декабре 1916 г.).

«Генерал Корнилов... – писал Слонимский, – задумал и подготовил междоусобную войну в самый опасный момент внешнего неприятельского наступления... К счастью, предприятие генерала Корнилова было обречено на неудачу благодаря именно той демократизации армии, против которой он так решительно восставал»³⁸. В статье подвергались сомнению способности Корнилова как государственного деятеля. Последствиями неудавшегося переворота автор посчитал акт 1(14) сентября об объявлении России республикой и боязнь контрреволюции, следствием которой стало чрезвычайное усиление левых политических партий. Упомянув лидеров большевиков Ленина, Зиновьева и Троцкого, он назвал их «откровенными демагогами», раздающими невыполнимые обещания, и противопоставил «таким заслуженным деятелям, как гг. Чхеидзе и Церетели».

Деятельность Временного правительства, в отличие от авторов, писавших в марте–мае 1917 г., Слонимский также оценивал критически. В качестве крупнейших его ошибок Слонимский называл «восстановление смертной казни, административной ссылки и произвольных насилий над печатью», «устранение от дел лучших генералов – Брусилова, Рузского, Алексеева, Лечицкого», а также

необоснованное «возложение обязанностей верховного главнокомандующего на министра-председателя, который по своей прошлой деятельности не имел никакого отношения к военному делу»³⁹. И здесь автор «Вестника Европы» отразил снижение доверия либеральной общественности к Керенскому, который в это время был уже председателем правительства и фактически диктатором России.

Слонимский коснулся и тяжелого положения дел на фронтах войны, о которой журнал в 1917 г. стал писать гораздо реже: «Нечего и говорить о том впечатлении, которое производят печальные дела нашей новорожденной Российской республики за границей и особенно среди союзных с нами наций. Добровольное оставление Риги... принято было в западноевропейской печати как начало конца России в качестве великой державы»⁴⁰.

Слонимский остро почувствовал своекорыстный подход Великобритании и Франции к России, который все явственнее обнаруживался у союзников по Антанте по мере нарастания кризиса в стране и разложения русской армии. Он писал: «Среди союзных стран не проявляется уже внешних признаков и проявлений симпатии к русской революции и русской свободе; напротив, все сильнее высказываются совершенно противоположные чувства, и вместе с тем все более распространяется взгляд, что бесполезно рассчитывать на дальнейшее участие России в войне, что не следует уже оказывать ей какую-либо поддержку или принимать во внимание ее интересы, а надо предоставить Россию собственной ее судьбе»⁴¹.

* * *

Когда весной 1917 г. русская революция стала «спускаться в область безнадежной анархии» с печальными последствиями для внутреннего и внешнего положения страны, Слонимский обвинял в этом в №4–5–6 за 1917 г. русский народ, в котором «нет патриотического чувства... и привязанности к отечеству», а не наживших на войне миллионы помещиков и капиталистов из Государственной думы, присвоивших себе функции государственной власти в критический для страны и общества момент. В своих попытках отстоять в России конституционное начало и демократические свободы авторы «Вестника Европы» ни разу не задались вопросом о том, кому на самом деле выгодны война и свержение самодержавия, и даже осенью 1917 г. не могли понять, почему «красноречивые призывы к спасению родины, раздававшиеся часто за последнее время из рядов Временного правительства, оставались гласом вопиющего в пустыне»⁴².

Вопреки ожиданиям, свержение самодержавия не улучшило, а только ухудшило ситуацию в стране. Деморализованная армия терпела поражения и разбегалась. Престиж России среди ее союзников упал, и вопрос позорного выхода из войны путем капитуляции перед Германией стал близкой реальностью. В стране нарастал общенациональный кризис.

«Что же делается у нас в виду этой грозной перспективы? – писал Слонимский. – Открываются новые говорильни, спорят без конца о партийном составе Правительства, о буржуазии и капитализме, предлагают сразу решить все социальные вопросы и перевернуть вверх дном весь хозяйственный быт страны, пристраиваются так или иначе к “общественному пирогу”, предъявляют неслыханные требования к государственному казначейству и доводят государственные расходы (не считая военных) до фантастических размеров, принимают разные широковещательные резолюции и все еще сомневаются, следует ли обороняться от внешнего врага или надо ему предоставить свободу дальнейшего движения к русской столице. Между тем лучшие деятели нашей интеллигенции молчат или держатся в стороне, – и никто не крикнет увлекающимся представителям наших многочисленных демократических и партийных организаций: “Остановитесь, одумайтесь пока еще не поздно! Вы ведь губите Российскую республику своими бесконечными внутренними распрями и возрастающими притязаниями, – губите не только материально, но и морально, и вместе с нею хороните те возвышенные идеалы, за которые боролись и жертвовали собой благороднейшие русские люди в течение многих десятилетий!”»⁴³.

Примечания

¹ Агапов В.Л. «Болезненно нужен внутренний мир»: второй год мировой войны в либеральном зеркале «Вестника Европы» (1915 – 1916 гг.) // Новый исторический вестник. 2012. № 2(32). С. 20–36.

² Слонимский Л.З. Сближение с Западом // Вестник Европы. 1916. № 2. С. 318–324.

³ Там же. С. 318.

⁴ Там же. С. 324.

⁵ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 6. С. 295–309.

⁶ Там же. С. 298.

⁷ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 9. С. 377.

⁸ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 10. С. 355.

⁹ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 11. С. 341.

¹⁰ Там же. С. 347.

¹¹ Там же. С. 353.

- ¹² Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 12. С. 376–391.
- ¹³ Там же. С. 377.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. С. 379.
- ¹⁶ Агапов В.Л. «Болезненно нужен внутренний мир»: второй год мировой войны в либеральном зеркале «Вестника Европы» (1915 – 1916 гг.) // Новый исторический вестник. 2012. № 2(32). С. 22–24.
- ¹⁷ Вестник Европы. 1917. № 2. С. I.
- ¹⁸ Овсяннико-Куликовский Д. Две февральские революции // Вестник Европы. 1917. № 2. С. X–XVI.
- ¹⁹ Там же. С. X.
- ²⁰ Там же. С. XI.
- ²¹ Там же. С. XIII.
- ²² Там же. С. XVI.
- ²³ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1917. № 3. С. 359–372.
- ²⁴ Там же. С. 359.
- ²⁵ Там же. С. 360.
- ²⁶ Там же. С. 361.
- ²⁷ Там же. С. 362.
- ²⁸ Там же. С. 363.
- ²⁹ Там же. С. 364.
- ³⁰ Там же. С. 365.
- ³¹ Там же. С. 366.
- ³² Там же. С. 368.
- ³³ Там же. С. 370.
- ³⁴ Там же. С. 371.
- ³⁵ Слонимский Л. Политическое обозрение // Вестник Европы. 1917. № 4-5-6. С. 395–414.
- ³⁶ Там же. С. 395.
- ³⁷ Там же. С. 396.
- ³⁸ Слонимский Л. Политическое обозрение // Вестник Европы. 1917. № 4-5-6. С. 399.
- ³⁹ Там же. С. 401–402.
- ⁴⁰ Там же. С. 402.
- ⁴¹ Там же. С. 403.
- ⁴² Там же. С. 396.
- ⁴³ Там же. С. 414.

Автор, аннотация, ключевые слова

Агапов Вадим Львович – канд. ист. наук, доцент Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
windrace@nm.ru

В статье рассматривается публицистика русского либерального жур-

нала «Вестник Европы» в 1917 г. Анализируется тематика и содержание статей, отношение ведущих публицистов журнала к крушению российского самодержавия, Февральской революции и ее последствиям. Главное внимание уделяется отражению на страницах журнала нарастающего экономического, социального и политического кризиса в России в предпоследний год Первой мировой войны. Делается вывод, что в этот период «Вестник Европы» резко критиковал царское правительство за отказ от социальных и политических реформ. Либеральные публицисты журнала приветствовали Февральскую революцию и создание Временного правительства, но их разочарование политикой либеральных и социалистических партий росло по мере нарастания кризиса. Это породило их критику Временного правительства. С другой стороны, они еще более отрицательно оценивали взгляды и деятельность генерала Л.Г. Корнилова и радикалов слева – большевиков.

Первая мировая война, «Вестник Европы», публицистика, Антанта, Германия, самодержавие, либерализм, Государственная дума, общественное мнение, Февральская революция, Временное правительство, К.К. Арсеньев, А.Ф. Керенский, Л.Г. Корнилов

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Agapov V.L. “Boleznenno nuzhen vnutrenniy mir”: vtoroy god mirovoy voyny v liberal'nom zerkale “Vestnika Evropy” (1915 – 1916 gg.). *Novyy istoricheskiy vestnik*, 2012, no. 2(32), pp. 20–36.
2. Agapov V.L. “Boleznenno nuzhen vnutrenniy mir”: vtoroy god mirovoy voyny v liberal'nom zerkale “Vestnika Evropy” (1915 – 1916 gg.). *Novyy istoricheskiy vestnik*, 2012, no. 2(32), pp. 22–24.

Author, Abstract, Key words

Vadim L. Agapov – Candidate of History, Senior Lecturer, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
windrace@nm.ru

The article deals with the journalism of the Russian liberal journal “Vestnik Evropy” (“The Bulletin of Europe”) in 1917. It analyzes the topics and content of the journal’s articles, its leading publicists’ opinions about the collapse of Russian autocracy, the February revolution and its aftermath. The article focuses on the journal’s coverage of the growing social and political crisis in Tsarist Russia during the penultimate year of the World War I. It concludes that during this period “Vestnik Evropy” sharply criticized the government for refraining from social and political reform. The liberal publicists of the journal

welcomed The February revolution and the establishment of The Provisional Government, but they soon were disappointed with its “sorrowful outcome”, their disappointment with the policies of liberal and socialist parties growing on with the growing crisis. This triggered their criticism of the Provisional Government. On the other hand, their evaluation of General L.G. Kornilov’s views and activities as well as those of the Bolsheviks, the radical left, was even more negative.

World War I, “Vestnik Evropy” (“The Bulletin of Europe”), journalism, Entente, Germany, autocracy, liberalism, State Duma, public opinion, February Revolution of 1917, Provisional government, K.K. Arsenev, A.F. Kerenskiy, L.G. Kornilov

Е.Ф. Кринко, А.А. Черкасов

ИЗ ИСТОРИИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ АВТОНОМИЙ РЕПРЕССИРОВАННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В УСЛОВИЯХ «ОТТЕПЕЛИ»*

E. Krinko, A. Cherkasov

From the History of Regaining Autonomies of the Repressed Peoples in the North Caucasus under the “Thaw”

В годы Великой Отечественной войны по обвинениям в со-трудничестве с нацистской Германией с Северного Кавказа были выселены карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, а их автономии упразднены. После смерти И.В. Сталина новое руководство СССР осудило этнические депортации и приступило к реабилитации и восстановлению автономий репрессированных народов.

Спустя десятилетия эти процессы нашли отражение в отече-ственной историографии¹. Однако до наших дней они чаще всего характеризуются упрощенно и схематично, не раскрываются в полном объеме трудности восстановления национально-государ-

* Статья написана в рамках проекта «Нациестроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики» Программы фундаментальных исследований ОИФН «Нации и государство в мировой истории».

ственных образований репрессированных народов Северного Кавказа.

* * *

Через два месяца после XX съезда КПСС, 28 апреля 1956 г., Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок – граждан СССР, курдов, хемшилов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны». Согласно указу, освобождение этих народов из-под административного надзора не сопровождалось возвращением им конфискованного имущества, они также не имели права «возвращаться в места, откуда были вы-селены»². Еще через два с половиной месяца, 16 июля, был принят указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны», фор-мулировки которого практически повторяли текст предыдущего документа.³

Таким образом, реабилитация первоначально не предполагала возвращения высланных народов Северного Кавказа на родину. Более того, в различных партийных и государственных инстанциях обсуждались перспективы создания автономий репрессированных народов в районах их бессрочной ссылки, особенно вопрос о чече-но-ингушской автономной области в Казахской ССР или Киргизской ССР. Ее создание требовало немалых усилий, но затраты были значи-тельно меньше, чем расходы по переселению около 700 тыс. человек из Казахстана и Киргизии на Северный Кавказ, не говоря о полити-ческих рисках данного решения. Поэтому у данной идеи нашлось немало сторонников, включая министра внутренних дел СССР Н.П. Дудорова. В июне 1956 г. он писал: «Учитывая, что территория, где проживали до выселения чеченцы и ингуши, в настоящее время в основном заселена, возможность восстановления автономии для че-ченцев и ингушей в пределах прежней территории является делом трудным и вряд ли осуществимым, так как возвращение чеченцев и ингушей в прежние места жительства неизбежно вызовет целый ряд нежелательных последствий»⁴.

Однако сами представители репрессированных народов Северного Кавказа рвались на родину. На власти обрушился целый вал писем, обращений, заявлений, ходатайств, авторы которых про-сили восстановить их национальные автономии на исторической родине. Так, 10 июня 1956 г. 92 балкарца писали из Фрунзенской

области: «...За прошедшие 12 лет не было дня, чтобы не мечтали о том времени, когда представится возможность вернуться в родные края»⁵. Карачаевцы также категорически отвергали идею создания автономии вне пределов Ставропольского края: «...Такие предложения исходят из желания закрепить нас в качестве рабочей силы в местах нынешнего расселения... ни один карачаевец не согласится на переселение внутри Средней Азии ради такой “автономии”, так как она (эта автономия) не изменит фактического, политического и правового положения переселенцев)...»⁶. Но наиболее интенсивно писали в различные партийные и государственные инстанции чеченцы и ингуши.

В современной историографии отмечается важное обстоятельство, повлиявшее на принятие решения о возвращении бывших спецпереселенцев на их историческую родину: «оставлять чеченцев и ингушей в Казахстане, в районах массового освоения целинных и залежных земель, а только там были свободные территории для организации автономии, было не менее опасно, чем возвращать их на родину». Здесь уже разразились первые конфликты на этнической почве, наиболее активными участниками которых были приезжие русские и чеченцы⁷.

Многие представители депортированных народов, не дожидаясь официального разрешения, самовольно отправились на родину. Особую активность и в этом случае проявляли чеченцы и ингуши, использовавшие самые различные способы, чтобы добраться до Северного Кавказа. К концу 1956 г. более 11 тыс. чеченцев и ингушей самовольно вернулись в районы бывшей Чечено-Ингушской АССР⁸.

Властям северокавказских республик, краев и областей, прежде всего Дагестанской АССР, Кабардинской АССР и Северо-Осетинской АССР, пришлось вплотную заняться вопросами приема и размещения переселенцев.

Так, бюро Кабардинского обкома КПСС 9 июня 1956 г. приняло специальное решение, в котором говорилось: «1. Считать возможным возвращение балкарцев частично в места прежнего жительства с организацией новых колхозов и частью в кабардинские и русские населенные пункты республики...

2. Просить ЦК КПСС при рассмотрении этого вопроса учесть необходимость выделения значительных денежных и материально-технических средств для трудового и бытового устройства возвращающихся в республику балкарцев...»⁹.

Через два с лишним месяца тональность его решений изменилась: руководство республики осознало, с каким валом проблем

пришлось столкнуться. 3 сентября на заседании бюро Кабардинского обкома КПСС в очередной раз рассматривался вопрос о балкарцах. Решение гласило: «...2. Обязать Советский, Чегемский, Нагорный, Эльбрусский, Лескенский райкомы КПСС и райисполкомы, Нальчикский горком и горисполком в месячный срок трудоустроить прибывших балкарцев, преимущественно в колхозах и совхозах, и решить вопросы их бытового устройства.

3. В связи с невозможностью трудового и бытового устройства большего числа балкарцев, чем уже прибыло, предложить Министерству внутренних дел Кабардинской АССР, райкомам и райисполкомам, Нальчикскому горкому и горисполкому в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 г. прекратить дальнейший прием балкарцев в районы Кабардинской АССР»¹⁰.

Руководство КПСС и СССР быстро осознавало, что попустительство в решении вопросов о переселенцах чревато серьезными проблемами. В партийных документах отмечалось, что «Кабардинский обком партии с первых дней после снятия балкарцев со спецпоселения занял неправильную позицию, допустив свободный въезд и расселение их на территории республики». Прибыло уже более 1,6 тыс. семей (8,6 тыс. человек), «сотни балкарцев ходят в поисках работы и жилья, многие разместились на вокзалах, в шалашах, на животноводческих фермах, а то и просто на улице»¹¹. Заведующий Отделом партийных органов ЦК КПСС по РСФСР В.М. Чураев предлагал «впредь до окончательного рассмотрения в ЦК КПСС вопроса о положении всех бывших переселенцев» предложить Кабардинскому обкому КПСС «отменить свое решение от 3 сентября, как противоречащее Указу Президиума Верховного Совета СССР, а также дать указание ЦК КП Казахстана и Киргизии о проведении среди балкарского населения необходимой разъяснительной работы, чтобы прекратить их отъезд на территорию бывшей Кабардино-Балкарской АССР»¹².

Отъезд тысяч представителей бывших репрессированных народов из районов принудительной ссылки на родину вынудил власти в конце осени 1956 г. перейти к воссозданию ликвидированных автономий. 4 ноября Президиум ЦК КПСС утвердил проект постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР «О восстановлении национальной автономии калмыков, карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей». В нем признавалось, что принятые меры по реабилитации репрессированных народов недостаточны для восстановления их равноправного положения в СССР, экономического и культурного развития.

Наибольшие сложности вызывало возвращение чеченцев и ингушей, считавшееся возможным «лишь при условии перемещения в другие районы страны около 200 тыс. переселенцев, привезенных в районы бывшей Чечено-Ингушской АССР в организованном порядке из различных областей РСФСР и некоторых других республик». По подсчетам Грозненского обкома КПСС и облисполкома, в области было возможно расселить всего около 20 тыс. семей чеченцев и ингушей «при условии организации новых совхозов и дополнительного строительства жилых помещений с ориентировочной затратой государственных средств на эти цели 700–800 млн руб.». Руководство Северо-Осетинской АССР предполагало возможным поселить в республике до 5 тыс. семей. В Дагестанской АССР, согласно заявлениям ее руководителей, вообще отсутствовали возможности дополнительного расселения чеченцев и ингушей¹³.

Многие руководящие работники и рядовые жители Грозненской области, Дагестанской АССР и Северо-Осетинской АССР высказывали «очень серьезные опасения в том, что некоторая часть чеченцев и ингушей, зарекомендовавшая себя с плохой стороны своими неблагоприятными поступками в прошлом, снова примется за старое и внесет дезорганизацию в трудовую жизнь местного населения». Уже вернувшиеся чеченцы и ингуши в местах своего прежнего проживания требовали возвращения ранее принадлежавших им домов: «Приезд их, а также распространяемые ими слухи о скором возвращении на Северный Кавказ всего чечено-ингушского населения, вызывают резкое недовольство местных жителей, создают атмосферу нервозности и неуверенности»¹⁴.

В свою очередь, приглашенная в Отдел партийных органов в начале декабря 1956 г. группа чеченцев и ингушей, членов КПСС, просила «учесть интересы их народа и образовать автономную республику на прежнем месте, в ранее существовавших границах, так как чеченцы и ингуши ни на какую другую территорию не поедут, а предоставление автономии в любом другом месте будет, по их мнению, неполной реабилитацией этих национальностей». При этом она заявила, что «выселять никого не нужно, они будут дружно жить и работать вместе с проживающим там населением. Если же им будет передана кроме территории бывшей Чечено-Ингушской АССР хотя бы часть кизлярских земель, то тогда проблема расселения всех чечено-ингушских семей будет решена вполне удовлетворительно»¹⁵.

Секретари обкомов партии и председатели облисполкомов областей и республик Северного Кавказа на совещании в ЦК КПСС высказали мнение, что автономию чечено-ингушскому народу «желательно было бы предоставить в каком-либо другом районе страны,

не на территории бывшей Чечено-Ингушской АССР. В то же время они сомневались в реальности такого решения, ибо заставить чеченцев и ингушей поехать туда можно только силой. Поэтому за основу территории восстанавливаемой Чечено-Ингушской АССР они предлагали принять прежние районы этой республики»¹⁶.

* * *

В вопросе об определении границ Чечено-Ингушской АССР возникли особенно серьезные затруднения.

Руководители Дагестанской АССР предложили образовать Чечено-Ингушскую АССР в прежних границах и вернуть ей из состава Дагестанской АССР районы, полученные в 1944 г., а с другой стороны, Дагестанской АССР вернуть районы бывшего Кизлярского округа, так как в ином случае было некуда переселить дагестанцев, перемещенных в указанные районы с высокогорья после депортации чеченцев и ингушей. 12 декабря руководители республики, «исходя из того, что Президиум ЦК КПСС решил положительно вопрос о национальной автономии чеченцев и ингушей и, учитывая, что без полного восстановления территориальной автономии не может быть устойчивого равновесия, мира и дружбы между этими народами и их соседями», писали, что они «с самого начала изъявили согласие отдать все шесть районов обратно в состав Чечено-Ингушской АССР». В то же время они указывали, что «4 из этих 6 районов заселены дагестанцами очень густо и дополнительное их заселение нецелесообразно. Кроме того, нежелательно, чтобы аварцы, даргинцы и лакцы, принадлежащие и так к малочисленным народностям Дагестана, дробились и находились в составе Чечено-Ингушской АССР». Почти половина дагестанских колхозов в густозаселенных горных и высокогорных районах остро нуждалась в пахотных и пастбищных угодьях. Поэтому Дагестанский обком КПСС и Совет министров Дагестанской АССР просили ЦК КПСС решить положительно вопрос о возвращении в состав автономии хотя бы Кизлярского, Каргалинского, Караногайского, Тарумовского районов, с учетом того, что около 500 га земель колхозов Дагестана в виде отгонных пастбищ располагалось на их территории»¹⁷.

Напротив, руководство Северо-Осетинской АССР высказалось категорически против возвращения Чечено-Ингушской АССР районов, переданных ей в 1944 г., объясняя это тем, что они «заселены главным образом осетинами и возвращать назад их было бы нецелесообразно». Использовался в качестве аргумента и фактор их хозяйственного и социально-культурного освоения: «за последние

годы на капитальное строительство в колхозах этих районов вложено около 80 млн руб.»¹⁸.

Руководство Грозненской области считало, что для расселения всех чеченцев и ингушей следовало передать не только их прежнюю территорию, но и 8 районов бывшего Кизлярского округа, а также Наурский район, ранее не входившие в Чечено-Ингушскую АССР, общей площадью 25 тыс. кв. км. Здесь проживали 163,7 тыс. человек, имелось 8 совхозов, 85 колхозов, 200 тыс. га посевной площади, 41 тыс. голов крупного рогатого скота и 588 тыс. овец. Это позволяло считать, что в данных районах имелись возможности «для развития животноводства, садоводства и виноградарства, строительства новых совхозов, предприятий легкой и пищевой промышленности, что позволит в течение ближайших 3–4 лет расселить и трудоустроить значительное число чеченцев и ингушей»¹⁹.

12 декабря Грозненский обком КПСС принял специальное постановление «О неотложных мерах, связанных с расселением чеченцев, самовольно прибывающих в Грозненскую область». Бюро обкома постановило упорядочить данный процесс, не допуская въезда чеченцев и ингушей в перенаселенные пункты, «усилить охрану общественного порядка, привлекая к этому активистов из местного населения», улучшить медико-санитарное обслуживание, определить всех чеченских и ингушских детей в школы, улучшить торговлю в предгорных районах необходимыми продовольственными и промышленными товарами²⁰.

9 января 1957 г. были приняты указы Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР», «О преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область» и «О преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР». В целях «создания необходимых условий для национального развития» балкарского, карачаевского, чеченского и ингушского народов Президиум Верховного Совета СССР восстановил их национальные автономии. Отмечалась необходимость установить границы и административно-территориальное устройство Чечено-Ингушской АССР и Карачаево-Черкесской АО, утвердить Организационный комитет Чечено-Ингушской АССР, на который возлагалось впредь до выборов Верховного Совета АССР «руководство хозяйственным и культурным строительством на территории республики». Указы Президиума Верховного Совета СССР 1943–1944 гг. о выселении балкарцев, карачаевцев, чеченцев и ингушей и ликвидации их автономий, а также статья 2 указа от 16 июля 1956 г., запрещавшая им возвращаться на прежнее местожительство, были признаны утра-

тившими силу²¹.

В тот же день Президиум Верховного Совета РСФСР принял указы «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР и упразднении Грозненской области», «О преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область» и «О преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР»²². Отдельным указом был утвержден Организационный комитет по Чечено-Ингушской АССР: председатель М.Г. Гайрбеков, первый заместитель А.М. Слюсарев, заместители А.Ф. Зонов, З.С. Тонгиев, И.А. Шустов, секретарь М.И. Комаров, члены Ф.Д. Баранова, Е.В. Брыксин, А.Д. Гашев, Г.М. Дементьев, Х.Н. Дукузов, Д.Г. Мальсагов, Н.Г. Петров, В.Ф. Русин, С.С. Струлев, К. Сулейманов, А.В.Т. Тепсаев, В.Ф. Хозиев, У.Д. Цутиев, А.И. Яковлев и М.А. Яндиев²³.

Восстановление национальных автономий репрессированных народов не сопровождалось возвращением к прежним административным границам.

Так, карачаевцы не получили самостоятельной автономии, которой они обладали с 1926 по 1944 гг., и были включены в состав объединенной Карачаево-Черкесской АО. Такое решение вызвало острое недовольство части карачаевцев, увидевших в этом продолжение дискриминации своего народа. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об административно-территориальном составе Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края» закрепил в ее составе город Черкесск, Адыге-Хабльский (центр – аул Адыге-Хабль), Зеленчукский (станция Зеленчукская), Мало-Карачаевский (село Первомайское), Клухорский (г. Клухори), Преградненский (станция Преградная), Усть-Джегутинский (станция Усть-Джегутинская), Хабезский (аул Хабез) и Черкесский районы. Город Клухори был переименован в Карачаевск, а Клухорский район – в Карачаевский²⁴.

В восстановленной Кабардино-Балкарской АССР балкарские районы оказались включены в районы с преобладавшим кабардинским населением. Внутреннее административное деление республики перестало соответствовать этническому принципу, опираясь теперь на принципы экономического районирования²⁵. Часть бывшего Курпского района осталась в составе Моздокского района Северо-Осетинской АССР.

В Чечено-Ингушскую АССР были включены из Грозненской области город Грозный, Грозненский, Гудермесский, Каргалинский, Красноармейский, Междуреченский, Надтеречный, Новосельский, Наурский, Советский, Сунженский и Шелковский районы. Из Дагестанской АССР – Андалалский, Веденский, Ритлябский,

Шугаратский, а также западная часть Ботлихского и Шумадинского районов (в границах бывших Чеберлоевского и Шароевского районов). Из Северо-Осетинской АССР – город Малгобек с пригородной зоной, Коста-Хетагуровский район и северо-восточная часть Правобережного района в границах бывшего Ачалукского района. Часть упраздненной Грозненской области – Караногайский, Кизлярский, Крайновский, Тарумовский районы и город Кизляр – были переданы в состав Дагестанской АССР, Ачикулакский и Каясулинский районы – в состав Ставропольского края²⁶. Грузинской ССР возвратили северные части Душетского и Казбегского районов в границах бывшего Итум-Калинского района и части бывших Галанчожского, Галашкинского, Шароевского, Пригородного и Гизельдонского районов²⁷.

* * *

Партийно-советское руководство рассчитывало на постепенное переселение депортированных народов Северного Кавказа на родину и восстановление их национальных автономий в течение нескольких лет. Переезд балкарцев и карачаевцев планировался на 1957–1958 гг., более многочисленных чеченцев и ингушей – на 1957–1960 гг.²⁸ Но бывшие спецпереселенцы не желали столько ждать. К тому же местные руководители в Казахской ССР и Киргизской ССР не стремились задерживать их далее у себя, считая их «дестабилизирующими обстановку элементами», а потому быстро рассчитывали, увольняли, выписывали и выдавали необходимые проездные документы.

В конце 1956 г. Дудоров докладывал, что в результате проведения «специальных мероприятий по предотвращению массового и незаконного выезда чеченцев и ингушей из районов Киргизской, Казахской и Узбекской ССР в места их прежнего жительства» с 22 по 28 декабря работники МВД сняли с поездов и самолетов около 5 тыс. чеченцев и ингушей, направлявшихся в Грозненскую область и Северо-Осетинскую АССР. После соответствующей разъяснительной работы задержанных направляли в места прежнего поселения. «Свое массовое переселение, особенно в последнее время, задержанные чеченцы и ингуши объясняли тем, что местные власти не препятствовали их выезду и снимали их с партийного, комсомольского, профсоюзного и воинского учета». Министр внутренних дел оптимистично заверял ЦК КПСС в том, что «массовое прибытие бывших спецпереселенцев из числа лиц чечено-ингушской национальности в Грозненскую область и Северо-Осетинскую АССР

прекратилось»²⁹.

Однако через три с лишним месяца потребовалась целая «специальная операция» по пресечению очередного потока переселенцев на Северный Кавказ. В ходе проверки всех пассажирских поездов из Киргизии и Казахстана в течение трех дней, с 5 по 7 апреля 1957 г., оперативные бригады милиции задержали 2 139 чеченцев и ингушей, направив их обратно. Министерство внутренних дел СССР настаивало, чтобы в Казахской ССР и Киргизской ССР не допускалось увольнение с работы бывших спецпереселенцев, чтобы их не снимали с воинского учета, не выписывали из домовых книг и не продавали им билетов. По оценке В.А. Козлова, это был «ничем не прикрытый произвол, который, может быть, и основывался на здравом смысле бюрократов, но решительно никаких юридических оснований под собой не имел», поскольку «никаких законов, вообще никаких юридических решений, которые бы препятствовали немедленному выезду, не существовало»³⁰.

В областных центрах Казахстана «скопилось большое количество чеченцев и ингушей, которые уволились с работы, продали свое имущество и настойчиво добиваются выезда к прежнему месту жительства»³¹. Когда в Караганду было возвращено 613 чеченцев и ингушей, снятых с поездов при попытке выехать на Кавказ, 413 человек разместились прямо на вокзале, а 200 человек, оставаясь в вагонах, продолжали требовать отправки в Чечено-Ингушскую АССР, заявляя, что они «продали свои дома, а личные вещи отправили на Кавказ». Возле здания Карагандинского обкома КПСС ежедневно собирались толпы чеченцев и ингушей, останавливавшие машины секретарей обкома КПСС и требовавшие отправки на Кавказ³².

Ситуация накалялась и на Северном Кавказе. После принятия решений о восстановлении Чечено-Ингушской АССР в ЦК КПСС и другие центральные органы власти и управления поступили многочисленные заявления, выписки из решений колхозных собраний и телеграммы от жителей четырех дагестанских районов, отошедших Чечено-Ингушской АССР. Так, более 30-ти представителей колхозов Шурагатского, Ритлябского, Веденского районов, переданных из Дагестанской АССР в Чечено-Ингушскую АССР, писали, что они «одобряют решение партии и правительства о восстановлении автономии чечено-ингушского народа, но в то же время возражают против совместной жизни с чеченцами, отказываются принимать их в колхозы, настойчиво просят оставить эти районы в составе Дагестана или организованно переселить проживающее здесь население, заявляя, что в противном случае все даргинцы и аварцы все

равно стихийно уедут в дагестанские аулы»³³.

Авторы писем обращали внимание на «крайний недостаток земельных угодий при избытке рабочей силы в колхозах» этих районов. В Андалалском, Ритлябском и Веденском районах на одного трудоспособного колхозника приходилось по 0,4–0,8 га пашни, в Шурагатском – 1,8 га. Сотни колхозников не выработывали даже минимума трудодней «по той причине, что их просто нечем занять». Однако в Шурагатский район уже прибыло самовольно более 400 семей, «причем некоторые чеченцы привезли из Казахстана в мешках останки трупов своих родственников и хоронят только там, где жили их предки»³⁴.

Даргинцы и аварцы писали, что не хотят «оторваться» от своего народа. Они также заявляли, что «не могут жить вместе с чеченцами в силу исторически сложившихся натянутых взаимоотношений между этими народами и неправильного поведения многих чеченцев как до переселения, так и в настоящее время». Эти отношения «особенно осложнились после 1944 г., ибо чеченцы считают дагестанцев в какой-то степени повинными в выселении чечено-ингушского народа и крайне недовольны, что они живут в их домах». В письмах говорилось, что «в течение многих десятилетий чеченцы совершали набеги на соседние дагестанские села, грабили и убивали людей, угоняли скот, и эти действия их дагестанцы не могут забыть». В жалобах колхозников и сообщениях органов госбезопасности указывалось, что «многие чеченцы и сейчас, после возвращения с мест поселения, ведут себя вызывающе, оскорбляют многих жителей и угрожают им, самовольно вселяются в ранее принадлежавшие им дома или требуют их освобождения, учиняют хулиганские нападения на граждан. Они скупили все ружья и демонстративно большими группами ходят с ними по селам, устраивают стрельбу, провоцируя аварцев и даргинцев на ответные действия и столкновения. Видя это, местное население также начало приобретать ружья», в том числе за пределами региона. Применение холодного и огнестрельного оружия в межличностных конфликтах увеличивало жертвы. Отмечались случаи, «когда национальную рознь между чеченцами и дагестанцами разжигают и отдельные лица из числа аварцев». Представители дагестанских районов, отошедших к Чечено-Ингушской АССР, при поддержке руководства республики, настойчиво просили ЦК КПСС и правительство СССР «переселить все 11 тыс. хозяйств аварцев и даргинцев на территорию Дагестана, оказав им помощь по линии государства предоставлением ссуд на строительство и других льгот, которыми пользуются плановые переселенцы»³⁵.

* * *

12 апреля было принято постановление Совета министров РСФСР «О предоставлении льгот и оказании помощи колхозникам, рабочим и служащим, возвращающимся в Чечено-Ингушскую и Кабардино-Балкарскую АССР, Калмыцкую и Карачаево-Черкесскую автономные области Ставропольского края, а также в Дагестанскую АССР и в некоторые районы Северо-Осетинской АССР, Астраханской и Ростовской областей». Чеченцам, ингушам, балкарцам, карачаевцам предоставлялись кредиты на строительство домов (до 10 тыс. руб. на семью на 10 лет), на ремонт домов и построек (до 3 тыс. руб. на 3 года), на приобретение коров или другого рогатого скота особо нуждавшимся (1,5 тыс. руб. на 3 года). Для этого выделялся кредит в 150 млн руб., в том числе Организационному комитету по Чечено-Ингушской АССР – 63 млн руб., Совету министров Кабардино-Балкарской АССР – 19,5 млн руб., облисполкому Карачаево-Черкесской АО – 37,5 млн руб. Возвращавшиеся из ссылки освобождались от уплаты сельскохозяйственного налога и обязательных поставок государству сельскохозяйственных продуктов и продуктов животноводства, кроме молока, а принявшие их колхозы – от уплаты подоходного налога. Для выделения помощи наиболее нуждавшимся семьям в размере до 500 руб. выделялось 7,5 млн руб.³⁶

Свои инициативы по обустройству переселенцев проявляли и местные власти. Так, Кабардино-Балкарский обком КПСС и Совет министров Кабардино-Балкарской АССР обратились к Совету министров РСФСР с просьбами помочь в трудовом и бытовом устройстве возвращавшегося в республику балкарского населения. К маю 1957 г. вернулось уже 10 тыс. балкарцев, остальные ожидали в течение этого и следующего годов. Трудоустройство балкарцев осуществлялось главным образом путем организации новых колхозов как «наиболее быстрой и целесообразной формой бытового и хозяйственного устройства балкарского народа». При этом учитывалось, что «землепользование вновь создаваемых на территории Балкарии колхозов будет состоять из горных пастбищ и сенокосов, благоприятствующих развитию животноводства, но используемых в настоящее время недостаточно эффективно», а также принимались во внимание «опыт и склонность балкарского народа к занятию животноводством»³⁷.

В целях подготовки и проведения необходимых мер было создано Переселенческое управление при Совете министров Кабардинской АССР, организовано 19 новых колхозов животноводческого направ-

ления (31,5 тыс. человек) и два новых совхоза (2,5 тыс. человек). Выделялись скот и безвозвратная семенная ссуда, одновременное безвозвратное денежное пособие, а также денежные ссуды на приобретение скота, сельхозинвентаря, возведения объектов производственного и культурно-бытового назначения. Новые балкарские колхозы освобождались от уплаты подоходного налога и всех видов обязательных поставок государству сельскохозяйственной продукции и продуктов питания на пять лет. Выделялись средства на строительство административных зданий, дорог, школ, больниц, детских домов, издание газет, радиовещание на национальных языках³⁸.

Однако возвращение бывших спецпереселенцев шло намного быстрее, чем планировалось, и решение социально-бытовых вопросов запаздывало, что объяснялись недостатками в работе Оргкомитета и облизполкомов, а то и прямыми злоупотреблениями с их стороны. Местные власти не всегда справлялись с объемом запланированных работ. Так, отмечались недостатки в подготовке к приему переселенцев-балкарцев в Эльбрусском районе Кабардино-Балкарской АССР. В подсобном хозяйстве Тырныаузского комбината были подготовлены квартиры лишь на 30 семей, а не на 100, как планировалось, в Быльме – на 62, а не на 200, в Эльбрусе и Верхнем Баксане – на 86, а не на 300 семей³⁹.

В современной историографии указывается на «нецелевые использования» части средств, выделявшихся на обустройство переселенцев-карачаевцев, но пошедших на хозяйственное и бытовое устройство всей области, прежде всего ее центра – города Черкесска. Поэтому они «не обеспечили подтягивание уровня социального развития районов расселения карачаевцев»⁴⁰.

* * *

Очередной административно-территориальный передел неизбежно порождал и новые проблемы, споры и конфликты. Колхозники Шурагатского и других районов Дагестанской АССР, переходивших в Чечено-Ингушскую АССР, в январе 1957 г. посылали в Москву одну за другой телеграммы: «...Мы по национальности дагестанцы и сейчас настаиваем оставить в составе Дагестана в настоящее время наши дома в тех местах где ранее жили разрушены соседними колхозами и на старое место жительства возвращаться нам некуда», «колхозники колхоза имени Орджоникидзе не желают объединиться в колхоз с чеченцами и не желают потерять национальную самостоятельность», «просим выделить место для переселения на

территорию Дагестана и заранее подготовленные дома», «категорически возражаем против передачи нас [в] Чечено-Ингушскую республику и требуем переселения в Дагестанскую республику»⁴¹.

Территория бывшего Ачалуковского района была перераспределена между несколькими районами. Оргкомитет по Чечено-Ингушской АССР принял решение северную часть с населенными пунктами Верхние Ачалуки, Средние Ачалуки и Нижние Ачалуки включить в состав Малгобекского района, а южную часть с населенными пунктами Кантышево, Даллаково и Нартовскую МТС – в состав Коста-Хетагуровского района. Просьба Коста-Хетагуровского райкома партии оставить в составе района станицу Карабулакскую и селение Яндырка была признана необоснованной, так как эти населенные пункты ранее входили в Сунженский район, и население требовало их возвращения в него. К тому же они были удалены от райцентра Коста-Хетагуровского района, в то время как районный центр Сунженского района располагался всего в нескольких километрах⁴².

В состав Чечено-Ингушской АССР не была возвращена часть Пригородного района, входившая в ее состав до депортации 1944 г. Непосредственно примыкая к городу Орджоникидзе (Владикавказу), она была тесно с ним связана в хозяйственном отношении и оставлена в составе Северо-Осетинской АССР по просьбе ее руководства. Именно сюда переселялись осетины из других районов, переданных в Чечено-Ингушскую АССР. Меры, ограничивавшие возвращение в Пригородный район ингушей, вызывали их резкое недовольство, выражавшееся в неоднократном обращении как к высшим партийным и советским органам, так и к руководству Северо-Осетинской АССР с просьбой оставить им Пригородный район как их историческую родину. В этих обращениях подчеркивалось, что именно здесь располагалось селение Онгушт (Ангушт, переименованное в Тарское), от которого пошло и название народа: «...Мы не допускаем мысли, что братский осетинский народ претендует на земли своих вековечных соседей...»⁴³ Проживавшие в Пригородном районе ингуши жаловались на свое положение, сообщая, что подвергаются дискриминации, «терпят бедствия», их безнаказанно убивают, а «осетинская местная власть ведет разнузданную шовинистическую пропаганду»⁴⁴. В ответах партийных инстанций сообщалось, что многие приводимые факты не соответствуют действительности, а убийства происходили «на почве пьянства и хулиганства»⁴⁵.

Взамен Пригородного района Чечено-Ингушской АССР были переданы входившие в Грозненскую область Наурский, Шелковской и Каргалинский районы с преимущественно казачьим и ногайским

населением, экономически тяготевающие к городу Грозному. В составе Северо-Осетинской АССР был оставлен узкий перешийек, связывающий ее основную территорию с Моздокским районом. Территория бывшего Кизлярского округа оказалась распределена между несколькими образованиями: Дагестанской АССР, Чечено-Ингушской АССР и Ставропольским краем. Проживавшие здесь ногайцы, не имевшие своей национальной автономии, фактически оказались в положении разделенного народа.

Не был восстановлен и Ауховский район, созданный в Дагестанской АССР 5 октября 1943 г., где до своего принудительного выселения проживали преимущественно чеченцы-аккинцы. 3 июня 1944 г. он был ликвидирован, а его территория вошла в состав Новолакского и частично Казбековского районов Дагестанской АССР. Попытки вернуться сюда чеченцев-аккинцев встретили противодействие местного руководства. К этому времени здесь проживали 2 838 семей лакцев и аварцев, переселенных из горных малоземельных колхозов республики⁴⁶.

В 1958 г. группа чеченцев обратилась в ЦК КПСС, в ЦК коммунистических партий союзных республик и в адрес XXI съезда партии с просьбой о восстановлении бывшего Ауховского района и расселении их в тех населенных пунктах, откуда они были высланы⁴⁷. Но ЦК КПСС поддержал предложение Дагестанского обкома КПСС и Совета министров Дагестанской АССР о «нецелесообразности восстановления бывшего Ауховского района» и расселении чеченцев в соседних Хасавюртовском, Бабаюртовском и Кизилюртовском районах, «колхозы и совхозы которых имеют лучшие условия для развития хозяйства, орошаемые земли и испытывают недостаток рабочей силы».

К началу 1959 г. из 5 248 семей чеченцев, выселенных из Дагестанской АССР в 1944 г., возвратилось 2 216 человек, из них 2 037 человек были расселены и трудоустроены в Хасавюртовском, Бабаюртовском и Кизилюртовском районах, 123 человека – в Новолакском, 105 человек – в Казбековском районах. Прибывшим чеченцам были выданы ссуды на строительство домов и приобретение скота на общую сумму в 3 747 тыс. руб., выделены строительные материалы и приусадебные участки. 1 148 семей проживали в отдельных домах и квартирах, из них 742 семьи – во вновь построенных домах. Чеченские хозяйства приобрели в личное пользование 930 коров, 1 516 овец и коз. Вместе с тем, в документах отмечались медленное решение вопросов хозяйственного и трудового устройства прибывших чеченцев. 200 человек оставались не трудоустроены, отдельные семьи не получили ссуды на строительство и земельные

участки⁴⁸.

Но большинство переселенцев стремилось вернуться именно в те места, где они жили до депортации. Председатель Совета министров Кабардино-Балкарской АССР А.Н. Ахохов в письме председателю Совета министров РСФСР Ф.Р. Козлову отмечал: «В силу этого из некоторых прежних мест поселения балкарцев приходится переселять много кабардинских семей по их просьбе в кабардинские населенные пункты республики». Так, в 1958 г. из селения Гунделен Эльбрусского района было переселено более 500 семей в другие населенные пункты того же района⁴⁹. В Северо-Осетинскую АССР из Назрановского (бывшего Коста-Хетагуровского) района было переселено 4 тыс. семей колхозников⁵⁰.

* * *

Самым острым проявлением межнациональной напряженности и кризиса управления, вызванным административно-территориальным переделом на Северном Кавказе в условиях «оттепели», стали массовые беспорядки в Грозном в августе 1958 г.

Ситуация в городе обострялась с начала возвращения чеченцев и ингушей. Еще в начале июня 1957 г. Отдел партийных органов бюро ЦК КПСС по РСФСР выражал серьезные опасения по поводу развития событий в Чечено-Ингушской АССР, отмечая «факты предвзятого, недружелюбного отношения к прибывшим со стороны части даргинского, аварского, осетинского и русского населения, среди которого еще до приезда чеченцев и ингушей получили распространение различные слухи о невозможности совместной жизни с чеченцами и ингушами, о том, что “в республику едут бандиты, их не надо пускать или придется уезжать отсюда”». На этой почве происходили ссоры и драки между прибывшими и местными жителями, иногда оканчивавшиеся жертвами с той и другой стороны.

Весной 1958 г. из Грозненского, Урус-Мартановского и Ачхой-Мартановского районов выехало более 550 семей. Существенно ухудшилась и криминогенная обстановка в республике, особенно в ее столице. Постоянным явлением стали убийства из хулиганских и националистических побуждений. На имя советских руководителей поступали заявления и жалобы граждан, сообщавших о преступлениях, совершенных чеченцами и ингушами, остававшихся безнаказанными⁵¹. Партийные и государственные органы все более утрачивали контроль над развитием ситуации. Отдельные руководители республики-чеченцы даже предлагали «в порядке исключения» дать право в Чечено-Ингушской АССР «высе-

лять отдельные семьи убийц из республики без права возвращения на родину»⁵².

Наращение межнациональной напряженности завершилось настоящим взрывом, поводом для которого послужило убийство на бытовой почве русского рабочего Е. Степашина, получившее широкий общественный резонанс. Стихийный протест русского населения перерос в масштабное политическое выступление, для подавления которого в город пришлось вводить войска. В результате беспорядков пострадало 32 человека, в том числе четыре работника МВД. Двое умерли, 10 человек были госпитализированы. В ходе расследования на оперативный учет было взято 273 участника массовых беспорядков, задержано 93 человека, возбуждено 58 уголовных дел против 64-х человек. Отдельные чеченцы-коммунисты обвинили часть руководства республики и представителей аппарата ЦК КПСС в античеченских настроениях и поддержке «контрреволюционного путча»⁵³.

Хотя эти обвинения были категорически отвергнуты, ситуация в Грозном и Чечено-Ингушской АССР стала предметом специального обсуждения на пленуме ЦК КПСС в сентябре 1958 г. Для разбирательства в Грозный выехал секретарь ЦК КПСС Н.Г. Игнатов. Он назвал одной из главных причин возникновения беспорядков «крупные ошибки», а также «отсутствие должного единства в работе бюро обкома, горкома партии и Совета министров республики». Первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС А.И. Яковлев был впоследствии переведен в аппарат ЦК КПСС⁵⁴. Заменяли также руководителей Грозненского горкома КПСС, горисполкома и управления внутренних дел. Была разрешена прописка чеченцев и ингушей в Грозном, постепенно решался вопрос об их трудоустройстве и выделении участков под индивидуальное строительство.

На административной карте Северного Кавказа сохранялись и другие «болевы точки», в числе которых оказалась и территория бывшего Ауховского района. К февралю 1959 г. в Дагестанскую АССР вернулось уже 10 109 чеченцев, размещенных, как и планировалось, в основном, в Хасавюртовском, Бабаюртовском и Кизил-Юртовском районах. Однако некоторые из них проявляли недовольство, требуя разместить их в местах прежнего жительства, занятых лакцами и аварцами. Председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР А.Н. Шелепин отмечал, что в силу сложившейся обстановки «между чеченцами и проживающими в этих районах лакцами и аварцами проявляются нездоровые взаимоотношения, иногда сопровождающиеся поножовщиной и убийством и отрицательно влияющие на производственную деятельность кол-

хозов и совхозов». Прямым следствием нарастания межэтнической напряженности стал отток русского и другого населения⁵⁵.

* * *

Таким образом, реабилитация репрессированных народов во второй половине 1950-х гг. оказалась неполной и вызвала новые противоречия. Главная сложность в ее осуществлении заключалась в том, что чеченцы, ингуши, карачаевцы и балкарцы стремились вернуться на земли, где они проживали до принудительной ссылки, занятые к этому времени другими переселенцами. Партийно-советское руководство стремилось урегулировать возникавшие противоречия, сочетая административно-территориальные преобразования с социально-экономическими мерами. Однако это лишь загоняло вглубь национальные проблемы. Реальная ситуация на Северном Кавказе в период «оттепели» оставалась далека от идиллической картины «братской дружбы народов», создаваемой советской пропагандой.

Примечания

¹ Степанов М.Г. Этнические депортации в СССР: проблемы российской историографии. Абакан, 2010; Кропачев С.А., Кринко Е.Ф. Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы: Отечественная историография. М., 2012. С. 153–219; Земсков В.Н. О масштабах политических репрессий в СССР (против спекуляций, извращений и мистификаций) // Былые годы. 2012. № 4(26). С. 6–17; Бугай Н.Ф. Принудительные переселения – механизм осуществления национальной политики в государстве, 1930 – 1950-е годы // Былые годы. 2012. № 4(26). С. 31–41.

² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 365. Л. 7.

³ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 359. Л. 20.

⁴ Козлов В.А. Синдром возвращения // Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). М., 2011. С. 844.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 365. Л. 20.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 364. Л. 105.

⁷ Козлов В.А. Синдром возвращения. С. 844–845.

⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 556. Оп. 14. Д. 56. Л. 103–104.

⁹ Там же. Л. 67.

¹⁰ Там же. Л. 68.

¹¹ Там же. Л. 65.

- ¹² Там же. Л. 64.
- ¹³ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 359. Л. 14.
- ¹⁴ Там же. Л. 15.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 56. Л. 103–104.
- ¹⁶ Там же. Л. 104.
- ¹⁷ Там же. Л. 92.
- ¹⁸ Там же. Л. 104–105.
- ¹⁹ Там же. Л. 105.
- ²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 56. Д. 1486. Л. 58–61.
- ²¹ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 359. Л. 2. Д. 364. Л. 2. Д. 365. Л. 2.
- ²² ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 359. Л. 4. Д. 364. Л. 6. Д. 365. Л. 4.
- ²³ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 359. Л. 6.
- ²⁴ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Л. 364. Л. 4.
- ²⁵ *Цуциев А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774 – 2004). М., 2006.
- ²⁶ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 359. Л. 4.
- ²⁷ Там же. Л. 29, 34.
- ²⁸ Шестая сессия Верховного Совета СССР четвертого созыва. Совет Национальностей. Бюллетень № 6. М., 1957. С. 21–23; Шестая сессия Верховного Совета СССР четвертого созыва. Совет Союза. Бюллетень № 6. М., 1957. С. 19–20.
- ²⁹ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 80. Л. 1.
- ³⁰ *Козлов В.А.* Синдром возвращения. С. 846–847.
- ³¹ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 80. Л. 9.
- ³² Там же. Л. 11.
- ³³ Там же. Л. 2–3.
- ³⁴ Там же. Л. 3.
- ³⁵ Там же. Л. 4–5.
- ³⁶ «По решению Правительства Союза ССР...». Нальчик, 2003. С. 753–755.
- ³⁷ Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦДНИ АС КБР). Ф. 1. Оп. 2. Д. 849. Л. 89–91.
- ³⁸ Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). Ф. 774.
- ³⁹ УЦГА АС КБР. Ф. 774. Оп. 1. Д. 11. Л. 7.
- ⁴⁰ Карачаевцы: Выселение и возвращение (1943 – 1957): Материалы и документы. Черкесск, 1993. С. 35.
- ⁴¹ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 81. Л. 3–6.
- ⁴² Там же. Л. 7.
- ⁴³ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 56. Л. 98.
- ⁴⁴ Там же. Л. 47–48.

- ⁴⁵ Там же. Л. 53.
- ⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 140. Л. 27.
- ⁴⁷ Там же. Л. 17.
- ⁴⁸ Там же. Л. 27.
- ⁴⁹ «По решению Правительства Союза ССР...». С. 764.
- ⁵⁰ Там же. С. 771.
- ⁵¹ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 108. Л. 18–20.
- ⁵² РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 140. Л. 200.
- ⁵³ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 108. Л. 93–97.
- ⁵⁴ *Козлов В.А.* Синдром возвращения. С. 859–861.
- ⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 140. Л. 175–176.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Кринко Евгений Федорович – докт. ист. наук, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону)

krinkoef@gmail.com

Черкасов Александр Арвелодович – докт. ист. наук, профессор Томского государственного университета
sochi003@rambler.ru

В статье анализируются трудности и противоречия восстановления на Северном Кавказе автономий репрессированных народов – балкарцев, карачаевцев, чеченцев и ингушей. Особое внимание уделяется административно-территориальным преобразованиям в 1956–1957 гг. Рассматривается решение партийными и советскими властями социально-экономических проблем репрессированных народов. Делается вывод о том, что восстановление автономий репрессированных народов одним из своих последствий имело обострение межнациональных отношений на Северном Кавказе.

Северный Кавказ, репрессированные народы, депортация, реабилитация, «оттепель», автономия, Кабардино-Балкарская АССР, Карачаево-Черкесская АО, Чечено-Ингушская АССР, чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Bugay N.F. Prinuditelnye pereseleniya – mekhanizm osushchestvleniya natsionalnoy politiki v gosudarstve, 1930 – 1950-e gody. *Bylye gody*, 2012, no. 4(26), pp. 31–41.

2. Zemskov V.N. O masshtabakh politicheskikh repressiy v SSSR (protiv spekulyatsiy, izvrashcheniy i mistifikatsiy). *Bylye gody*, 2012, no. 4(26), pp. 6–17.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

3. Kozlov V.A. Sindrom vozvrashcheniya. *Vajnaxi i imperskaya vlast: Problema Chechni i Ingushetii vo vnutrenney politike Rossii i SSSR (nachalo XIX – seredina XX v.)* [The Vainakhs and Imperial Power: The Issue of Chechnya and Ingushetia in the Internal Politics of Russia and the USSR (early XIX – mid. XX century)]. Moscow, 2011, p. 844.

4. Kozlov V.A. Sindrom vozvrashcheniya. *Vajnaxi i imperskaya vlast: Problema Chechni i Ingushetii vo vnutrenney politike Rossii i SSSR (nachalo XIX – seredina XX v.)* [The Vainakhs and Imperial Power: The Issue of Chechnya and Ingushetia in the Internal Politics of Russia and the USSR (early XIX – mid. XX century)]. Moscow, 2011, pp. 844–845.

5. Kozlov V.A. Sindrom vozvrashcheniya. *Vajnaxi i imperskaya vlast: Problema Chechni i Ingushetii vo vnutrenney politike Rossii i SSSR (nachalo XIX – seredina XX v.)* [The Vainakhs and Imperial Power: The Issue of Chechnya and Ingushetia in the Internal Politics of Russia and the USSR (early XIX – mid. XX century)]. Moscow, 2011, pp. 846–847.

6. Kozlov V.A. Sindrom vozvrashcheniya. *Vajnaxi i imperskaya vlast: Problema Chechni i Ingushetii vo vnutrenney politike Rossii i SSSR (nachalo XIX – seredina XX v.)* [The Vainakhs and Imperial Power: The Issue of Chechnya and Ingushetia in the Internal Politics of Russia and the USSR (early XIX – mid. XX century)]. Moscow, 2011, pp. 859–861.

(Monographs)

7. Kropachev S.A., Krinko E.F. Poteri naseleniya SSSR v 1937 – 1945 gg.: masshtaby i formy: Otechestvennaya istoriografiya [Population Losses in the USSR in 1937 – 1945: Forms and Scope: Russian Historiography]. Moscow, 2012, pp. 153–219.

8. Stepanov M.G. Etnicheskie deportacii v SSSR: problemy rossijskoj istoriografii [Ethnic Deportations in the USSR: Problems of Russian Historiography]. Abakan, 2010, 115 p.

9. Tsutsiev A. Atlas etnopoliticheskoy istorii Kavkaza (1774 – 2004) [An Atlas of Ethno-political History of the Caucasus (1774 – 2004)]. Moscow, 2006. 128 p.

Authors, Abstract, Key words

Evgeniy F. Krinko – Doctor of History, Deputy Head for Research, Institute of Socio-Economic and Humanities Research, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russia)

krinkoef@gmail.com

Alexander A. Cherkasov – Doctor of History, Tomsk State University (Sochi, Russia)

sochi003@rambler.ru

The article analyzes difficulties and contradictions the repressed peoples of the Balkars, Karachays, Chechens and Ingushes faced as they were regaining their autonomies in the North Caucasus. Particular attention is paid to the administrative-territorial reforms in 1956–1957. The authors examine how social and economic problems of the rehabilitated peoples were tackled by the Communist Party and Soviet state officials. One of the consequences of autonomous recovery of the repressed peoples was the aggravation of interethnic relations in the North Caucasus.

North Caucasus, repressed peoples, deportation, rehabilitation, “Thaw”, autonomy, Kabardino-Balkar Autonomy Soviet Socialist Republic (K-B ASSR), Karachai-Cherkess Autonomy Oblast (K-Ch AO), Chechen-Ingush Autonomy Soviet Socialist Republic (Ch-I ASSR), Chechens, Ingush, Balkar, Karachay

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКАЯ РОССИЯ
Anti-Bolshevik Russia

М.Ю. Черниченко

**КРИЗИС ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ
В ТЫЛУ ВОЙСК ГЕНЕРАЛА А.И. ДЕНИКИНА
В ОСВЕЩЕНИИ ПЕЧАТИ
БЕЛОГО ЮГА РОССИИ (1919 г.)**

M. Chernichenko

**A Money Circulation Crisis
in the Rear of General A.I. Denikin's Troops
as seen from the Press of Russia's "White South" (1919)**

В условиях Гражданской войны кризис денежного обращения на подконтрольной территории являлся для военной диктатуры генерала А.И. Деникина, как и для других белых генеральских диктатур, одной из самых острых экономических проблем, порождая целую цепочку кризисных явлений в экономической и социальной сферах. Пытаясь на пределе возможности мобилизовать финансовые ресурсы занимаемой территории для ведения войны против Советского государства, правительство Деникина вынуждено было прибегнуть к регулированию денежного обращения. На это его толкало понимание того очевидного факта, что именно прекращение обесценивания рубля является ключом к решению многих экономических, социальных и военно-политических задач.

Исследовательский опыт современных отечественных историков свидетельствует о том, что без анализа состояния денежного обращения невозможно полноценное изучение социально-экономической ситуации в тылу белых диктатур. Более того, судя по опубликованным за последнее десятилетие монографиям¹ и статьям² специалистов по Белой государственности на юге и востоке России, без такого анализа в принципе невозможно объективно и всесторонне раскрыть причины поражения генеральских диктатур в войне против диктатуры большевиков.

Между тем по мере накопления фактического материала ста-

новится все более очевидно: изучение денежного обращения и мер по его регулированию, которые предпринимали белые правительства (в частности, правительство Деникина), лишь в «чисто экономическом» плане не позволяет всесторонне раскрыть механизм кризиса денежного обращения на белых территориях. Дело в том, что во времена Гражданской войны фактором исключительной силы воздействия на экономику в целом и на денежное обращение в особенности была не только финансовая политика сама по себе, но и ее восприятие населением, реакция различных социальных групп на правительственное регулирование денежного обращения. Статьи на финансово-экономической теме, опубликованные в белой печати, сочинялись талантливыми журналистами и экономистами, склонными к сотрудничеству в газетах. Те и другие использовали яркую, эмоциональную лексику, весьма образную литературную речь. В годы Гражданской войны эти статьи, несомненно, имели сильное воздействие на своих читателей, а в наше время они являются уникальным историческим источником.

Проанализируем материалы газет, выходивших на территории, подконтрольной в 1919 г. Вооруженным силам на юге России (ВСЮР) под главным командованием генерала А.И. Деникина (в нее входили как губернии, управлявшиеся Особым совещанием при главкоме ВСЮР, так и области Донского, Кубанского и Терского казачьих войск, управлявшиеся их войсковыми правительствами). Сосредоточим внимание на одной из самых острых тем, освещавшихся газетами, – состоянии денежного обращения на территории ВСЮР, в тылу войск генерала Деникина.

* * *

Белые генералы не видели иного способа наладить финансирование своих войск как создать центральный аппарат гражданского управления и доверить руководство финансовым ведомством гражданскому специалисту. В августе 1918 г. при командовании Добровольческой армии было создано Особое совещание. Оно было задумано как совещательный орган, состоящий из начальников отделов, набор которых в целом соответствовал традиционному составу российских министерств (включая Отдел финансов)³. За сентябрь и октябрь удалось подобрать чиновников и заполнить штаты отделов⁴.

Во главе финансового ведомства Деникин хотел поставить человека, не только хорошо знающего денежное обращение в теории, но и имеющего министерский опыт руководства финансами в масштабах

всей страны. В итоге соответствующее приглашение было передано профессору М.В. Бернацкому, который с сентября по октябрь 1917 г. возглавлял Министерство финансов в последнем составе Временного правительства. Арестованный после Октябрьского переворота и спустя два с лишним месяца выпущенный из Петропавловской крепости, он жил в «совдеповском» Петрограде до мая 1918 г., а потом уехал в Киев. Осенью он переехал в Одессу, а уже оттуда, в начале января 1919 г., ему удалось перебраться в Екатеринодар, где, помимо штаба главнокомандующего только что созданных ВСЮР, располагались Особое совещание и его отделы⁵. Деникин сразу же назначил Бернацкого управляющим Отделом финансов⁶.

Создание ВСЮР в январе 1919 г. и усложнение управленческих задач привели к тому, что Особое совещание скоро превратилось в высший законосовещательный и исполнительный орган, а его отделы – в подобие дореволюционных министерств. По новому «Положению об Особом совещании при главнокомандующем ВСЮР», утвержденному Деникиным в начале февраля 1919 г. (здесь и далее события датируются старым стилем), почти все отделы были развернуты в управления, их начальники получили «министерские» права и вошли в Особое совещание. Бернацкий возглавил Управление финансов⁷.

За работой Управления финансов и за деятельностью его начальника пристально следили газеты всех политических направлений: как «добровольческие», так и «казачьи», как официозы, так и частные «общественно-политические», как правые «органы государственной и национальной мысли», так и либеральные с умеренно-демократическими (последние являлись «самыми левыми» на Белом юге). Их журналисты, редакторы и издатели хорошо понимали: Бернацкий представляет не только полувоенное правительство генерала Деникина, но также и «либеральную общественность», и «цвет» российской экономической науки.

С другой стороны, падение курса национальной валюты, нарастание хаоса в денежном обращении, рост дороговизны и разгул спекуляции с каждым днем ухудшали жизнь населения, что неизбежно порождало у «читающей публики» обостренный интерес к мерам, принимаемым правительством в финансовой области. Откликаясь на спрос, газеты освещали экономическую жизнь, и в частности денежное обращение, в тылу необычайно широко. На газетных полосах всегда находилось место для статей журналистов и ученых-экономистов с анализом состояния денежного обращения и решений финансового ведомства, с разного рода проектами преодоления финансового кризиса. Особой популярностью – и у редакций

газет, и у их читателей – пользовались интервью с Бернацким.

В конце августа ростовская газета «Жизнь» опубликовала «Беседу с управляющим отделом финансов Особого Совещания М.В. Бернацким» (беседу провел и записал заведующий экономическим отделом газеты, скрывшийся под инициалами «С.Ч.»):

«Заведующий экономическим отделом нашей газеты был принят министром финансов Добрармии М.В. Бернацким.

Молодой, уверенный в себе и в своей программе, министр с большой готовностью пошел навстречу нашему желанию ознакомиться широкие круги русского общества с деятельностью отдела финансов Особого Совещания...

– В настоящее время, – заявил министр, – заканчивается коренная реорганизация нашего управления. Из скромного отдела финансов Особого Совещания при штабе Верховного Главнокомандующего вооруженных сил юга России, мы в связи с последними событиями на фронте развертываемся в министерство финансов Великой России.

У нас уже сформированы общая канцелярия, кредитная часть, департамент государственного казначейства, акцизно-монопольная часть (департамент неокладных сборов), железнодорожный департамент; выделяются в самостоятельные отделы департамент окладных сборов»⁸.

* * *

Управление финансов призвано было играть ключевую роль в регулировании денежного обращения, пораженного тяжелым кризисом.

К лету 1919 г. денежный оборот на территории ВСЮР оказался крайне пестрым и перенасыщенным бумажными денежными знаками и их суррогатами. Наступая вглубь страны, три армии ВСЮР «втягивали в обращение» миллиарды рублей разных правительств, включая советские рубли 1918 и 1919 г. выпуска: как суммы, захваченные в советских учреждениях и штабах Красной армии, так и те накопления, что были на руках у населения. Это явление, присущее Гражданской войне, С.В. Карпенко назвал «фронтальной эмиссией»⁹, благодаря которой происходил безмерный и беспримерный за всю историю России количественный рост денежной массы на ограниченной территории нескольких южных губерний и казачьих областей бывшей Российской империи. В такой ситуации, при столь небывалой качественной пестроте денежной массы, неизбежно возникла и разная оценка городским и сельским населением надежности и

покупательной способности рублей разных выпусков. Все это вместе создало хаос в денежном обращении, подстегивало дороговизну (инфляцию) и спекуляцию, опустошало и без того скудную казну ВСЮР, срывало финансирование и снабжение наступающих войск.

Бернацкий обоснованно считал – и в этом он был прав как знаток финансового дела, – что до «освобождения Москвы» нет смысла проводить радикальную денежную реформу, ибо действенной она будет лишь в масштабах всей России. А потому, исходя из принципа «главное – не навредить», он ограничился тем, что пытался затормозить инфляцию путем сокращения объема денежной массы и ликвидации ее пестроты. С другой стороны, возглавляемое им Управление финансов сделало ставку на форсированную эмиссию. В этом с ним были целиком согласны казацкие правительства Кубанского края и Всевеликого войска Донского. Последнее, однако, имело перед Кубанью и территорией, занимаемой Добровольческой армией и управляемой Особым совещанием при главкоме ВСЮР, то преимущество, что в его руках находилась единственная на Белом юге экспедиция заготовления государственных бумаг – Ростовская.

Денежную экспедицию при Ростовской конторе Государственного банка казацкие правительство Области войска Донского оборудовало и запустило в январе 1918 г. Организация ее тормозилась трудностями доставки литографских машин, покупки бумаги и красок. На полную мощность экспедиция заработала в мае 1918 г., после «очищения» области от Красной армии. В течение лета 1918 – осени 1919 гг. в распоряжение экспедиции поступали новые машины, ей предоставлялись дополнительные помещения, и количество выпускаемых денег постоянно росло. Если за 1918 г. было напечатано донских денежных знаков на 872,6 млн руб., то всего за первые шесть месяцев 1919 г. – 2,8 млрд руб.¹⁰ По данным Деникина, с 1 января 1918 г. по 15 октября 1919 г. было напечатано донских денежных знаков на 9,202 млрд руб., из которых Донское правительство передало главному командованию Добровольческой армии, а затем ВСЮР 3,982 млрд руб.¹¹

Таким образом, с 1 июля по 15 октября 1919 г. было напечатано 5,53 млрд руб., что свидетельствует, во-первых, о стремительно растущих темпах денежной эмиссии в течение 1919 г., а во-вторых, о полном отсутствии каких-либо ограничений на выпуск денежных знаков. Донское правительство всячески форсировало эмиссию, поскольку в условиях стремительного падения курса рубля и роста дороговизны как оно само, так и кубанские власти, и Особое совещание, которым оно передавало часть свежееотпечатанных денежных знаков, – все они остро нуждались в деньгах для оплаты расходов на

содержание армий и войну против «Совдепии». Чтобы Ростовская экспедиция могла сосредоточиться исключительно на выпуске денежных знаков, донскими властями была создана в Новочеркасске подсобная экспедиция – по изготовлению обязательств казначейств, вексельной бумаги, гербовых марок и акций частных предприятий¹².

Всевеликое войско Донское всемерно оберегало свой «финансовый суверенитет» и свою монополию на «эмиссионный центр», обретенные благодаря наличию в его руках Ростовской экспедиции. Однако такое положение дел категорически не устраивало Особое совещание: оно рассчитывало на куда большие суммы, нежели те, что удавалось получить «от казацких щедрот», причем о выдаче и увеличении этих сумм постоянно приходилось напоминать и просить. Генералами и высшими гражданскими должностными лицами ВСЮР это воспринималось как унижение: дескать, «центральная», «всероссийская» власть вынуждена «идти на поклон» к власти «областной». Поэтому Бернацкому изначально была поставлена задача обеспечить «денежную независимость» от Всевеликого войска Донского и наладить выпуск собственных денежных знаков. Результатом немалых усилий Управления финансов стало создание в августе 1919 г. в Новороссийске экспедиции заготовления государственных бумаг, которая начала печатать денежные знаки главного командования ВСЮР¹³.

Поток выпускаемой денежной массы резко увеличился, так как объемы производства Ростовской экспедиции в связи с «постановкой в строй» Новороссийской не сократились. Осенью Управлением финансов ВСЮР были оборудованы и запущены еще две экспедиции – Киевская и Одесская, печатные станки которых сразу же заработали на полную мощность¹⁴.

В итоге главной особенностью денежного обращения в тылу армий Деникина стало одновременное хождение огромного количества денежных знаков, выпущенных разными правительствами. Помимо напечатанных Ростовской экспедицией «донских» денег¹⁵, с осени в обращение стали поступать денежные знаки главного командования ВСЮР, которые в газетах чаще всего называли «билетами главнокомандования»¹⁶, а в обиходе – «добровольческими» (от названия Добровольческой армии). Вместе с ними обращались гривны и карбованцы, выпущенные украинскими антибольшевистскими властями, причем они не просто были на руках у населения, а еще и намеренно завозились правительственными учреждениями ВСЮР на вновь занятые территории¹⁷. Помимо этих денежных знаков в обращении имелись выпущенные Временным правительством «керенки» (можно говорить о том, что в 1918–1919 гг.

их обиходное название превратилось в официальное, так как оно стало фигурировать не только в обиходной речи населения, но и на сводках биржевых новостей¹⁸, а также в правительственных документах и обращениях к населению) и «думские». На территории ВСЮР ходили также деньги, выпущенные императорским правительством, которые называли «романовскими», «николаевскими» или «царскими». «Керенки», «романовские» и «думские», в свою очередь, по старым клише продолжал выпускать большевистский Совнарком, одновременно печатая и собственные деньги, которые после занятия белыми новых территорий автоматически поступали в обращение. Помимо этого на денежном рынке ходили разменные денежные знаки, выпущенные городскими самоуправлениями (например, в Одессе и Житомире печатались боны¹⁹), гарантированные чеки отделений Госбанка, а также облигации, обязательства, билеты и купоны государственного казначейства.

Хаос в денежном обращении усугублялся подделкой денежных знаков, широко распространившейся в условиях Гражданской войны и экономического кризиса.

Так, в марте 1919 г. в Ростове-на-Дону была задержана группа фальшивомонетчиков, печатавших «керенки»²⁰.

В октябре 1919 г. в Севастополе сложилась чрезвычайно тяжелое положение с карбованцами: в обращении появилось большое количество поддельных купюр достоинством в 50 карбованцев. В газетах эту ситуацию называли «денежным кризисом». Этой проблеме было посвящено закрытое заседание, в котором принимали участие представители городского самоуправления, члены правления Государственного и Общественного банков, члены Торгово-промышленного комитета и других правительственных и общественных организаций. Судя по составу присутствующих на заседании лиц, ситуация была крайне тяжелой. Так как заседание проходило за закрытыми дверями, о мерах, выработанных собравшимися, в печати не сообщалось. Однако во все местные отделения Государственного банка были разосланы уведомления о необходимости тщательной проверки карбованцев²¹.

Чтобы затруднить подделку «добровольческих» денег, их стали выпускать с большим, для того времени, количеством степеней защиты, с мелкими водяными знаками и выгравированными изображениями Царя-колокола и герба Москвы. Перед вводом в обращение «добровольческих» денег в газетах помещались статьи с подробным описанием их внешнего вида, чтобы население могло отличить новые деньги от подделок²².

Бернацкий одну из главных задач Управления финансов видел

в ограждении «юга России от наплыва советских и прочих фальшивых денег». Штемпелевание купюр он считал неэффективным, поэтому предлагал обратиться к опыту Чехословакии, где проводили «регистрацию наличных знаков посредством наклейки особых марок»²³. О проведении в жизнь этой меры никаких сведений обнаружить пока не удалось.

Другим фактором, усугубляющим кризис денежного обращения, была острая нехватка разменных денежных знаков. Она возникла из-за стремления Управления финансов ВСЮР и донского финансового ведомства порыть дефициты своих бюджетов за счет выпуска как можно больших сумм в короткие сроки, для чего постоянно разрабатывались и выпускались все более крупные денежные знаки. Это стремление вполне понятно, поскольку себестоимость купюр любого достоинства была одинаковой (на июнь 1919 г. она составляла 15 коп.). С января 1918 по 20 июня 1919 гг. Ростовской экспедицией было напечатано всего 9 % купюр от общей суммы (которая составляла на тот момент 3 630 млн. руб.) достоинством ниже 100 руб., всего 0,7 % купюр достоинством в 5 руб. и 0,3 % купюр достоинством в 3 руб.²⁴ Что касается дензнаков главного командования ВСЮР денег, выпускаемых Новороссийской экспедицией, то здесь наблюдалась та же самая картина: несмотря на то что, согласно приказу Деникина, «добровольческие» деньги должны были печататься достоинством от 5 000 до 1 руб., на практике основную часть составляли купюры достоинством в 1 000 руб.²⁵

В результате в качестве разменных денежных знаков выступали, в основном, советские деньги (например, в Киеве местной Советской властью были выпущены украинские казначейские знаки достоинством в 10 карбованцев, которые имели хождение и после занятия города частями Добровольческой армии ВСЮР²⁶), а также различные суррогаты.

* * *

Хаос в денежном обращении правомерно оценивался Бернацким и Управлением финансов как едва ли не главная причина падения покупательной силы рубля и роста инфляции. С целью хотя бы притормозить эти процессы и упорядочить денежное обращение, решено было сократить денежную массу. Самым действенным средством для достижения этих целей правительство Деникина сочло вывод из обращения советских («пятаковских») денежных знаков посредством их аннулирования²⁷.

В июне Управление финансов предложило населению вносить

«пятакоские» деньги в банк и получать взамен «донские» рубли. Обмен проводился один к одному, но более 500 «донских» рублей на человека не выдавалось. Сроки обмена были ограничены. В том случае, если человек приносил более 500 «пятакоских» рублей, он получал квитанцию на сумму, которая осталась не обмененной. Деньги по этим квитанциям планировалось выдавать после «полной победы» над большевиками и созыва Учредительного собрания²⁸.

Осуществлять обмен начали в Харькове. Более 500 «пятакоских» рублей в банк никто сдавать не стал. Люди либо оставляли не обмененные «пятакоские» дома на хранение (на случай возвращения большевиков или отмены решения правительства), либо продавали спекулянтам, которые в больших количествах скупали эти деньги. Когда истек срок обмена в Харькове, спекулянты поехали в Полтаву, где были установлены более поздние сроки обмена, и разменивали деньги там. Часто это происходило через подставных лиц. О размерах вывезенной из Харькова в Полтаву суммы денег можно судить по тому, как осуществлялся перевоз денег: спекулянтам потребовались для этих целей автомобили. Масштабы этой аферы превзошли все ожидания правительства. Уполномоченный по делам финансов киевской и черниговской губернии Б.В. Матусевич справедливо заметил: «Если бы стали на путь этого частичного обмена, нам пришлось бы выменять в конце концов все советские деньги»²⁹. Управление финансов израсходовало на обмен «пятакоских» в общей сложности 100 млн. «донских» руб.³⁰

Скачок денежной спекуляции и отсутствие денег для продолжения обмена заставили правительство Деникина перейти к полному аннулированию денежных знаков Совнаркома. В августе было решено прекратить обмен денег и объявить «пятакоские» рубли недействительными на территории ВСЮР³¹.

Эта мера сразу повлекла за собой ряд тяжелых последствий.

Во-первых, люди стали подавать заявления в правительственные и финансовые учреждения с просьбой разрешить им в порядке исключения обменять «пятакоские» деньги³². Положение большей части населения тыла было крайне тяжелым, многим не хватало средств даже на самые необходимые вещи. После отмены «пятакоских» рублей оно еще более усугубилось. И если чиновникам было обещано выплатить «вторично жалование “донскими” деньгами», общественным учреждениям и частным предприятиям предлагали обращаться за кредитами на выгодных условиях для выплаты заработной платы рабочим, то оставшейся части населения правительству предложить было нечего. Матусевичу ничего не оставалось, как признать в печати, что «частные лица» от аннулиро-

вания «пятакоских» денег «могут пострадать»³³, что, собственно, и произошло.

Безусловно, такие действия и заявления не прибавляли популярности Деникину и его правительству. Газеты обращали внимание на тяжелое положение населения: «Аннулирование советских денег явилось для населения неожиданностью, и обыватель очутился перед безденежьем. Многие лица выходили вчера на базар со своими вещами, обменивая последние на продукты». Сообщалось и об инцидентах на рынке, происходивших из-за отказа продавцов принимать «пятакоские» рубли³⁴.

Во-вторых, не только население, но и многие организации и учреждения были недовольны аннулированием «пятакоских» рублей. В частности, 26 августа главноуполномоченному Особого совещания по финансовым делам по Екатеринославской, Харьковской и Полтавской губерниям сенатору Д.П. Никифорову пришлось приехать в Киев и лично присутствовать на заседании представителей банков и кредитных учреждений, для того чтобы убедить собравшихся в необходимости аннулирования «пятакоских» рублей и невозможности восстановления эквивалентного обмена. В Центральном бюро союзных кооперативов Киева тоже состоялось заседание, посвященное вопросу отмены «пятакоских» денег. У кооперативных организаций вообще не было другого выхода, кроме как прекратить прием аннулированных денег, так как если бы они этого не сделали, то население стало бы покупать их продукцию исключительно за «пятакоские» рубли. Несмотря на это очевидное обстоятельство, вопрос аннулирования обсуждался всесторонне³⁵.

В-третьих, даже после окончательного аннулирования спекулянты скупали «пятакоские» рубли по курсу 1 к 10. Это означало одно: они находили возможности сбыта этих денег. То есть, несмотря на то, что курс «пятакоских» рублей сильно упал, они еще продолжали оставаться в обращении³⁶.

В-четвертых, магазины терпели убытки после аннулирования по причине резкого падения числа покупателей. Сразу после отмены советских денег многим людям просто нечем было расплачиваться в магазинах, в то время как на рынке они могли прибегнуть к бартеру³⁷.

В-пятых, отмена «пятакоских» рублей подорвала доверие к бумажным деньгам вообще. Об этом много и подробно писал известный специалист по финансам профессор П.П. Гензель: «Однако, как и можно было предвидеть, аннулирование советских денег неизбежно должно было психологически тяжело отозваться на самой идее бумажноденежного обращения, ибо в широкой массе сейчас же

родились опасения: «Сегодня аннулировали советские деньги и не дали никакого вознаграждения, завтра аннулируют керенки, потом карбованцы и т.д.»³⁸. И это явление было действительно одним из самых негативных последствий аннулирования. Именно после отмены советских денег в газетах стали появляться предложения об отмене тех или иных денежных знаков. Благодаря таким публикациям, среди населения стали распространяться панические слухи о якобы предстоящем аннулировании уже других денежных знаков.

Что же касается положительного эффекта, на который прежде всего и рассчитывало Управление финансов, то он оказался гораздо слабее отрицательных последствий. Можно говорить лишь об относительном сокращении пестроты денежного обращения и о незначительном падении цен на рынке. Однако это падение цен, зафиксированное газетой «Киевская жизнь», по всей видимости, было кратковременной реакцией на аннулирование³⁹.

Несмотря на все негативные последствия отмены «пятакских» рублей, если рассматривать эту меру как одно из звеньев цепи последующих мероприятий по урегулированию денежного обращения в тылу ВСЮР, то можно говорить о том, что эта мера была необходимой. Вполне закономерно, что она повлекла за собой негативные последствия. Если бы ВСЮР более длительное время удавалось контролировать большую территорию страны и успешно вести наступательные операции на московском направлении, то постепенно эта мера начала бы давать положительные результаты. К тому же за ней должны были бы последовать другие меры по упорядочению денежного обращения. Однако Бернацкий все последующие реформы планировал проводить только после полной победы белых армий над большевиками. И разрабатываемую им финансовую реформу, как он предполагал, должно было осуществить новое общероссийское правительство⁴⁰. На тот период времени ни Деникин, ни генералы из его ближайшего окружения, ни либералы, входившие в состав Особого совещания при главкоме ВСЮР, включая самого Бернацкого, – никто не осознавал, что без «оздоровления» денежного обращения невозможно было решить экономические проблемы. Более того, без этого невозможно было одержать военную победу над большевиками.

После аннулирования «пятакских» особенно обострилась ситуация с «керенками». Их курс по отношению к другим денежным знакам, признаваемым на территории ВСЮР, сильно упал. Люди стремились избавиться от «керенок» и поэтому стали скупать товары, рассчитываясь этими деньгами. В данном случае начинал действовать так называемый «закон Томаса Грехэма», который раз-

работал английский банкир XVI в. Согласно этому закону, «плохие» деньги вытесняют «хорошие»: то есть «хорошие» деньги, обладающие более высокой стоимостью, естественно уходят из обращения, становятся объектом накопления, заменяются «плохими». С осени 1919 г. на территории ВСЮР «керенки» стали выступать в роли «плохих» денег. Гензель напрямую связывал этот факт с потерей доверия населения к бумажным деньгам после аннулирования «пятакских» рублей⁴¹.

Однако дело с «керенками» обстояло гораздо сложнее.

Во-первых, в печать просочилась информация о том, что правительство А.В. Колчака проводит денежную реформу. Ростовская газета «Приазовский край» сообщала, что в Сибири 50 % «керенок» в скором времени будут подлежать девальвации, а остальные 50 % станут беспроцентным займом, погашаться который будет в течение 12-ти лет⁴². По версии севастопольской газеты «Юг», в Сибири вышло постановление Колчака о замене «керенок» другими денежными знаками⁴³. Население было склонно связывать действия Омского правительства с действиями деникинского, донского и кубанского правительств, хотя для этого не было никаких оснований. Среди населения сразу же распространились панические слухи о том, что Особое совещание тоже что-нибудь предпримет в этом направлении.

Во-вторых, в августе в Ростове-на-Дону было созвано совещание глав финансовых ведомств ВСЮР и казачьих областей с участием специалистов по финансам для обсуждения «громдного количества казначейских знаков 40 и 20 рублевого достоинства (керенки), появившихся на юге России в связи с продвижением армии в глубь Совдепии». В газете «Юг» сообщалось, что на совещании шла речь о необходимости принятия мер по отношению к «керенкам», так как эти деньги печатаются большевиками «вне всяких эмиссионных законов» и «крайне обесценивают русский рубль». В этой же статье говорилось, что совещание признало необходимым в целях «предотвращения грядущей денежной катастрофы» по истечении 2–3-х месяцев провести денежную реформу⁴⁴.

В-третьих, по сообщению «Приазовского края», «первые сведения об аннулировании керенок появились в советской печати»⁴¹. Вполне возможно, что большевистские власти, помимо прочего, намеренно пытались посеять панику в тылу противника с целью усугубить финансовый кризис в тылу деникинских войск.

В-четвертых, своего рода противовесом всей информации о предстоящем аннулировании «керенок» стали заявления высокопоставленных правительственных чиновников о том, что «керенки»,

выпущенные и Временным правительством, и Совнаркомом, признаются правительством ВСЮР и имеют законное хождение. В интервью с журналистом газеты «Жизнь» Бернацкий заявил: «Я категорически утверждаю, что все слухи об изъятии керенок из обращения ложны. В этой области пока никаких предложений в министерстве нет»⁴⁶ (он упорно называл руководимое им Управление финансов «министерством»). А начальнику 7-й пехотной дивизии генералу Н.Э. Бредову после взятия Киева в приказе от 27 августа 1919 г. об аннулировании советских денег в Киеве помимо помещения «керенок» в список денежных знаков, «имеющих обязательное хождение среди населения и обязательных к приему во все кассы правительственных учреждений», пришлось сделать специальную оговорку о действительности «керенок бледной окраски», которая считалась признаком «совдеповской» эмиссии 1919 г.⁴⁷ По всей видимости, население сильно опасалось отмены «керенок», выпущенных большевистским правительством и пыталось сбывать их еще активней, чем «керенки» яркой окраски.

Судя по газетам Белого юга, сведения о том, что «керенки» будут аннулированы, постоянно поступали в редакции. Причиной резкого падения ликвидности этих денег было не только аннулирование «пятакских», которое повлекло за собой недоверие населения к бумажным денежным знакам вообще, но и непродуманная, непоследовательная и плохо контролируемая информационная политика правительства ВСЮР. О будущих реформах население могло узнавать только из газет. Печатному слову доверяли. Именно поэтому после сообщений о готовящейся отмене «керенок» и о реформе правительства Колчака население старалось избавляться от денежных знаков, которые оно сочло ненадежными, путем скупки товаров вне зависимости от того, нужны они или нет. В глазах населения почти все товары приобрели большую ликвидность, чем «плохие» деньги.

От общественных паник, вызванных газетными сообщениями, падал курс не только «керенских», но и «романовских» рублей. Например, заведующий экономическим отделом газеты «Приазовский край» И. Абельсон внес предложение об отмене «романовских» рублей «с возмещением владельцам рубль за рубль наличными»⁴⁸. Несмотря на то, что в статье фигурировал эквивалентный обмен денег, внимание читателя фокусировалось прежде всего на самом факте отмены «романовских» рублей. Тем более что «пятакские» рубли тоже сначала обменивали на «донские», а потом этот обмен отменили. «Романовские» рубли пользовались самым большим доверием среди населения, у них были самые высокие как внутренний, так и внешний курсы⁴⁹. Однако такие статьи подрывали доверие

даже к самой ликвидной валюте, имевшей хождение на территории ВСЮР.

* * *

Ситуация с денежным обращением на территории ВСЮР была чрезвычайно сложной: существование как такового внутреннего курса национальных валют в пределах одной территории являлось феноменом. Особенно если учесть, что название денежной единицы на подавляющем большинстве купюр было одинаковым – «рубли» (отличие, помимо раскраски и символики, составляли год выпуска и указание на то, каким правительством выпущен денежный знак). В обстановке Гражданской войны внутренний курс национальных валют, обращавшихся в тылу ВСЮР, зависел только от психологического фактора – большего или меньшего доверия населения к тем или иным денежным знакам. А доверие населения – не только тех групп, что сознательно поддерживали Белое движение, но и самых широких слоев – укреплялось или, наоборот, ослаблялось материалами, публикуемыми в газетах.

Анализ содержания, стилистики и лексики этих материалов позволяет сделать вывод, что у правительства Деникина в 1919 г. не было четкой «информационной политики» в области регулирования денежного обращения. А в условиях Гражданской войны «читающая публика» тем более не могла прийти к какому-то ясному мнению о реальных кризисных процессах, происходящих в сфере денежного обращения. Закономерными результатами этого стали полная дезориентация читающей, грамотной части населения в вопросах денежного обращения и самые невероятные слухи, которые циркулировали в неграмотных и полуобразованных «низах».

Эти дезориентация и слухи, в свою очередь, провоцировали массовую панику на товарно-денежном рынке, которая обрекала на стремительное обесценивание даже те выпуски рублей, которые правительство Деникина и Управление финансов считали вполне надежными. А паническое поведение населения (как продавцов, так и покупателей) на товарно-денежном рынке закономерно вело к скачкообразному росту цен, дальнейшему падению покупательной силы рубля, товарному голоду, разгулу спекуляции и, в конечном счете, к дальнейшему углублению финансового кризиса на Белом юге.

Примечания

¹ Карпенко С.В. Очерки истории Белого движения на юге России (1917 – 1920 гг.). 3-е изд. М., 2006. С. 173–295, 347–361, 388–420; Карпенко С.В.

Белые генералы и красная смута. М., 2009. С. 239–294, 360–393; *Рышков В.М.* Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.). Новосибирск, 2006; *Рышков В.М.* Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918 – 1919 г.). Новосибирск, 2008.

² *Ипполитов С.С.* Финансовая интервенция в Белую Россию // Новый исторический вестник. 2000. № 1. С. 33–38; *Ипполитов С.С.* Российское общество Красного Креста в Сибири и на Дальнем Востоке: организация и помощь армии и населению (1919 – 1920 гг.) // Новый исторический вестник. 2013. № 1(35). С. 56–68; *Ипполитов С.С., Минаев В.В.* «От этого зависит вся судьба России»: к изучению демографической и экономической экспансии Китая и Японии на востоке России во время Второй русской смуты // Новый исторический вестник. 2013. № 3(37). С. 38–39; *Карпенко С.В.* «Поход на Москву» ВСЮР в 1919 г.: война и деньги // Экономический журнал. 2001. № 1. С. 35–76; *Карпенко С.В.* Первые шаги правительства генерала А.И. Деникина по регулированию внешней торговли (август 1918 – апрель 1919 г.) // Вестник РГГУ. 2009. № 17. С. 84–98; *Карпенко С.В.* Из истории государственной монополизации внешней торговли в России: Опыт правительства генерала А.И. Деникина (1919 – 1920 гг.) // Экономический журнал. 2011. № 1(21). С. 84–91; *Карпенко С.В.* Из истории государственной монополизации внешней торговли в России: Опыт правительства генерала П.Н. Врангеля // Экономический журнал. 2011. № 2(22). С. 118–126; *Карпенко С.В.* Налоговая политика белых правительств на юге России в 1919 – 1920 гг. // Экономический журнал. 2011. № 4(24). С. 111–121; *Карпенко С.В.* Железные дороги и «свобода торговли» в условиях экономического кризиса: Из истории тыла Вооруженных сил на юге России (1919 г.) // Вестник РГГУ. 2013. № 10. С. 58–73; *Рышков В.М.* Попытки унификации денежного обращения на Востоке России во второй половине 1918 – 1919 гг.: экономические и социальные аспекты финансовых реформ // Экономическая история: Ежегодник, 2009. М., 2009. С. 106–147.

³ *Соколов К.Н.* Правление генерала Деникина. София, 1921. С. 30–34.

⁴ Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России А.И. Деникине: Сентябрь 1918-го – декабрь 1919 года. М., 2008. С. 27, 29, 37, 63–66.

⁵ *Соколов К.Н.* Указ. соч. С. 43–44; *Ананьич Б.В.* Штрихи к биографии Михаила Владимировича Бернацкого // Петроградский Политехнический институт в 1917 г. СПб., 1999. С. 37–39; *Владимирский М.В.* М.В. Бернацкий – министр финансов в правительствах Керенского, Деникина, Врангеля // Отечественная история. 2007. № 1. С. 160–163.

⁶ Журналы заседаний Особого совещания... С. 107, 109, 112.

⁷ Там же. С. 129.

⁸ *С.Ч.* Наши финансы // Жизнь (Ростов-на-Дону). 1919. 29 авг. (11 сент.).

⁹ *Карпенко С.В.* Очерки истории Белого движения на юге России (1917 – 1920 гг.). 3-е изд. М., 2006. С. 174; *Карпенко С.В.* Белые генералы и крас-

ная смута. М., 2009. С. 239.

¹⁰ *Н-в А.* Работоспособность экспедиции по изготовлению денежных знаков // Донские ведомости (Новочеркасск). 1919. 24 июня (7 июля).

¹¹ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 4. Берлин, 1925. С. 226.

¹² *Н-в А.* Работоспособность экспедиции по изготовлению денежных знаков.

¹³ *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 4. С. 226.

¹⁴ *Карпенко С.В.* Очерки истории Белого движения на юге России (1917 – 1920 гг.). 3-е изд. М., 2006. С. 220–223.

¹⁵ *Н-в А.* Работоспособность экспедиции по изготовлению денежных знаков.

¹⁶ *С.Ч.* Наши финансы.

¹⁷ Донские деньги // Киевская жизнь. 1919. 28 авг. (10 сент.).

¹⁸ Бакинская биржа // Юг (Севастополь). 1919. 23 авг. (5 сент.).

¹⁹ Аннулирование советских денег // Киевская жизнь. 1919. 28 авг. (10 сент.).

²⁰ Шайка фальшивомонетчиков // Приазовский край (Ростов-на-Дону). 1919. 16(29) марта.

²¹ Карбованцы // Юг. 1919. 9(22) окт.

²² Новые деньги // Киевская жизнь. 1919. 5(18) нояб.

²³ Денежный вопрос // Киевская жизнь. 1919. 27 авг. (9 сент.).

²⁴ *Н-в А.* Работоспособность экспедиции по изготовлению денежных знаков.

²⁵ Новые деньги // Киевская жизнь. 1919. 5(18) нояб.

²⁶ Аннулирование советских денег // Киевская жизнь. 1919. 28 авг. (10 сент.).

²⁷ *Карпенко С.В.* Очерки истории Белого движения на юге России (1917 – 1920 гг.). 3-е изд. М., 2006. С. 177–179.

²⁸ *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 4. С. 325–326; *Лукомский А.С.* Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 2. С. 199–200; *С.Ч.* Наши финансы // Жизнь. 1919. 29 авг. (11 сент.).

²⁹ Аннулирование советских денег // Киевская жизнь. 1919. 28 авг. (10 сент.).

³⁰ *С.Ч.* Наши финансы.

³¹ *Карпенко С.В.* Очерки истории Белого движения на юге России (1917 – 1920 гг.). 3-е изд. М., 2006. С. 179–181.

³² Денежный вопрос // Киевская жизнь. 1919. 29 авг. (11 сент.).

³³ Аннулирование советских денег // Киевская жизнь. 1919. 28 авг. (10 сент.).

³⁴ Денежный вопрос // Киевская жизнь. 1919. 29 авг. (11 сент.).

³⁵ Денежный вопрос // Киевская жизнь. 1919. 27 авг. (9 сент.).

³⁶ Денежный вопрос // Киевская жизнь. 1919. 29 авг. (11 сент.).

³⁷ Там же.

³⁸ *Гензель П.П.* Девальвация и задачи налоговой политики. Симферополь, 1919. С. 7.

- ³⁹ Денежный вопрос // Киевская жизнь. 1919. 29 авг. (11 сент.).
- ⁴⁰ Денежный вопрос // Киевская жизнь. 1919. 27 авг. (9 сент.); Беседа с проф. Бернадским // Приазовский край. 1919. 20 окт. (2 нояб.).
- ⁴¹ Гензель П.П. Указ. соч. С. 8.
- ⁴² Керенки // Приазовский край. 1919. 4 (17) сент.
- ⁴³ Судьба керенок // Юг. 1919. 30 авг. (12 сент.).
- ⁴⁴ Судьба керенок // Юг. 1919. 30 авг. (12 сент.).
- ⁴⁵ Керенки // Приазовский край. 1919. 4 (17) сент.
- ⁴⁶ С.Ч. Наши финансы.
- ⁴⁷ Аннулирование советских денег // Киевская жизнь. 1919. 28 авг. (10 сент.).
- ⁴⁸ Чалхушьян С.Г. Сенсационное открытие // Жизнь. 28 авг. (10 сент.).
- ⁴⁹ Чалхушьян С.Г. Валютная «катастрофа» // Жизнь. 1919. 27 сент. (10 окт.); Бакинская биржа // Юг. 1919. 23 авг. (5 сент.); Спекуляция деньгами // Вольная Кубань (Екатеринодар). 1919. 23 апр. (8 мая); Биржа // Юг. 1919. 8(21) нояб.

Автор, аннотация, ключевые слова

Черниченко Марина Юрьевна – директор Музея истории медицины Первого МГМУ им. И.М. Сеченова
cher_@inbox.ru

В статье анализируются материалы на финансовую тематику, опубликованные в ведущих газетах, выходивших на территории Белого юга России в 1919 г. Главное внимание уделяется тем сведениям и тем оценкам, которые журналисты и экономисты приводили в своих статьях, посвященных денежному обращению и мерам правительства генерала А.И. Деникина по его регулированию. Рассматривается взаимодействие этих сведений и оценок, с одной стороны, и общественных настроений, с другой. Делается вывод, что статьи о денежном обращении и правительственных мерах по его регулированию как правило подрывали доверие населения к бумажным деньгам. В условиях Гражданской войны и экономической разрухи это закономерно вело к обострению кризиса денежного обращения и падению курса рубля на территории Белого юга России.

Гражданская война в России, Белое движение, А.И. Деникин, правительство А.И. Деникина, М.В. Бернадский, Область войска Донского, финансовая политика, денежное обращение, бумажные деньги, периодическая печать, экономическая публицистика, публицистический образ

References

(Articles from Scientific Journals)

- Ippolitov S.S. Finansovaya interventsia v Beluyu Rossiyu. *Novyy istoricheskiy vestnik*, 2000, no. 1, pp. 33–38.
- Ippolitov S.S. Rossiyskoe obshchestvo Krasnogo Kresta v Sibiri i na Dalnem Vostoke: organizatsiya i pomoshch armii i naseleniyu (1919 – 1920 gg.). *Novyy istoricheskiy vestnik*, 2013, no. 1(35), pp. 56–68.
- Ippolitov S.S., Minaev V.V. “Ot etogo zavisit vsya sudba Rossii”: k izucheniyu demograficheskoy i ekonomicheskoy ekspansii Kitaya i Yaponii na vostoke Rossii vo vremya Vtoroy russkoy smutty. *Novyy istoricheskiy vestnik*, 2013, no. 3(37), pp. 38–39.
- Karpenko S.V. “Pokhod na Moskvu” VSYuR v 1919 g.: voyna i dengi. *Ekonomicheskiy zhurnal*, 2001, no. 1, pp. 35–76.
- Karpenko S.V. Pervye shagi pravitelstva generala A.I. Denikina po regulirovaniyu vneshney torgovli (avgust 1918 – aprel 1919 g.). *Vestnik RGGU*, 2009, no. 17, pp. 84–98.
- Karpenko S.V. Iz istorii gosudarstvennoy monopolizatsii vneshney torgovli v Rossii: Opyt pravitelstva generala A.I. Denikina (1919 – 1920 gg.). *Ekonomicheskiy zhurnal*, 2011, no. 1(21), pp. 84–91.
- Karpenko S.V. Iz istorii gosudarstvennoy monopolizatsii vneshney torgovli v Rossii: Opyt pravitelstva generala P.N. Vrangelya. *Ekonomicheskiy zhurnal*, 2011, no. 2(22), pp. 118–126.
- Karpenko S.V. Nalogovaya politika belykh pravitelstv na yuge Rossii v 1919 – 1920 gg. *Ekonomicheskiy zhurnal*, 2011, no. 4(24), pp. 111–121.
- Karpenko S.V. Zheleznye dorogi i “svoboda torgovli” v usloviyakh ekonomicheskogo krizisa: Iz istorii tyla Vooruzhennykh sil na yuge Rossii (1919 g.). *Vestnik RGGU*, 2013, no. 10, pp. 58–73.
- Vladimirskiy M.V. M.V. Bernatskiy – ministr finansov v pravitelstvakh Kerenskogo, Denikina, Vrangelya. *Otechestvennaya istoriya*, 2007, no. 1, pp. 160–163.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

- Ananich B.V. Shtrikhi k biografii Mikhaila Vladimirovicha Bernatskogo. *Petrogradskiy Politekhnicheskiy institut v 1917 g.* [The Polytechnic Institute of Petrograd in 1917]. St. Petersburg, 1999, pp. 37–39.
- Rynkov V.M. Popytki unifikatsii denezhnogo obrashcheniya na Vostoke Rossii vo vtoroy polovine 1918 – 1919 gg.: ekonomicheskie i sotsialnye aspekty finansovykh reform. *Ekonomicheskaya istoriya: Ezhegodnik, 2009* [Economic History: Yearbook 2009]. Moscow, 2009, pp. 106–147.

(Monographs)

- Karpenko S.V. Belye generaly i krasnaya smuta [White generals and Red Turmoil]. Moscow, 2009, pp. 239–294, 360–393.
- Karpenko S.V. Belye generaly i krasnaya smuta [White generals and Red Turmoil]. Moscow, 2009, p. 239.

15. Karpenko S.V. Ocherki istorii Belogo dvizheniya na yuge Rossii (1917 – 1920 gg.) [Essays on the History of the White Movement in the South of Russia (1917–1920)]. 3-rd ed. Moscow, 2006, pp. 173–295, 347–361, 388–420.

16. Karpenko S.V. Ocherki istorii Belogo dvizheniya na yuge Rossii (1917 – 1920 gg.) [Essays on the History of the White Movement in the South of Russia (1917–1920)]. 3-rd ed. Moscow, 2006, p. 174.

17. Karpenko S.V. Ocherki istorii Belogo dvizheniya na yuge Rossii (1917 – 1920 gg.) [Essays on the History of the White Movement in the South of Russia (1917–1920)]. 3-rd ed. Moscow, 2006, pp. 220–223.

18. Karpenko S.V. Ocherki istorii Belogo dvizheniya na yuge Rossii (1917 – 1920 gg.) [Essays on the History of the White Movement in the South of Russia (1917–1920)]. 3-rd ed. Moscow, 2006, pp. 177–179.

19. Karpenko S.V. Ocherki istorii Belogo dvizheniya na yuge Rossii (1917 – 1920 gg.) [Essays on the History of the White Movement in the South of Russia (1917–1920)]. 3-rd ed. Moscow, 2006, pp. 179–181.

20. Rynkov V.M. Finansovaya politika antibolshevistskikh pravitelstv vostoka Rossii (vtoraya polovina 1918 – nachalo 1920 g.) [Financial Policies of Anti-Bolshevik Governments in the East of Russia (the second half of 1918 – beginning of 1920)]. Novosibirsk, 2006, 212 p.

21. Rynkov V.M. Sotsialnaya politika antibolshevistskikh rezhimov na vostoке Rossii (vtoraya polovina 1918 – 1919 g.) [Social Policy of Anti-Bolshevik Regimes in the East of Russia (the second half of 1918 – 1919)]. Novosibirsk, 2008, 440 p.

Author, Abstract, Key words

Marina Yu. Chernichenko – Director, Museum of History of Medicine, First Moscow State Medical University named after I.M. Sechenov (Moscow, Russia)

cher_@inbox.ru

The article analyses materials on economic issues published in major newspapers on the territory of Russia's "White South" in 1919. The main attention is drawn to the information and assessments used in the articles related to money circulation and measures of A.I. Denikin's government for its regulation. These data and opinions are studied in their interaction with public reactions and sentiments. It is concluded that the articles about money circulation and the government's regulation efforts destroyed the population's confidence in paper money. In the conditions of the Civil War and economic collapse this inevitably led to the sharpening of the currency circulation crisis and to the collapse of the ruble on the territory of Russia's "White South".

Russian Civil War, White Movement, A.I. Denikin, A.I. Denikin's government, M.V. Bernatskiy, Don Cossack Oblast, financial policy, money circulation, paper money, periodical press, economical journalism, journalistic image

А.В. Серегин

МОНАРХИСТЫ-ЛЕГИТИМИСТЫ И РУССКИЙ ОБЩЕВОИНСКИЙ СОЮЗ

A. Seregin

The Movement of Monarchists-Legitimists and the Russian All-Military Union

Отношения между военной и монархической частями эмиграции – взаимная поддержка в первые годы, идеологическое и организационное противостояние с середины 1920-х гг. стали предметом активных исследований современных российских историков.

В советской историографии господствовал тезис о фактическом организационном и идейном слиянии военной и монархической эмиграции в борьбе с большевистским режимом в Советской России. Этот изъясн нельзя объяснить иначе как идеологическими установками. Так, основным тезисом монографии Г.Ф. Барихновского стал монархизм Русской армии генерала П.Н. Врангеля в изгнании: «Ядром монархической контрреволюции за границей были врангелевские войска», «наиболее организованной монархической группой за границей были врангелевцы»¹.

В современной российской историографии сложные, порой конфликтные, отношения между Врангелем («врангелевской частью» руководства РОВС), с одной стороны, и монархистами разных течений – Высшим монархическим советом и Корпусом императорской армии и флота, с другой, раскрываются и в общих чертах, и в наиболее существенных, принципиальных моментах, и в виде частных разногласий². Для дальнейшего, более обстоятельного изучения этой важной составляющей истории Российского зарубежья необходимы как поиск и введение в научный оборот новых, ранее неизвестных, документов, так и систематизированное, глубокое ее раскрытие.

Эвакуация частей Русской армии Врангеля из Крыма породили в эмиграции дискуссию о причинах разгрома Белого движения и методах продолжения борьбы с большевиками в новых условиях. К 1922 г. монархическая часть эмиграции разделилась на сторонников Высшего монархического совета, которые стремились навязать ар-

мии лозунг «За Веру, Царя и Отечество», и движение легитимистов, которые считали, что победа в новой, будущей Гражданской войне в России возможна только с переподчинением белых военных организаций и формирований монарху в изгнании.

Для достижения своих целей легитимистам необходимо было либо расформировать сохранявшие организационную устойчивость части Русской армии с подчинением главкома Врангеля претенденту на престол вел. кн. Кириллу Владимировичу.

Уже в июне 1922 г. представитель П.Н. Врангеля в Венгрии полковник А.А. фон Лампе получил рапорт полковника Н.Н. Строганова, из которого явствовало, что руководитель венгерских легитимистов штаб-ротмистр Л.А. Казем-Бек обратился к регенту адмиралу Хорти с призывом расформировать части, сохранявшие организационную связь со штабом Врангеля. В меморандуме Казем-Бека говорилось: «...Мы считаем:

1. Вредным сохранение белых армий
2. Мы высказываем наше убеждение необходимости их распыления и перевод на беженское положение
3. Мы высказали необходимость упразднения командного состава и
4. Указали на крайнюю вредность предоставления белым армиям возможности активных действий»³.

Тогда же 1922 г. фон Лампе доносил в штаб Врангеля о травле легитимистами в Венгрии помощника военного представителя есаула В.А. Иловайского и дипломатического представителя П.П. Волконского⁴. При этом легитимисты подвергали представителей командного состава частей Русской армии и других белых беспрецедентным оскорблениям.

В политическом памфлете «Крестный путь» проживавший в Мюнхене полковник Ф.В. Винберг не скупился на нелестные эпитеты в адрес белых военачальников: «...В большинстве случаев, генералы, поклонники революции, были изменниками и трусами, предпочитавшими позорную жизнь честной, доблестной смерти, а часто и не смерти, но только пути лишений, преследований и испытаний всякого рода... это – подлецы, которым нельзя найти оправдания, и которых позорные имена навеки запечатлены на черной странице Русской Истории»⁵.

В октябре 1922 г. в газете «Новое время» было опубликовано обращение к армии одного из руководителей венгерских легитимистов князя Д.П. Голицына-Муравлина: «Это те разнovidные предатели, которые пожертвовали Родиной во имя личного успеха и ныне вновь тянутся к выгодам...

Русское задерживалось чередованием самозванных возглавителей, выказавших только бездарность или непоколебимое самоуспоение. Около правды каждый из них построил свое Тушино. Все эти случайные успешники и хвастливые преуспеватели не только не помогли Русскому делу совершить хоть один шаг вперед, но даже тянули его назад, заставляя равняться на них, на их расчеты. Не назад к Царю, а вперед с Царем и за Царя! Да не задержится творческое движение нашего вдохновения на уровне загадочных вождедений использователей Смуты»⁶.

Однако в начале 1920-х гг. оскорбления легитимистов только шокировали и глубоко оскорбляли большинство ветеранов Белого движения, которые сохраняли доверие своему бывшему начальству.

Столкнувшись с непониманием офицерства, вел. кн. Кирилл Владимирович пошел по пути провозглашения своих династических прав на российский престол – объявил себя блюстителем императорского престола в изгнании. Ему казалось, что монархические чувства офицерства немедленно проявятся в переходе в стан легитимистов. В день объявления Манифеста о блюстительстве (8 августа 1922 г.) последовало обращение к армии, названное «Русское Воинство», в котором говорилось: «Нет двух русских армий, по обе стороны рубежа Российского – единая Русская Армия, беззаветно преданная России, ее вековым устоям, ее исконным целям. Она спасет нашу многострадальную Родину.

Молю Бога о том, чтобы просьбе Моей вняв, верховное командование над Русской Армией принял его Императорское Высочество Великий Князь Николай Николаевич, а до тех пор надлежащие указания будут ей преподаны Мною, при участии испытанных и доблестных военачальников, уже заслуживших благодарность России...

Отныне же да будет единство наших боголюбивых и царелюбивых усилий несокрушимой нашей мощью на родной стезе светлых достижений»⁷.

Уже 11 августа вел. кн. Кирилл Владимирович отправил телеграмму Врангелю из своей резиденции в германском Кобурге в штаб главнокомандующего в Сремски Карловцы: «Я, как Блюститель Государева Престола, неизменно рассчитываю на Ваше творческое сотрудничество и единодушие в великом деле спасения России. Высылаю Манифест. Уважающий Вас Кирилл»⁸.

В штабе в Сремских Карловцах 15 августа было созвано совещание старших начальников. Результатом длительного обсуждения стал приказ Врангеля от 23 августа 1922 г., который формально не был направлен против притязаний вел. кн. Кирилла Владимировича

ча, но в целом осуждал политизацию армии: «До сведения моего дошло, что некоторые начальники позволяют себе от имени вверенных им частей обращаться с политическими приветствиями к отдельным лицам и организациям, обращения эти носят определенный политический характер.

Не хочу стеснять свободу политических убеждений каждого, но не допущу политики в Армии.

Армия на чужбине – последнее ядро национальной России. Вокруг этого ядра собираются все те русские люди, которые ставят Родину выше партии и лиц. Как только армия станет орудием определенной политической партии, она перестанет быть национальным ядром.

Желающим участвовать в политической борьбе нет места в Армии. Они будут перечислены в разряд беженцев, независимо от их чина и положения»⁹.

Опасения главкома о немедленном переходе офицеров к легитимистам в 1922 г. оказались напрасными. Их взгляд на необходимость примирения остатков белых армий с РККА не встретил понимания большей части эмигрантского офицерства. Потенциально опасная для военного командования и самого Врангеля ссылка на авторитет бывшего верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича была снята легитимистами уже в конце 1922 г., когда выяснилось, что тот не признает династических прав вел. кн. Кирилла Владимировича.

Борясь с «политизацией», угрожающей со стороны Высшего монархического совета, 8 сентября 1923 г. Врангель подписал приказ № 82, которым запретил офицерам Русской армии вступать в политические организации и участвовать в политических дискуссиях. В качестве наказания за нарушение приказа он установил увольнение из армии и созданных впоследствии военных союзов, объединившихся в Русский общевоинский союз (РОВС)¹⁰.

Потерпев поражение на пути расформирования или переподчинения войсковых частей в эмиграции, легитимисты перешли к тактике провокаций против представительств Врангеля в различных европейских странах. Одним из объектов таких провокаций стал заместитель председателя РОВС генерал Е.К. Миллер.

Политический советник вел. кн. Кирилла Владимировича генерал В.В. Бискупский разработал прием фабрикации «писем Миллера», в которых содержался «приказ» от его имени военным представителям РОВС собирать шпионские сведения в пользу Генерального штаба Франции и франкофильской Польши. Впервые этот прием был опробован в дружественной легитимистам Венгрии, где

фабрикацией «писем Миллера» занимался штаб-ротмистр Н.И. Тер-Матеузов.

В мае 1924 г. фон Лампе довел до сведения королевского министра государственной обороны графа Чаки информацию о провокационной работе легитимистов: «22 апреля к есаулу Иловайскому явился проживающий в Будапеште русский офицер поручик Симонов и доложил ему, что, по его сведениям, в русской колонии Будапешта сфабрикован ряд фальшивых документов, имеющих целью дискредитировать в глазах королевского правительства русское военное представительство...

23 мая я вызвал к себе поручика Симонова...

Офицер этот признался мне в следующем: фальшивые документы... сфабрикованы лично им, поручиком Симоновым, сделал он это по наущению и под непосредственным руководством проживающего в Венгрии русского штаб-ротмистра Тер-Матеузова»¹¹.

Тем не менее, в июле 1924 г. венгерские власти закрыли в Будапеште военное и дипломатическое представительства Врангеля¹².

Весной 1925 г. фон Лампе отметил приезд в Берлин офицеров-легитимистов с сомнительной репутацией: «Собираются там Кальниг, Нейман, Папенгут (Мантейфель), Бессонов, Черкасов и, видимо, Истомин...»¹³

Серьезные проблемы у него как у представителя РОВС начались 5 апреля 1925 г., когда в миссии Красного Креста, руководимой С.Д. Боткиным, и в военном представительстве РОВС германские следователи провели обыски и изъятия документов. Обыску подвергся и представитель вел. кн. Кирилла Владимировича в Германии, бывший Эстляндский губернатор сенатор А.В. Бельгард, поэтому фон Лампе не сразу выявил «легитимистский след» в произошедших событиях. Действия германских властей воспринимались как общие гонения на русских эмигрантов. Фон Лампе отмечал в своем дневнике: «...Высказывали сомнения, нет ли во всем этом деле руки кириллистов – пока я этого не вижу, разве только, что доносы аналогичны с доносами Тер-Матеузова в Будапеште, да то, что Истомин, Папенгут причастны к кириллизму в Германии...»¹⁴

Однако, по мере проведения собственного расследования, фон Лампе и Бельгард убедились, что за интригой стоял Бискупский, который нанес удар и по своему конкуренту в руководстве легитимистскими организациями в Германии – сенатору А.В. Бельгарду, – стремясь заменить его генералом П.Р. Бермндт-Аваловым. Непосредственно фальсификацией документов занимались капитаны И.К. Истомин и С.А. Черкасов.

Легитимисты задействовали личные связи вел. кн. Кирилла Вла-

димировича с руководителями фракций в Рейхстаге – Национальной партии графом Куно Вестарпом и Народной партии графом Гугенбергом. От имени Национальной партии преследование военного представителя вел депутат Прусского ландтага Эдуард Кенкель. В мае 1925 г. он опубликовал в газете «Таглихе Рундшау» официальные обвинения против военного представителя РОВС: «В германской столице кишит русскими – красными и белыми...»

Менее известно, что антибольшевистские монархические русские в Берлине, царские эмигранты развиваются во внешнеполитической опасности для нас...

Главы управлений русской эмиграции подозреваемы в ведении в Германии политического и военного шпионажа на жалование, отпущаемое Францией и Польшей»¹⁵.

В статье приводилось содержание так называемых «писем Миллера»: «Как доказательство этого, является письмо из Парижа от 28-го февраля 1925 г. бывшего Императорского генерала Миллера, адресованное генералу Лампе... Генерал Миллер, представителями которого в Берлине являются г[осподин] Купчинский, ротмистр ф[он] Пфейль и Боровский... ставит в своем письме от 28 февраля на вид ген[ералу] Лампе его помощь офицерам, дружественно относящимся к немцам. Он серьезно предостерегает в будущем не легализировать русских эмигрантов, которые не могут признаться в своем антантофильстве, и сообщает Лампе, что, во избежание недоразумений, франц[узская] военная агентура в Берлине командировала в Берлинскую организацию по делам беженцев офицера. С другой стороны, г[осподин] Боткин командует в Берлинскую французскую миссию представителя от себя... Главный пункт письма Миллера – это сообщение, что организация по делам беженцев... получила из Парижа распоряжение о солидарной работе в политической и военной области. Г[осподин] Боткин должен в будущем постоянно информировать Париж об отношении Германии к Сов[оветской] России и, вероятно, при посредстве ген[ерала] Миллера – во франц[узский] Генеральный Штаб»¹⁶.

Германские следственные органы, в отличие от венгерских, действовали более добросовестно. И когда обвинения Кенкеля фактически не подтвердились, власти не закрыли отдел РОВС, однако, его работа протекала под пристальным контролем полицейских чинов.

В середине 1920-х гг. легитимисты начали формирование параллельных РОВС военных структур. В апреле 1924 г. начальник канцелярии вел. кн. Кирилла Владимировича генерал Е.И. Долива-Долинский вновь обратился к офицерам в эмиграции: «Всем чинам

Армии и Флота, всем верным подданным и всем объединениям, верным Долгу и Присяге, присоединиться к законопослушному движению, Мною возглавляемому, и в дальнейшем следовать моим указаниям.

Да усовестятся и образумятся упорствующие, да присоединятся заблуждающиеся, и Родина предаст забвению их грехи и ошибки. Но не достойны места в будущей Императорской России те, кто и на этот раз, не вняв Моему призыву, не вступят на Законный путь...»¹⁷

Приказ от 30 апреля 1924 г. объявил об организации Корпуса императорской армии и флота (КИАиФ). Авторами Положения о корпусе стали генерал барон В.В. Меллер-Закомельский, генерал И.И. Мрозовский, адмирал Н.А. Петров-Чернышин и полковник Грязнов. КИАиФ изначально претендовал на продолжение традиций русской императорской армии: «Корпус Офицеров Императорской Армии и Флота образуется с целью произвести отбор достойных Русских Офицеров, верных Престолу и Основным Законам Российской Империи и объединить их под Знаменем Законности для предстоящего служения Родине...»¹⁸

Легитимисты давали понять, что в корпус не будут зачислены члены враждебных движению организаций: «...Не могут быть зачислены в Корпус Офицеров императорской Армии и Флота те офицеры, которые, находясь за границей, состоят в учреждениях, явно вредящих восстановлению Законного порядка в России и враждебных нашей Родине...»¹⁹

Для создания более однородной организации в корпусе был принят принцип индивидуального зачисления: «Зачисление в Корпус производится только лично в отношении каждого офицера»²⁰. С другой стороны, руководители легитимистского движения причисляли к своим сторонникам руководителей и членов военных организаций, не входивших в РОВС и когда-либо вступавших в контакт с претендентом на престол, выразив ему верноподданнические чувства. Среди них были генерал А.Г. Шкуро («Союз борьбы за Россию»), генерал П.В. Глазенапп («Союз ветеранов Северо-Западной Армии»), генерал П.Р. Бермондт-Авалов («Союз ветеранов Западной Армии»), бывший гетман Украины генерал П.П. Скоропадский.

Положение о КИАиФ должно было привлечь как можно больше офицеров, поэтому его авторами был установлен учет чиновпроизводства периода Гражданской войны: «В состав Корпуса... зачисляются офицеры Гвардии, Армии и Флота – как удостоенные производства в офицерский чин Высочайшими Приказами Государя Императора, так и позднейших выпусков и производств, состоявшихся после 1 марта 1917 г.... В отношении приема в Корпус... признается, за

отсутствием Верховного Главы Армии, удостоения первого офицерского чина военного министра временного правительства до октября 1917 года Главнокомандующих Фронтами Великой Войны, Временного Правителя Адмирала Колчака, Главнокомандующих и Командующих фронтами гражданской войны (Юга России, Восточного, Архангельского и Северо-Западного, а также Атаманов Казачьих войск по своему Войску»²¹.

По решению руководства легитимистского движения, командование и штаб корпуса были размещены в Белграде. В 1924–1929 гг. во главе корпуса стоял генерал Н.А. Обручев, с 1929 г. – генерал А.В. Апухтин. Протопресвитером КИАиФ был назначен православный философ и богослов протоиерей Владимир Востоков²². Походным атаманом казачьих войск – вел. кн. Борис Владимирович.

Однако корпус не мог стать реальной боевой единицей, способной вести борьбу с большевистским режимом в России, не получив поддержки у правительств большинства европейских стран. В феврале 1926 г. руководитель Парижского отдела Союза русских государевых людей генерал Г.Д. Ивицкий писал вел. кн. Кириллу Владимировичу: «...Какое государство может допустить на своей территории формирование корпусов с дисциплинарной властью начальников и военно-судебными комиссиями, и существование военных организаций с планами на мобилизацию и политическую работу, с начальниками военных округов во главе, и не достаточно ли будет прочесть этот приказ во французском парламенте и провокационного нажима со стороны признанной СССР, чтобы злая воля врагов наших получила полное удовлетворение в гонении нашем...?»²³ Вопрос этот был риторическим.

Тем не менее, еще в конце 1924 г. руководством легитимистского движения был сформирован Совет по делам военным и морским для выработки нового военного законодательства. Председателем был назначен генерал Д.Г. Щербачев (с 1925 по 1933 гг. совет возглавлял генерал Н.А. Лохвицкий). В его состав вошли представители высшего генералитета, имевшие репутацию монархистов. На февраль 1925 г. в Совете числились великие князья – Андрей Владимирович, Дмитрий Павлович, Александр Михайлович, Михаил Михайлович – и представители генералитета: В.В. Меллер-Закомельский, И.И. Мрозовский, В.А. Ирманов, А.Н. Крылов, Н.А. Обручев, Ю.Д. Романовский, И.Т. Беляев, П.О. Папенгут, К.В. Сахаров, В.А. Лавдовский, А.К. Байов, Н.И. Холодовский, А.А. Ресин, Гессер²⁴.

Однако громкие имена членов Совета ничего не значили для участников Гражданской войны. Они проживали в разных странах и общались по переписке. Сам принцип формирования «по монархи-

ческой репутации» оказался тупиковым.

Так, генерал Байов, являвшийся представителем вел. кн. Николая Николаевича в Эстонии, выразил недоумение по поводу своего зачисления: «...Несколько времени тому назад, совершенно неожиданно для себя и к моему крайнему удивлению, я получил рескрипт Его Императорского Высочества Великого Князя Кирилла Владимировича, в коем он назначил меня членом Высшего Военного Совета...»

Такое назначение для меня было тем более неожиданным, что я не изъявлял верноподаннейших чувств Его Императорскому Высочеству Великому Князю Кириллу Владимировичу, и не подавал рапорта о зачислении меня в так называемую Императорскую Русскую Армию»²⁵.

После смерти формального руководителя РОВС вел. кн. Николая Николаевича в январе 1929 г. наметилось усиление перевеса легитимистов в борьбе с РОВС. Легитимистам удалось воспользоваться естественным стремлением военных к получению орденов и чинов.

В августе 1929 г. вел. кн. Кириллом Владимировичем был утвержден Орден Святителя Николая Чудотворца в вековечную память Пресветлого Мученика Государя Императора Николая Александровича. Вел. кн. Кирилл Владимирович с 1929 г. также щедро раздавал очередные чины «за выслугу лет», которые с энтузиазмом принимались офицерством. Так, начальник канцелярии великого князя Г.К. Граф, ни разу не выйдя в море, с 1929 по 1933 г. прошел «служебный путь» от капитана II ранга до контр-адмирала, В.В. Бискупский – от генерал-майора до генерала от кавалерии, полковник М.Ф. Скородумов в Югославии за один только переход к легитимистам был произведен в чин генерал-майора.

К концу 1920-х гг. активная часть офицерства, разочаровавшись в «антибольшевистской» деятельности РОВС, пошла к легитимистам, видя в них перспективную военную силу, способную обеспечить триумфальное возвращение в Россию с одновременной реставрацией монархии, психологически и ментально близкой офицерству.

Руководству РОВС пришлось считаться с ростом авторитета легитимистов. Новый председатель РОВС генерал А.П. Кутепов, заняв место покойного Врангеля, отреагировал на него в феврале 1929 г. приказом по РОВС № 58, по духу сходным с приказом № 82: «В ближайшее время можно ожидать, что его Императорское высочество Великий Князь Кирилл Владимирович обратится к русским людям с новым призывом – следовать за ним.

Кругами, близкими к Великому Князю, ведется деятельная работа с целью подготовить для указанного обращения благоприятную

почву»²⁶.

В отношении последовавших за легитимистами чинов РОВС Кутепов предполагал применить жесткие меры: «...Всех чинов Союза, признавших Великого Князя Кирилла Владимировича – Императором, немедленно исключать из РОВС властью соответствующих начальников.

...Предложить всем чинам Союза, кои по данным им особым разрешениям остаются в Союзе, принимали участие в работе Монархической Партии, немедленно уйти из последней. При отказе – исключать их из Союза на общем основании, как перешедших в “политическую партию”»²⁷.

С другой стороны, в секретной инструкции, разосланной А.П. Кутеповым в феврале 1929 г. представителям РОВС, сообщалось о конфиденциальных переговорах, которые велись между ним и Г.К. Графом: «На днях у меня был командированный Великим Князем Кириллом Владимировичем капитан II ранга Граф...

Кап[итан] II ранга Граф сообщил мне, что Великий Князь Кирилл Владимирович намеревается отдать приказ о необходимости сохранять хорошие отношения между «чинами Императорского Корпуса и Флота» и РОВС... Я просил передать Его Императорскому Высочеству, что я лично остаюсь убежденным монархистом, но считаю совершенно необходимым сохранить “непредрешенческую” линию, завещанную нам Белым движением и Великим Князем Николаем Николаевичем»²⁸.

В связи с этим Кутепов рекомендовал руководителям военных союзов, входивших в РОВС, применение компромиссной тактики: «Вам надлежит действовать следующим образом: в случае вхождения кого-либо из членов Воинских Союзов в организацию... Великого Князя Кирилла Владимировича (Императорский корпус и т. п.) действовать на точном основании моего приказа за № 58...

Другое дело, если те или другие воинские чины будут частным образом заявлять, что они признают Великого Князя Кирилла Владимировича – Императором или Местоблюстителем Престола, но не будут вносить смуту в наши организации...

Тут надо действовать осторожно и не проявлять излишней резкости»²⁹.

В куда более резкой форме отказался от сотрудничества с легитимистами третий председатель РОВС генерал Е.К. Миллер, заняв место похищенного Кутепова, в октябре 1930 г.: «Вашему императорскому высочеству известны те основные принципы, на которых после разрухи 1917 года создавалась Русская Армия и велась тяжелая трехлетняя борьба против большевиков. На этих же основаниях

покоится ныне мощная организация Русского Обще-Воинского Союза...

В ту минуту, когда на родной нам земле идет вооруженная борьба, ни о какой перемене идеологии не может быть и речи; не может быть и речи о направлении его настоящей работы теми путями, которые указаны в письме капитана I ранга Графа. Такая коренная ломка вызвала бы неминуемо разложение Русского Обще-Воинского Союза.

Я никогда не возьму на себя ответственность за такое действие»³⁰.

Причины подобной резкости были очевидны. Во-первых, успешная деятельность легитимистов по переманиваю офицеров в свое движение: к началу 1930-х гг. в РОВС и КИАиФ состояло по 15 тыс. членов. Во-вторых, стойкая убежденность Миллера в причастности легитимистов к деятельности Иностранного отдела ОГПУ.

Уже тогда были серьезные основания полагать, что легитимисты имели прямое отношение к операции, направленной против Кутепова («Второй Трест» основывался на мифической деятельности «Внутренней Российской Национальной Организации»). Ключевую роль в операции сыграл руководитель КИАиФ во Франции генерал П.П. Дьяконов, который с 1924 г. сотрудничал с Иностранным отделом ОГПУ³¹. По рекомендации Дьяконова в окружение Кутепова проникли сотрудничавшие с чекистами генерал Н.А. де Роберти и полковник А.Н. Попов, заявившие, что Дьяконов является представителем подпольной российской организации во Франции³².

Когда в январе 1930 г. Кутепов был похищен в Париже, подозрения против Дьяконова высказал сам Миллер, однако, «обвиняемого» неожиданно взял под защиту В.Л. Бурцев, считавшийся специалистом по выявлению провокаторов. При его помощи Дьяконов в 1931 г. даже выиграл процесс в парижском суде против газеты «Возрождение» по защите «чести» после публикаций о его роли в деле Кутепова.

В сентябре 1931 г. в секретном «циркуляре» по РОВС Миллер вновь предостерег офицеров от сотрудничества с легитимистами: «...В процессе расследования похищения генерала Кутепова ген[ерал] Дьяконов, начальник Парижского отдела Корпуса Императорской Армии и Флота, явно стал на защиту большевистских агентов Попова и де-Роберти и сумел убедить в этом бывшего еще в то время популярного журналиста Бурцева, чем вызвал со стороны последнего целую кампанию против РОВС-а со всеми ее последствиями...

Роль Дьяконова в той борьбе, которую повели легитимисты с РОВС-ом чрезвычайно странна и заслуживает особого внимания.

По имеющимся у нас и у французских властей сведениям, ген[ерал] Дьяконов уже несколько лет как состоит агентом большевиков, и если он до сих пор официально не разоблачен, то только потому, что не имеется явных неопровержимых улик.

Если всмотреться в всю деятельность ген[ерала] Дьяконова и обратить внимание на те советы, которые он дает с одной стороны Бурцеву в его работе против РОВС-а, а с другой – Графу, то придется придти к заключению, что такого рода работа служит к выгоде только большевиков»³³.

Однако скандал, связанный со «Вторым Трестом», не помешал росту числа офицеров в легитимистском движении.

«Военная политика» легитимистов закономерно вылилась в сотрудничество с германскими нацистами после 1933 г. Многие военные эмигранты, сделавшие ставку на Гитлера, «отбыли стаж» в легитимистском движении, прежде чем пойти на сотрудничество с нацистами. А.Г. Шкуро работал в Казачьем управлении Вермахта. М.Ф. Скородумов в Югославии стал первым командиром Русского охранного корпуса. П.В. Глазенапп представлял русскую военную эмиграцию во власовском движении. П.Р. Бермондт-Авалов и К.В. Сахаров в 1933 г. в Германии возглавили пронацистское Русское национальное и освободительное движение». Барон А.В. Меллер-Закомельский создал организацию «Дойче-Руссише штандарт».

Так, в своей военной деятельности легитимисты ближе всех в русской монархической и военной эмиграции подошли к воплощению идеи вооруженной борьбы против СССР. Крушение нацистской Германии в 1945 г. обернулось для них резким падением авторитета и влияния в Российском зарубежье.

Примечания

¹ Барихновский Г.Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции, 1921 – 24 гг., Л., 1978. С. 10, 17.

² Чичерюкин-Мейнгардт В.Г. Дроздовцы после Галлиполи. М., 2002. С. 43; Карпенко С.В. Последний главком: Роман-хроника. М., 2006. С. 542–545; Серегин А.В. Высший Монархический Совет и командование Русской Армии в европейской эмиграции в 1920-х – начале 1930-х годов // Отечественная история. 2007. № 5. С. 138–145.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 335об.

⁴ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 8. Л. 291.

⁵ Винберг Ф.В. Крестный путь. Ч. 1: Корни зла. Мюнхен, 1922. С. 145.

⁶ Новое время (Белград). 1922. 24 окт.; ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 112.

⁷ Русское воинство (Будапешт). 1922. 8 авг.; ГА РФ. Ф. 5763. Оп. 1. Д. 16. Л. 2об.

⁸ Даватц В.Х. Годы: Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1926. С. 87.

⁹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 394.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 4. Л. 262.

¹¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 182–183.

¹² ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 18.

¹³ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 20. Л. 54.

¹⁴ Там же. Л. 36.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 60. Л. 437–437об.

¹⁶ Там же.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 5763. Оп. 1. Д. 16. Л. 30.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 5763. Оп. 1. Д. 16. Л. 33.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² ГА РФ. Ф. 5763. Оп. 1. Д. 16. Л. 3об.

²³ ГА РФ. Ф. 5763. Оп. 1. Д. 13. Л. 80.

²⁴ ГА РФ. Ф. 5763. Оп. 1. Д. 11. Л. 159об.

²⁵ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 64. Л. 5об.

²⁶ Политическая история русской эмиграции 1920 – 1940 гг.: Документы и материалы. М., 1999. С. 43.

²⁷ Там же. С. 43–44.

²⁸ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 37. Л. 28–29.

²⁹ Там же. Л. 29.

³⁰ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 159. Л. 10–12.

³¹ Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России, 1917 – 1941: Воспоминания. СПб., 2004. С. 564.

³² Прянишников Б.В. Незримая паутина, М., 2004. С. 220, 228–232.

³³ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 46. Л. 75–76.

Автор, аннотация, ключевые слова

Серегин Александр Владимирович – канд. ист. наук, преподаватель Российского государственного гуманитарного университета
aleksseregin@yandex.ru

В статье на основании ранее неизвестных документов Государственного архива Российской Федерации впервые в отечественной историографии рассматриваются конфликтные отношения между монархическим движением сторонников вел. кн. Кирилла Владимировича (легитимистов) и военными союзами офицеров Русской армии генерала П.Н. Врангеля в эмиграции. Особое внимание уделяется попыткам монархистов-легитимистов

переподчинить эмигрантские военные союзы вел. кн. Кириллу Владимировичу как российскому императору в изгнании. Также рассматривается противодействие руководства Русского общевоинского союза, созданного Врангелем, монархической пропаганде и провокационной деятельности монархистов-легитимистов в среде русских офицеров-эмигрантов. Делается вывод, что монархическая пропаганда легитимистов имела успех среди некоторой части русских офицеров, которые перешли в военные союзы, созданные монархистами-легитимистами.

Русская эмиграция, русская армия, офицерство, Русский общевоинский союз, П.Н. Врангель, А.П. Кутепов, вел. кн. Кирилл Владимирович, монархизм

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Seregin A.V. Vysshiy Monarkhicheskiy Sovet i komandovanie Russkoy Armii v evropeyskoy emigratsii v 1920-kh – nachale 1930-kh godov. *Otechestvennaya istoriya*, 2007, no. 5, pp. 138–145.

(Monographs)

2. Barikhnovskiy G.F. Ideyno-politicheskiy krakh beloemigratsii i razgrom vnutrenney kontrrevolyutsii, 1921 – 24 gg. [The Ideological and Political Collapse of the White Emigration and the Defeat of the Internal Counterrevolution, 1921 – 24]. Leningrad, 1978, pp. 10, 17.

3. Chicheryukin-Meyngardt V.G. Drozdovtsy posle Gallipoli [The Drozdovsky Division Military after Gallipoli]. Moscow, 2002, p. 43.

4. Pryanishnikov B.V. Nezrimaya pautina [The Invisible Cobweb]. Moscow, 2004, pp. 220, 228–232.

Author, Abstract, Key words

Alexander V. Seregin – Candidate of History, Lecturer, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)
aleksseregin@yandex.ru

Based on previously unknown documents from Russia's State Archive the article is the first attempt in Russian historiography to study conflictive relationships between the monarchist movement of Grand Duke Kirill Vladimirovich's followers (legitimists) and the military unions of P. Wrangel's Russian army officers in emigration. The focus is laid on the monarchists-legitimists' efforts to redistribute power from the émigré military unions toward Grand Duke Kirill Vladimirovich as the Russian emperor in exile.

The article also describes the counteraction from the Russian All-Military Union founded by Wrangel to the monarchists-legitimists' monarchist propaganda and provocative activities among Russian émigré officers. It is concluded that the legitimists' monarchist propaganda was successful with a certain part of Russian officers switching to monarchists-legitimists' unions.

Russian Emigration, Russian Army, army officers, Russian All-Military Union, P.N. Vranghel, A.P. Kutevov, Grand Duke Kirill Vladimirovich, monarchism

НОВАЯ РОССИЯ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ Contemporary Russia and Post-Soviet States

P. Marchenya, S. Razin

INTERNATIONAL ROUND TABLE “RUSSIA AND THE POST-SOVIET SPACE: PROBLEMS AND PROSPECTS” (Moscow, 2013)

On 16th of April 2013 the Institute for the Humanities and IT (IGUMO) in Moscow hosted the international round-table “Russia and Post-soviet Space: Problems and Prospects” held in the framework of the research project titled “The People and Power: The History of Russia and Its Falsifications”¹. Together with the IGUMO and “The People and Power” project group the co-organizers included the Russian State University for the Humanities and the journals “The Union” and “The New Historical Bulletin”.

The round table focused on the interdisciplinary analysis of the contemporary geopolitical situation in post-soviet space, with 20 experts participating in the discussion representing research institutions, scientific journals’ editorial boards, universities from Russia, Belarus and the USA.

This article outlines the most substantial presentations delivered in the course of the discussion².

* * *

Alexandra Dokuchaeva (senior researcher, head of Department of Diaspora and Migration, Institute for CIS Countries) made a talk on the Russian language as a linkage, resource and instrument of integration among post-soviet countries.

She argues, there are different views about the destiny of the Russian language in the post-soviet space, with nationalists of all sorts sharing the same opinion that Russian does not need to be specially promoted and propagated. Kazakh nationalists aim at the complete ousting of Russians and Russian from Kazakhstan, whereas Ukrainian nationalists take action against the fairly moderate Law “On basic principles of national

language policy” offering the Russian language the status of a regional language. It must be admitted, though, that it can get this status only in regions with native Russian speakers exceeding 10 % of the population, which means that entire Ukraine, probably, except for its westernmost areas, will have Russian as a regional language. Russian nationalists-isolationists, in their turn, are against the expansion of the Russian language beyond Russia, particularly opposing to Russian spreading in the countries of Central Asia.

The status of the Russian language is most likely to affect whether the “near abroad” will become for Russia a belt of friendship, neighbourliness and mutually beneficial cooperation or an area of confrontation. Likewise the former soviet republics’ own role and position in contemporary world will depend on how this problem is resolved.

The language policies of former USSR republics remain politically influenced by their priorities in domestic and foreign policy. The current position of the Russian language has resulted from the policies of post-soviet ethnocentric nations largely based on anti-Russian myths and stereotypes. Nevertheless, 20 years after the collapse of the USSR the Russian language continues to be the main medium for interethnic and interstate communication in post-soviet space. It prevails among internet users in post-soviet countries.

The preservation of the language in post-soviet countries is directly linked with the proportion of their Russian speakers and the increasing demand for it among migrant workers who visit or plan to visit Russia.

In this context it is worthwhile to assess the implementation of the State Federal Program of Assistance in Voluntary Resettlement of Compatriots to Russia. The second stage of the program which was launched this year is designed to facilitate adaptation process for those who will come to Russia.

To keep the Russian contingent abroad it may be reasonable not to encourage all to move to Russia, but to address the possibility of double citizenship granted to the Russians who stay in countries of their residence. This is what a lot of Russians involved in this program would propose to ensure: the Russian citizenship on a simplified basis. There is evidence that Kasakh citizens would come to the city of Omsk to join in the resettlement program, get the Russian citizenship and come back to Kazakhstan because they find it hard to settle down in Russia. It is largely due to the fact that conditions for business in Kazakhstan are better in terms of organization and legislation compared to Russia.

Educational institutions in post-soviet countries fail to ensure proficient knowledge of Russian. The Russian language courses are cut, with literacy among speakers and users of Russian dropping sharply. The sys-

tem of teaching Russian needs drastic improvement. Moreover, Russia itself has very serious problems with the acquisition of Russian. The current (fourth) Federal Program for the Russian Language (2011 – 2015) differs from the previous ones in that it fails to address the issue of developing the Russian language as a national language of the Russian people. As a result no subsidies have been made in recent years promoting the Russian language and Russian philology. Obviously, such approach cannot facilitate the development and expansion of Russian in post-soviet space.

The destiny of the Russian language in post-soviet space first and for most depends on the destiny of Russia and the Russian people. In case Russia becomes the centre of attraction for post-soviet nations the Russian language will be in demand not only among the Russian population but also from all those who want to live, work and study in Russia, who take interest in Russian culture and value their connections with Russia.

Igor Kuznetsov (leading researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences) argues that the integration potential of immigrants should not be overestimated. In his opinion, there is only a small proportion of people who want Russia to become their second native land, their Homeland, a permanent habitat for them and their children. This part of migrants have high integration potential, however, facing innumerable problems for its implementation.

The great majority of migrants arrive to Russia without feeling interested in the country and its culture. They come to Russia to solve some economic problems arising in their homeland with no intention to stay and settle here for good. Their objective is to earn and leave or, more often, to commute to Russia for work. Therefore, all kinds of talk and efforts to get them integrated into Russian culture seem groundless as they simply lack motivation for that. They do with minimal knowledge of Russian to communicate with employers and officers from the Federal Migration Service, some awareness about rentals, etc.

The average age of the current migrants is 30–35. Raised in other countries, they are not similar to the former “soviet people”, “enlightened by Russian culture” – many of them cannot even speak elementary Russian. What sort of information they will bring with them on their return home depends on the way they are received here. Perhaps the migrants’ only advantage over the local workforce is their cheapness and readiness to work in slavery conditions. Should the employers be made to provide the migrant workers with (at least, minimal) social package: decent accommodation, legal defense, health care, cultural program and adequate payment, then the newcomers would immediately become unprofitable. As a result, their total “unintegratedness” (or rather, “unintegrability”,

as they lack such vital need), humiliating labour and living conditions shape the corresponding attitude toward the country. Above all, they feel extremely negative sentiments to people present in huge amounts in the receiving environment who live by standards extremely different from those of the receiving population. Such is the information the migrants are likely to bring back to their homeland.

Finally, the Russians’ negative attitudes toward migrants seriously affect their attitude to “the old timers”, their long integrated compatriots: Azerbaijanians, Armenians, Tadjiks, etc. Negative attitudes to the Vietnamese, for instance, would spread on Russian mongoloids, quite a substantial part of Russia’s autochthonous population. This is likely to trigger secession mechanisms within the Russia Federation, this time from the grassroots, unlike in the 1990s during “the parade of sovereignties”, mostly, meaning the parade of national elites. But this is already a matter of Russia’s national security and integrity.

Andrey Chertishchev (professor, Chair of Philosophy, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia) argues that Russia cannot, perhaps, compare to any other country where the myth plays such a big role in treating the reality and future events.

He distinguishes between the conservative-monarchal myth of pre-soviet Russia (the imperial myth) and the marxist-leninist (communist) myth. After the well-fitting mythological system of communism collapsed the resulting ideological “vacuum” was immediately filled with new socio-political myths created by different social groups. The liberal-democratic myth was extremely short-lived, with its degradation the people lost trust in their state and stopped feeling themselves as full-right citizens who could influence the authority through democratic institutions. The crisis caused the demand for changing from the liberal mythology to the conservative-protective anti-western one (an alloy of neo-stalinist and pseudo-imperial ambitions) which is based on the mythologeme of the messianism of the Russian people (appealing to the imperial consciousness) and Russia’s opposition to the developed countries referred to as “the West” whose spiritless and egocentric liberal values are allegedly incompatible with the Russian mentality. The collapse of mythologies leads to the loss of national and state identity.

Russia’s citizens proved to be unprepared for another, non-soviet life both mentally and spiritually. Now they lack the historical state, spiritual significance, great ideas and prospects about the future. 20 years after the USSR disintegration for the majority of Russian population their 70-year-old soviet history is what they value most of all. People are used to “surviving”, to living “under calamity”, with the country looking like an orphanage. People have a feeling that the country no more belongs to

them.

The factor of “stability” can be mentioned only in the one context: some are doing consistently well while the others are doing consistently poorly; there is permanent aggression, violence, bias, intolerance, envy and lie, ubiquitous shirking, complete devaluation of an individual, of his dignity and personality, with prices and corruption steadily rising. This lack of self-confidence, of ability to live and act as all “happy” nations do may have brought about the current (and at the same time the old) fashion for a special Russian way.

Where and how Russia will move on can be outlined in terms of the following major options.

The destructive option: further disintegration of the Russian Federation, the formation of a conglomerate of states on the basis of such regions as Central Russia, Caucasus, Krasnodar krai, the Urals, Western and Eastern Siberia, the Far East, etc.

The pessimistic option: Russia turning into some sort of a domestic colony whose people is largely used for protecting national resources tapped in the interests of a narrow circle of people.

The realistic option: recognition of Russia’s way out from the spiritual deadlock. This is not just another “more” “scientific communism”, but a fundamental systematic return to the natural historical process implying both glorious victories and hard failures. It gives a valuable chance for survival as well as large-scale accomplishments.

The optimistic option: achieving the nation’s grandeur, revival of the Russian Empire, securing Russia’s prosperity. However, strivings for assembling “the body” of the new/old Russian Empire in the near future are quite illusionary because as the events of 1917 and 1980–1990s witness the nations failed to constitute a single USSR/Russia, a common Motherland, so there was no regret about parting with some of them at some point. Today they are ready for all sorts of “cooperation” with Russia: receiving help, education, work, refuge and protection. Nevertheless, as revealed in private talks, neither soviet nor younger generation, in particular, feels like being “under” Russia. They don’t need the “big” brother any more.

The utopian option: to break with any past, both the czarist and the communist one, and build up a new Russia from scratch with regard to freedom and human rights. In any way, Russia has to make its choice based on the three-fold panacea: to rely on God, to be realistically-minded and to tell the Truth as well as on the key principle of putting the human being in the foreground as the greatest value.

This choice will depend on whether the population recognizes the unbreakable bond with ancient Russia or will choose to worship com-

munist ideals.

Natalya Buleshova (head of the Chair of Business Economics, the Institute for the Humanities and IT (IGUMO) thinks that Russia today should see clearly its role in post-soviet space.

She argues that the ongoing integration processes in different regions of the world can serve as a model for the post-soviet states, particularly, taking into account the existence of a number of factors facilitating the establishment of a powerful integration group in post-soviet space, such as differentiation of labour which was shaped in the former single economy and which, to some extent, has been kept intact until now; the cultural and historical unity of nations; technological interdependence and unified technical standards still current in post-soviet countries.

However, the developments now taking place in post-soviet space are controversial and ambiguous. Today, like 20 years ago, political elites of post-soviet states still find it difficult to strike a balance between economic profitability and corporate interests. The growing integration processes in Eurasia are faced with counteractions from those who are not interested in a new strong geopolitical and geo-economic player emerging on the global scene. Among such forces the US comes first. According to Z. Brzezinski, the USA’s prime interest lies in ensuring that Eurasian geopolitical space remains ‘no man’s land’ for as long as possible.

Nevertheless, the countries of the region have recognized that national ambitions should give way to mutually advantageous economic cooperation. Eurasian integration has been further stimulated by the global economic downturn and Russia’s assistance to some of the CIS countries in such conditions. It is clear today that economic integration must unite those countries which are ready to give up some of their interests for the sake of some strategic purposes essential for the Customs Union. The formation of the latter was a reasonable step which has led to tariff-free goods turnover increasing annually as well as increasing freight traffic through common transportation corridors. Possibilities are emerging for domestic customs and duties, tax holidays and subsidies for agriculture. The CU member states have obtained an economic shield against attacks from outside and “a safety belt” for inevitable stock fluctuations of oil and gas prices.

The research group from the Institute of Economic Forecasting of RAS estimates the total effect (profit) to be obtained from the activities of the Customs Union by 2015 at about \$ 400 billion. The members of the CU are expected to get a 15 % increase of GDP due to integration. In 2011 alone the mutual trade in the CU accounted for \$108.3 billion.

At the same time the integration within the Customs Union is fraught with some sort of a conflict leading to a tenses competition among en-

terprises in some industries (metallurgy, construction, agriculture, trade) and consequently to some budget losses. However, the competition on the domestic market is unlikely to rise considerably for most countries. But in the industries where it will happen the total economic effect is expected to be positive. It will be achieved by lower monopolization of markets and equilibrium prices.

Alexander Mikhaylenko (professor, Chair of Russia's Foreign Policies, Department for National Security, Russian Presidential Academy of National Economics and Civil Service) argues that Russia pays prime attention to the Eurasian integration project. In his opinion, certain success has been achieved in it, though recently the process has slowed down a little. At present it is largely a process initiated from the top which does not embrace wide population, middle and small businesses. As every such top-down process it is subject to conjecture. Naturally, full support for the project from the presidents of the three countries: Russia, Belarus and Kazakhstan is essential in their political systems.

The Round Table made numerous references to the EU experience. Latvia, for instance, joined the Eurozone despite the results of the population's opinion poll, with the government supporting the entrance. Nevertheless, only a wide support of the population for Eurasian integration can make it irreversible.

The three countries joined the Customs Union in 2010 and the Single economic space in 2012. Provided the set objectives are met these countries are expected to arrive at the level of an economic union. Each of these stages in EU economic integration took about a decade to accomplish whereas in these countries it is done in 2-3 years. It appears to be a revolutionary development, rather than an evolutionary one, which is discussed in this country and in the other two. Revolutions are known for their strategic breakthroughs, but also for possible failures.

The expansion of the Eurasian Economic Space is another challenge facing Eurasian integration. The membership of Kirghizia is being in the pipeline while work is still being done to get Ukraine involved in the project.

As follows from the EU experience, no serious geopolitical grounds will account for a country's admittance to an integration union if it is not ready for it, because this will only weaken the union. Kirghizia does not prove to be economically ready for the integration whereas Ukraine is not ready politically.

Oleg Bukhovets (professor, head of the Chair of Political Science, State Economic University of Belarus) poses the question: Is there any alternative to Eurasian integration?

He points out that the 1980–1990 disintegration processes in the

USSR and the “socialist camp” were viewed by many as historical nonsense, with the global tendency of developing and creating strategic integration associations being well under way elsewhere at that time. The EU stood out among them as the most ambitious, extensive and unprecedented project.

The “expectations basket” from the West in Russia and other Eurasian post-soviet nations was quite huge over the first post-soviet decade. Those were expectations for the western community to help with the transition of the failing plan economy to the market one as well as expectations for assistance in overcoming acute social consequences following the transition. There were hopes for the West to behave loyally with Russia and the CIS in military and political spheres, etc.

It took some time to realize all the groundlessness of most hopes on the part of the elites of Russia and other CIS countries expecting understanding and solidarity from the West. Starting from mid-1990s it became increasingly obvious. Such understanding was facilitated by the default in Russia and its neighbouring states, the war against Yugoslavia started by the western alliance, the invasion in Iraq, and encouraging “the colour revolutions” in post-soviet space and in other regions. Finally, “the expectations basket” from the West, especially in Russia, became considerably “lighter”.

However, some of major expectations are still there, in this “basket” at the beginning of the XXI century, with the EU being regarded as a model integration project of our time and a road map for the creation and successful development of all other economic associations in different regions of the world. Such was the understanding of the EU's role with the following expectations for some sort of participation in the construction of the “United Europe” that was common in Russia and other post-soviet countries among the ruling elites, think-tanks and in public opinion.

Oddly enough, the EU crisis, unintentionally, has led to a more balanced idea about EU's strengths and weaknesses realized by Russia and other post-soviet countries. This triggered another positive effect of the EU crisis: other integrated associations, particularly, in post-soviet space were able to advance from the “shadow” cast by the EU's “integration model”. Now they are gaining self-sufficiency to the extent which will ensure the advance toward a polycentric world. This world can hardly be imagined now without integrated strategic unions. No matter how strong and long-lasting the current global and European crisis is, it fails to cancel the integration imperative which runs as follows: “All roads lead to the place under the economic sun via integration”.

Being a XXI century categoric imperative for all continents, integration as a key issue of the global middle- and long-term agenda will

increasingly grow in importance. This explains why the late XX century witnessed the demand for EU's expertise arising from integrated associations in various regions of the world. Many analysts share the opinion that under globalization the major regional economic unions formed around the main contemporary civilization centres leave a small choice for separate nations: either they will have to enter into the influence zone of the "poles" of economic power or they will get marginalized. At present the countries which are not involved in strategic integrated associations, even though they are very large, like Russia, Ukraine and Kazakhstan, are losing and will continue to lose their positions in international division of labour, science and technology modernization and economic competition. Hence, using the popular slogan from the perestroika period, one can say: "nothing else is given" (there is no other way) for the post-soviet space.

Andrey Suzdaltsev (deputy dean, Department for Global Economics and Politics, Higher School of Economics) thinks that the US priority interest in the post-soviet space is not Russia, but Ukraine. The latter, he argues, is the key country in the game which is being played now in the post-soviet space. The issue about the destiny of Ukraine is the one about the destiny of the entire post-soviet space. GUAM was what Russia rejected. It united the countries "offended" by Russia: Georgia, Ukraine, Azerbaijan, Moldova and Uzbekistan (the latter left in 2005). Russia did not find the pass to their hearts, so they were picked up by Americans, which was the right thing for them to do: geopolitics is devoid of "no man's land" and spare spaces.

With Eurasian integration blending in with the WTO, the Eurasian integration project was legitimized by the global community. Thus an opportunity emerged to link the Eurasian integration project at the supranational level with the European one. However, it has not been achieved so far.

Today all limitations for transfer of goods, services and workforce among Russia, Kazakhstan and Belarus have been lifted. There is a single system of technical regulation. Mutual trade has increased, including that between Belarus and Kazakhstan, the latter two starting from almost zero level at the very start of the project. Nevertheless, there are problems about domestic investments and capital transfer, with the Russian capital being feared of and barred from Kazakh and Belarusian markets.

Russia, Kazakhstan and Belarus were very fast to approach the fourth integration stage in its classic European form, that is Eurasian Economic Union (EAEU).

However, this project was impeded by some forces. A serious impediment on the way to Eurasian integration is the resistance of Kazakh

and Belarusian bureaucracies. There are still barriers for mutual trade. Kazakh and Belarusian markets are closed for the Russian capital.

Russia's serious problem is the dollar being the main currency used for settlements in the Customs Union and Single Economic Space. Changing from the dollar to the ruble for mutual payments is a matter of Russia's security, a matter of viability of the Eurasian integration project. This is a huge problem, with Minsk and Astana being against the ruble as a regional currency.

In the course of the work of the Eurasian Economic Committee the Russian members were faced with the problem of consensus voting used by this body. The consensus vote can result in this supranational structure turning de facto into a body making decisions in the interests of separate integration participants, but not all of them. Nowadays the committee is "ruled" by the representatives from Belarus. They would make blocks with the Kazakhs and lobby for decisions they are interested in. The Belarusian agenda is predominant: whenever the "Horizont" TV sets need to be saved the tariffs are raised, whenever the "MAZ" lorries need to be saved the tariffs are raised, and so on. This is a dangerous situation which needs to be improved.

For Russia's partners the decisions made on integration development issues are not strategic ones, but a matter of conjuncture whereas for Russia they are strategic ones. Russia goes to great expenses, in the Union's Russian-Belarusian project alone Russian subsidies, bailouts, reduced prices, hidden market since 1995 accounted for \$72 billion as of 1st January 2013. Russia offers access to its resources and its markets, with the expenses very often paid by the Russian producers. Today Russia lacks a solid national project that would appeal to its neighbouring countries. The elites of Ukraine, Belarus and some other post-soviet nations are Europe-oriented. It complicates the cooperation with these pro-Western elites struck with varied anti-Russian phobias. Russia has an extremely limited number of levers to be used for affecting the elites in question.

The USSR collapsed 20 years ago which is, in historical terms, a very small span of time for a truly national elite to get formed. This is a very hard and slow process. In fact, normally a fully-fledged elite takes a few generations to get formed. Taking into account that Russia's elite was more than once cut out during the XX century the present transitional situation will remain for a quite a while.

The European experience cannot be completely transferred onto the Eurasian integration. Russia should borrow only what is suitable for it. The problem is that Russia has to integrate with hardline authoritarian regimes which can be hardly integrated in principle. There is some serious

struggle going on every issue. To give up a tiny piece of power means for Nazarbayev and Lukashenko undermining their own political authority. No matter how hard it is, Russia is still trying to lure them into integration and through it reform their economics.

Dmitriy Lyukshin (associate professor, Chair of Political History, Kazan Federal University) focused on the formation of Russia's cultural, intellectual, entrepreneurial and labour elites capable of formulating a new empire's national project.

He argues that there are either national states or empires. The national state project is not good for Russia as there is no "god-bearer"-nation. Therefore any state construction will be conceived within the framework of an imperial project.

The Euroatlantic "post-imperial" and "post-state" intellectual trends are not available for Russia, if only partially, by way of sending kids to study at Oxford. However, to refer to them in public rhetoric addressed to "the rank and file" is considered to be risky: the mobilizing potential of these categories practically equals zero. Moreover, they are confronted with aversion and no understanding among representatives of the fifth and sixth echelons of Brezhnev's soviet bureaucracy acting in the role of Russia's democratic authority.

The quality of Russian elite was set up in Stalin's post-war terror epoch by negative selection mechanisms, with the selected government cadres being far from the best. Without drastic overhaul of cadre strategies the quality of Russian elites will be going down. The revision of strategies is, however, the responsibility of the acting elites that would not choose to sign their death sentence even for the nation's sake. Naturally, this is not specifically Russian problem, but in Russia the situation is aggravated by the absence of NGOs offering competition with bureaucracy.

The empire's resources are used inefficiently. Practices of putting order in the sphere of state governance block every possibility of running a reasonable life in Russia. As satirist M. Zhvanetsky once remarked in the Soviet time, the most scary thing for a soviet citizen is when the government turns to him face to face. Since that time a new elite generation has emerged even still more "carefully" selected.

The names of empires in global history are often mentioned without adding that they are all gone. Even the British Empire has officially denounced its imperial policy without causing panic and apocalyptic visions among British subjects. Empires inevitably end in death. The empire's algorithm, which is a superficial expansion of the metropole's social sphere at the expense of the robbed colonies yielding the fruits and extravagancies of civilization, unavoidably leads to the collapse and

destruction of the state whose resources potential no longer can bear the burden of the excessive social institutions.

This is quite evident: the number of potential colonies being limited, their management boosts expenses in geometrical progression. Not a single empire has managed to utilize colonies to their limits, so far: all of them would get exhausted prior to that. However, this has never diminished the successors' optimism over imperial rule and order of global scale. The death of an empire is just a matter of time. While skillful management can maintain the state's body for hundreds of years, elites' low qualifications cause a fast and painful collapse. The soviet elite, over 70 years degrading into an inefficient bureaucracy, reproducing itself by means of negative selection, turned out to be one of the worst ones, that is why some of Russia's citizens were "lucky" to have witnessed twice the death of the empire...

* * *

To sum it up, the international round-table "Russia and Post-soviet Space: Problems and Prospects" offered its participants a wide range of varied, sometimes completely opposite views of contemporary scientists.

Among this variety and diversity of issues and topics discussed the main attention of the experts was drawn to Eurasian integration. It was described as a hard but necessary road that the post-soviet Russia and other nations in the post-soviet space are expected to pass in the historically shortest time.

The present and the future of these nations, which, at least, share the common past, depend on how efficiently the member-states will be able to pass this road in the current geopolitical situation. We think that the political and ethnic subjects of the post-soviet space could really benefit from taking into consideration the expert views shared at the round table. In other words, it could help find the way from the trap of the system disintegration and the risks of dividing the space by more powerful and successful geopolitical players.

As was shown through the round table's sharp polemics and heated debate, the biggest interest and arguments are raised by the problem of historical and futurological interpretation of the Empire phenomenon covering the past and likely future of Russia itself as well as the entire post-soviet /post-imperial space formed on the ruins of the Russian/Soviet empire.

The authors of this article who were both organizers and participants of the round table offered their own analysis of the problem.

While studying system crises in Russian history within the frame-

work of the project titled “The People and Power: The History of Russia and Its Falsifications” we arrived at the conclusion that the deep insight into their logic and meaning is impossible without analyzing the Empire as a special form of system organization of power and society, the organization of mass consciousness, rather than the space³.

In this sense an Empire can be a successful subject in history inasmuch as it is able to spread around imperatives uniting people and space, these imperatives being capable of empowering them with historical meaning and objectives.

In other words, whether the Empire can serve as an organizer of a large-scale space in the most effective and reasonable way depends on how fully and adequately it can manifest itself in the mass consciousness as an earthly stronghold of the Imperative. It also depends on how attractive and appealing the nations involved find the ideas and values offered by the Empire. In the hierarchy of various factors bringing a lot of nations and their huge areas toward real integration the top place belongs to specific goal-oriented imperatives, but not to politics and economics. Such imperatives should provide the individual as well as the entire nation and state with the sense of meaningfulness of individual and social life. It is only then that the Empire becomes a centripetal force arranging the space and consciousness to be included in the context of global history.

The Russian Empire had such imperatives until its disintegration in the course of the *Smuta* (turmoil) in the early XX century. It made the Empire successful as a harmonizer of the Eurasian space over at least several centuries. The Soviet Union as an imperial successor also had such imperatives until its disintegration during the *Smuta* of the late XX century. This was the cause of its unprecedented victories and achievements over several decades in the last century, the cruel age which ground down many empires and nations. Both the Russian Empire and “the soviet space” were centripetal forces driving nations into one common historical destiny with mutual historical values.

Alas, the same cannot be said about the post-soviet space. The problem is not the lack of single economic space, single currency, etc. The problem is that Russia as a traditional imperial core of Eurasian integration has, so far, failed to offer such imperatives that will make it attractive for the neighbouring states to unite with it, for the sake of something bigger than temporary political and economic dividends.

This also holds a major threat for the “post-imperial” Russia itself and for the less powerful states of “post-imperial space”. One should leave alone the negative connotations of the word “Empire” and focus on searching for its historical meaning. And then the Empire can be understood as an extensive space united by historically specific imperatives.

Then largely it is an “either –or situation”: either the state which has to organize its imperially large space has these imperatives and lives by them thus being a real subject of history or it lacks these imperatives, but then this (imperativeless) space is claimed by other empires with imperatives and then gets divided among them.

It should be emphasized in conclusion that a new post-soviet empire should not be constructed by means of forced integration. The Empire can only be revived on condition there is an Idea that can unite and lead the masses. To become an empire again, contemporary Russia has to offer imperatives which will restore the general sense and common values. The imperial power for Russia today does not mean a power that is eager to expand. It is rather a power to constrain the evil. Our talk about the revival of the Empire is not an appeal for violence, but it aims at the restored meaning, the meaning of the natural reintegration of post-soviet space as historical successor of the great empire.

Translated by O. Sudakova

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Revin I.A. *Krestyanskaya Rossiya i Vtoraya russkaya smuta: nauchnyy proekt “Narod i vlast” v otechestvennoy istoriografii revolyutsionnykh krizisov. Novyy istoricheskiy vestnik*, 2013, no. 2(36), pp. 56–57.
2. Marchenya P.P., Razin S.Yu. *Mezhdunarodnyy kruglyy stol “Rossiya i postsovetskoe prostranstvo: problemy i perspektivy”*. *Novyy istoricheskiy vestnik*, 2013, no. 3(37), pp. 98–147.
3. Marchenya P.P., Razin S.Yu. “Imperiya” i “Smuta” v sovremennom rossievedenii. *Novyy istoricheskiy vestnik*, 2011, no. 4(30), pp. 89–96.

Authors, Abstract, Key words

Pavel P. Marchenya – Candidate of History, Associate Professor, Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia (Moscow, Russia)

marchenyap@mail.ru

Sergey Yu. Razin – Senior Lecturer, Institute for the Humanities and Arts and Informational Technologies (Moscow, Russia)

razin_sergei@mail.ru

The article summarizes the most significant materials of the International round table held in Moscow in April 2013: the papers by Russian and foreign experts researching the past and the present of the post-Soviet space as well as

part of their discussion. The papers feature the interdisciplinary scientific analysis of different aspects of contemporary geopolitical situation in post-Soviet space. The issues discussed by the roundtable participants and the authors of the article are addressed in the context of the Eurasian and world history.

Russian Federation, Post-Soviet space, Post-Soviet states, geopolitics, geoeconomics, integration, Commonwealth of Independent States, Union State of Russia and Belarus, Ukraine, Eurasian Economic Union, Customs Union, empire, nation, political elite

Авторы, аннотация, ключевые слова

Марченя Павел Петрович – канд. ист. наук, доцент Московского университета МВД России

marchenyap@mail.ru

Разин Сергей Юрьевич – доцент Института гуманитарного образования и информационных технологий

razin_sergei@mail.ru

В статье обобщаются наиболее значимые материалы Международного круглого стола, состоявшегося в Москве в апреле 2013 г.: доклады российских и зарубежных специалистов, изучающих прошлое и настоящее постсоветского пространства, и часть состоявшейся между ними дискуссии. В докладах представлен междисциплинарный научный анализ различных аспектов современной геополитической ситуации на постсоветском пространстве. Эта проблематика участниками круглого стола и авторами статьи рассматривается в контексте евразийской и мировой истории.

Российская Федерация, постсоветское пространство, постсоветские государства, геополитика, геэкономика, интеграция, Содружество Независимых Государств, Союзное государство России и Беларуси, Украина, Евразийский экономический союз, Таможенный союз, империя, нация, политическая элита

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ
Landmarks in Human History

С.С. Войтиков

**«ВОРОШИЛОВ КОМАНДОВАТЬ АРМИЕЙ
СОВЕРШЕННО НЕ МОЖЕТ»:
ПИРРОВА ПОБЕДА ТРОЦКОГО НАД СТАЛИНЫМ,
ИЛИ КАК ТРОЦКИЙ ВЫЖИЛ ВОРОШИЛОВА
ИЗ ЦАРИЦЫНА НА УКРАИНУ
(1918 – 1919 гг.)**

S. Voytikov

**“Voroshilov Is Completely Unable To
Command The Army”:
Trotsky’s Pyrrhic Victory Over Stalin,
Or How Trotsky Ousted Voroshilov
from Tsaritsyn to Ukraine
(1918 – 1919)**

Наиболее загадочным – а с другой стороны, содержащим ключи ко многим разгадкам, – периодом послереволюционной жизни И.В. Сталина является Гражданская война. В последние годы именно этот период в деятельности будущего Генерального секретаря ЦК РКП(б)–ВКП(б) стал сюжетом нескольких научных работ¹. Следует, впрочем, признать, что художественное раскрытие личности Сталина и последствий его деятельности на Южном и Юго-Западном фронтах Гражданской войны в чем-то до сих пор опережает исторические изыскания².

Ни для кого не секрет, что впервые после VI съезда партии 1917 г. Сталин попал на вершину большевистского Олимпа в результате своей деятельности в Царицыне и на Южном фронте в 1918 г., схлестнувшись в борьбе за принципы строительства Красной армии и место в партии с другим членом ее Центрального комитета (ЦК) – председателем Высшего военного совета, затем Революционного военного совета Республики (РВСР, Реввоенсовет Республики) Л.Д. Троцким. Первого поддерживал В.И. Ленин, основатель большевистской партии, второго – Я.М. Свердлов, гордо и несколько самонадеянно именовавший себя «председателем ЦК РКП»³.

Основным полем битвы Троцкого и Сталина летом–осенью 1918 г. стал Южный фронт. Точнее – фронт, на котором воевали против Донской армии атамана П.Н. Краснова войска 10-й красной армии, руководимые Военным советом Северокавказского военного округа (председатель Военсовета СКВО – Сталин, члены – командующий 10-й армией К.Е. Ворошилов и руководитель Царицынского комитета партии большевиков С.К. Минин). Их заочно-телеграфное столкновение, в ходе которого Троцкий стремился добиться отозвания Сталина в Москву, а затем, как он выразился в своей телеграмме Реввоенсовету Республики, заставить «царицынских дезорганизаторов войти в колею»⁴, завершилось отозванием Сталина из Царицына.

После отъезда 12 сентября Сталина в Москву в первый раз и 6 октября во второй (последний)⁵ лидерство среди царицынцев естественно перешло к Ворошилову. Для окончательного разгона «царицынских дезорганизаторов», которые вскоре составят костяк «военной оппозиции», Троцкий разыграл военно-бюрократический спектакль, который можно было бы назвать так: «Временная замена товарища Ворошилова товарищем Жлобой».

Подробности этого спектакля теперь стали ясны из доклада главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики И.И. Вацетиса Ленину и Свердлову от 3 декабря, направленного также в копии Троцкому и отдельным членам Реввоенсовета Республики. Этот доклад, хранящийся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), насколько нам известно, ранее не публиковался⁶.

* * *

Началось все с конфликта начальника 1-й Стальной стрелковой дивизии Д.П. Жлобы не только с самим Троцким и его ставленником членом Реввоенсовета 10-й армии А.И. Окуловым, но и с видными украинскими партийцами, волею судеб Гражданской войны оказавшимися в Царицыне: командующим 10-й армией Ворошиловым и членом Реввоенсовета 10-й армии В.И. Межлауком, близким соратником Ворошилова по работе на Украине, членом Реввоенсовета 10-й армии с 28 октября 1918 г.

Об Окулове, как о персонаже теперь мало кому известном, но сыгравшем в том спектакле особенно яркую роль, следует сказать подробнее. Родившись в 1880 г. в семье разорившегося сибирского золотопромышленника, он мечтал стать актером и накануне революции 1905 г. даже окончил школу драматического искусства при Московском художественном театре. Но революционные события

вдохновили его на иное: он возглавил боевую рабочую дружину в Вологде. Затем – эмиграция в Женеве и Париже, возвращение в Россию и короткий тюремный срок, призыв в армию в 1916 г. К этому времени помимо работы в партии большевиков он увлекся литературством: в том же 1916 г. вышел первый сборник его сибирских рассказов. Осенью 1917 г. прибыл в Петроград и сразу был взят на работу в аппарат ВЦИК, а в январе 1918 г. – избран членом Президиума ВЦИК 2-го созыва, что, по всей видимости, свидетельствует о его хорошем знакомстве и быстром сближении со Свердловым. Весной получил назначение особоуполномоченным ВЦИК по формированию частей Красной армии в Сибири, летом был одним из руководителей Военно-оперативного штаба Западной Сибири, немало сделал для обороны Омска и Тюмени от частей Чехословацкого корпуса. И наконец (видимо, по рекомендации Свердлова), в октябре был направлен Троцким на Южный фронт в качестве «особоуполномоченного»⁷ РВСР и назначен 14 октября членом Реввоенсовета Южного фронта, а 26 октября – членом Реввоенсовета 10-й армии⁸ как «противовес Ворошилову» (определение самого Троцкого).

Отметим важный момент: почти до конца 1918 г. члены Реввоенсовета фронта, будучи откомандированы в какую-то армию фронта и назначенные на должность члена Реввоенсовета армии, обычно сохраняли за собой полномочия члена Реввоенсовета фронта. Не приходится сомневаться в том, что в Царицыне Окулов, заставляя «царицынских дезорганизаторов войти в колею», пытаясь «обуздать» Ворошилова, Минина и их единомышленников, при каждом удобном случае и по каждому поводу, в меру своих актерских способностей «козырял» своими полномочиями члена Реввоенсовета Южного фронта.

* * *

Насколько серьезен и глубок был конфликт Жлобы с «царицынцами» из руководства 10-й армии, сказать трудно: основным источником пока являются высказывания Троцкого в пересказе Вацетиса⁹. Так или иначе, конфликт имел и место, и последствия, поскольку о нем упомянул 4 декабря Ворошилов в письме члену ВЦИК А.З. Каменскому (опубликованная 25 декабря в «Правде» статья Каменского предопределила дискуссию по военному вопросу на VIII съезде партии)¹⁰.

Затем, выражаясь по-главкомовски, произошел «инцидент с начальником Стальной дивизии Жлобой»¹¹. Вацетис начал описание «инцидента» с заявления: лично он Жлобу «до сих пор не знал» и

«первые сведения о нем» получил от Троцкого. Характеризуя Жлобу, Троцкий явно схитрил. Для начала, подчеркнув – явно во избежание подозрений со стороны главкома (Троцкий обычно стремился усыпить подозрительность относительно своих подлинных намерений, но не всегда это получалось) – заслуги Жлобы на Южном фронте, он охарактеризовал начальника 1-й Стальной дивизии как человека «неуживчивого, недисциплинированного, своенравного и не склонного соблюдать[ь] субординацию»¹². Вацетис изложил в докладе следующее заявление Троцкого: «Жлоба является демагогом, вызвавшим к себе отрицательное отношение», и «настолько себя дискредитировал», что его для начала нужно взять под наблюдение, а затем «так или иначе убрать» с Южного фронта¹³. При этом, как обратил внимание Ленина и Свердлова главком, председателем РВСР «вовсе не было сказано, что Жлоба даже появляться на Царицынском фронте не может»¹⁴. Службист до мозга костей, латыш-главком, по его заявлению, принял слова председателя РВСР «к сведению и руководству» и задался вопросом, «как [...] устроить» отлучение Жлобы от Южного фронта¹⁵.

Так Троцкий, в лучших ленинских традициях, нашел в лице Вацетиса удобного кандидата на роль козла отпущения в случае неудачного исхода своей интриги.

На помощь главкому, который мог искать повод очень долго, видимо, «случайно» пришел В.А. Антонов-Овсеенко, который впоследствии стал одним из наиболее видных деятелей троцкистской оппозиции. Антонов-Овсеенко высказал «свое предположение о том, что полезно было бы взять бригаду с Царицынского фронта, составленную исключительно из рабочих Донецкого района»¹⁶. Видимо, столь же своевременной и ненавязчивой была и другая «подсказка»: дескать, основу бригады могли составить «как раз» два полка 1-й Стальной дивизии Жлобы. В итоге Вацетис, и сам уже отравивший зуб на своенравных «царицынцев», запросил о возможности снятия обоих полков одновременно Ворошилова и (видимо, отчасти уже усвоив «добрую» манеру «царицынцев» повсеместно нарушать уставные отношения) и его подчиненного – самого Жлобу. Первый ответил категорическим отказом без какого-либо обоснования, а второй простодушно признался: «Снятие этих двух полков вполне возможно без ущерба для 10-й армии»¹⁷. Видимо, именно тогда Вацетис, проникшись благодарностью к Антонову-Овсеенко за содействие, сделал ему предложение, приведенное последним 7 января 1919 г. в послании Бюро ЦК РКП(б): Вацетис «собирался послать меня в 10-ю армию на место Ворошилова и даже спрашивал, не возьму ли я весь Южный фронт (тогда тов. Троцкий, под давлени-

ем тех же царицынцев, отклонил мою кандидатуру)»¹⁸.

Троцкий (заметим, столь же своевременно, как и Антонов-Овсеенко) в конце ноября направил Вацетису телеграмму о том, «что 8-я армия [Южного фронта] совершенно разложилас[ь] и что нет смысла вливат[ь] туда пополнения»¹⁹. Вацетис вроде бы без посторонней помощи понял, что Троцкий сделал ему намек: «Такое указание понятно, и отсюда должны исходить[ь] мои действия в том, что в состав 8-й армии необходимо влит[ь] крепкие и достаточно сильные самостоятельные войсковые части, которые могли бы составить[ь] ячейку для оздоровления всей 8-й армии»²⁰. Вацетис запросил Жлобу о его согласии командовать обоими полками «в случае их переброски на Воронежский фронт»²¹. Явно уставший (мягко говоря) от подчинения Ворошилову и Межлауку, начальник 1-й Стальной дивизии не только «с удовольствием» согласился, но и взял на себя «повышенное» обязательство пополнить полки в Донецком районе «превосходным боевым элементом»²².

Прозрев постфактум, как это обычно с ним бывало, и не желая признать себя пешкой в военно-бюрократической (а отчасти и политической) игре Троцкого, Вацетис попытался убедить то ли Ленина со Свердловым, то ли самого себя, что он действовал по собственной инициативе: «Весь вопрос состоял в том, чтобы найти возможность[ь] эти два полка выделить[ь] из состава Царицынского фронта. Лучшим средством для этого было сделать[ь] Жлобу на несколько дней временным командующим 10-й армией [Несомненно, до этой светлой мысли Вацетис не мог додуматься без подсказки Троцкого или Антонова-Овсеенко. – С.В.], вызвав т. Ворошилова в Серпухов [И это при том, что в сентябре «царицынцы», включенные в Реввоенсовет только что созданного Южного фронта, категорически отказались переехать даже в Козлов. – С.В.], тем более что это последнее является желательным для личного моего ознакомления с Ворошиловым» и выяснения, «насколько он способен продолжать[ь] командовать[ь] 10-й армией, так как председатель Революционного военного совета Республики Троцкий мне несколько раз уже указывал, что Ворошилов командовать[ь] армией совершенно не может и что его необходимо сменить» на человека «более способного»²³ (в смысле лояльного лично Троцкому).

29 ноября в Серпухове состоялось заседание Реввоенсовета Республики, на котором председатель РВСР Троцкий оформил назначенную перестановку таким образом, чтобы, во-первых, никто раньше времени не разгадал смысл его комбинации, а, во-вторых, вся ответственность в случае возможной неудачи легла на плечи незадачливого Вацетиса. Первый пункт протокола: «Жлоба поступает

в распоряжение Главкома, который уже дает дальнейшие указания относительно работы»²⁴. Нужно было родиться Вацетисом, чтобы не заподозрить неладное в столь туманной формулировке.

30 ноября Вацетис отправил в Царицын командующему 10-й армией Ворошилову и в копии командующему Южным фронтом П.А. Славену телеграмму, завизированную как политическим комиссаром членом РВСР С.И. Араловым: «По прибытии в Царицын т. Жлобы Ворошилову выехат[ь] [к] главкому [в] Серпухов, а во временное командование 10-й армией вступит[ь] начальнику Стальной дивизии Жлобе»²⁵. Понимал ли Аралов, что он визирует «бочку с порохом»? Очевидно, понимал, что в любом случае сможет спрятаться за спину партии, а если точнее, то за спину своего настоящего патрона – Свердлова.

В Царицыне пришли в ужас и направили истеричную телеграмму в Москву, серьезно исказив текст и смысл распоряжения Вацетиса и Аралова. 1 декабря Ленин направил Троцкому в Воронеж телеграмму, в которой, вероятно, от имени ЦК партии (председатель Совнаркома употребил глагол «просим») предлагал «разъяснить недоразумение»: «Получили невероятную телеграмму из Царицына о смещении Ворошилова и назначении на его место Жлобы» (телеграмма из Москвы, полученная в Царицыне, была подписана главкомом Вацетисом и членом РВСР Араловым)²⁶.

Телеграмму в Воронеже получили только 3 декабря²⁷, когда в «Красном Карфагене» (так газеты Всевеликого войска Донского прозвали советский Царицын, защищаемый 10-й армией) уже бушевали без преувеличения шекспировские страсти, поскольку в довершение всех бед 2 декабря РВСР под председательством Троцкого постановил вызвать Межлаука «для переговоров»²⁸, а аккурат 3 декабря уже сам Троцкий отдал телеграфный приказ о переводе Межлаука из Царицына в Казань²⁹.

В этой связи вызывает некоторое недоверие телеграмма, опубликованная в сборнике «Бумаги Троцкого». В соответствии с ней, Троцкий якобы уже 1 декабря, в день отправления телеграммы Ленина, ответил: «Приказ относительно Жлобы явился для меня тем большей неожиданностью, что я разъяснил Вацетису причину, по которой отозвал Жлобу – по единодушным настояниям Ворошилова, Окулова и Межлаука. Злой воли тут не было, а была импульсивность одного и бесхарактерность другого. При главкоме необходим твердый и тактичный комиссар [Камень в огород Аралова и в большей степени К.Х. Данишевского, подозрительно относившегося к Вацетису еще во времена, когда последний командовал 5-м Латышским стрелковым полком. – С.В.], но где его взять? Данишевского лучше

бы отправить на Западный фронт»³⁰.

Текст – независимо от подлинности и правильности датировки – сам по себе показателен: глава военного ведомства истинно поленински сделал вид, что он тут совершенно не при чем.

Так или иначе, но главком Вацетис совместно с членом РВСР Араловым официально назначили Жлобу временно исполняющим должность командующего 10-й армией – самой боеспособной силы, действующей против Донской армии Краснова. Не успел Жлоба вступить в новую должность, как приказ о его назначении был дезавуирован, и «халиф на час» был направлен в 11-ю армию – командовать Особым партизанским отрядом³¹.

Пока разворачивались эти события, во второй половине ноября, Троцкий добился через Свердлова перевода Минина, одного из самых злоязычных критиков «военной политики» председателя РВСР, из Царицына в Москву: членом коллегии Наркомата по внутренним делам РСФСР³². Это была большая потеря для Ворошилова.

* * *

4 декабря Ворошилов телеграфировал о конфликте в руководстве 10-й армии своему доброму товарищу, члену ВЦИК Каменскому: «Ты, наверное, уже знаешь: с назначением Жлобы теперь это дело как будто бы ликвидировано, хотя еще не вполне, так как он может приехать сюда и может подняться буря всяческих мерзостей, но все это для меня – совершенно темное дело. Кое-как уладилось теперь, но как? Для меня [это] – уже совершенно невыносимая история. Вчера Троцкий телеграфно перевел Межлаука в Казань. Перевод этот состоит в связи с теми разногласиями, которые обнаружились между мной и Межлауком, с одной стороны, и с Окуловым, с другой стороны. Разногласия, по сути дела, не стоят выеденного яйца, но такова уже природа наших бедных интеллигентов, которые умудряются все ясное и само по себе понятное возводиться в высокоумное, “истинное”, с которыми потом носятся и суют их всюду, даже туда, где кроме вреда для дела, в котором они смыслят на грош, эти мудрости ничего не принесут. Положение создалось такое: Межлаук уедет, и для моего “воспитания” приедет какой-нибудь другой Окулов. Я уже совершенно заработался и меня еле хватает на дело; для споров и выучки у Окуловых у меня нет ни времени, ни сил, физических и духовных. И прошу через тебя выручить меня. Голубчик, отзовите меня отсюда [Каминский не мог решить этого вопроса, и Ворошилов через него обращался за помощью к Сталину. – С.В.]. Только дело нужно поручить, конечно, не Жлобе. Если же будет отозван

Межлаук, я не смогу работать с Окуловым и уйду. Я больше не в состоянии усваивать той науки, которой меня взяли пичкать. Итак, я решительно и бесповоротно, в полном [о]сознании всех последствий, заявляю: я больше работать при условии недоверия центра не могу. Доложи т. Сталину и возможно скорее. Ты меня знаешь и поймешь, что я уйду безусловно, если Межлаука отзовут, уйду немедленно, хотя бы меня расстреляли!»³³.

Судя по тому, что копия телеграммы оказалась в фонде секретариата Ленина, Каменский доложил о телеграмме Сталину, а тот Ленину, поскольку вряд ли Каменский взял на себя смелость проинформировать о новом повороте в «царицынских делах» самого председателя Совнаркома. Так или иначе, вопрос был вынесен на страницы партийной печати. (Именно тогда Каменский прочно вошел в сталинское окружение: так, 5 мая 1920 г. Оргбюро рассматривало просьбу Сталина «дать в его распоряжение для работы в Наркомнаде и Госконтроле т. Каменского»³⁴.)

Чтобы все-таки извлечь свой гешефт из значатой им, но проваленной Лениным (а закулисно, видимо, и Сталиным) комбинации, Троцкий не нашел ничего лучшего, как дезинформировать Вацетиса. Председатель РВСР поведал, что завизированный Араловым приказ главкома был отменен не Совнаркомом, а Реввоенсоветом Южного фронта. Если подробнее, то Троцкий направил Вацетису, по словам последнего, «телеграмму столь резкого характера, что даже при старом, рабском, режиме такая телеграмма по адресу главнокомандующего всеми вооруженными силами [Республики] не могла бы быть послана вдобавок в незашифрованном виде»³⁵. Главком привел полный текст этой телеграммы № 1251: «Ваш приказ о вызове Ворошилова и назначении Жлобы командармом отменяю. Ставлю Вам на вид незаконность таких приказов без моей подписи и предупреждаю, что в случае повторения объявлю выговор в приказе по Красной армии. Председатель Революционного военного совета Республики Троцкий»³⁶.

Отправлением этой телеграммы в незашифрованном виде Троцкий унизил Вацетиса перед его подчиненными, что тот воспринял крайне болезненно. 2 декабря Свердлов направил Троцкому телеграмму, из которой следует, что главком подал заявление об отставке, заявив своим соратникам, что не останется на занимаемом посту даже под угрозой ареста за саботаж. Поставившие об этом в известность Свердлов подчиненные Вацетиса всерьез опасались, что главком покончит жизнь самоубийством. Ленин и Свердлов сочли уход Вацетиса нецелесообразным и поручили Троцкому «устранить конфликт, чтобы не осталось и следа от него»³⁷. В случае невозмож-

ности ликвидации конфликта в Серпухове, где находился главком и размещался Полевой штаб РВСР, Троцкому предписывали не принимать «никаких решений» и выехать в Москву³⁸.

3 декабря Вацетис в телеграфном докладе Ленину и Свердлову, переданному в 2 часа 30 минут (в ночь на 4 декабря) из телеграфной конторы при Полевом штабе РВСР, предупредил о невозможности оперативной переброски двух полков с Царицынского фронта на Воронежский³⁹ и описал подоплеку несостоявшейся «замены» Ворошилова Жлобой. Вацетис обвинил Троцкого в том, что вместо обсуждения вопроса с самим Вацетисом и Реввоенсоветом Республики, «одобрившим»⁴⁰, по заявлению главкома, его распоряжения, он в своей телеграмме инкриминировал ему, «во-первых, вызов Ворошилова в Серпухов, а во-вторых, назначение Жлобы командармом»: «Первое есть мое законное право, а второе передано неточно в только что приведенной телеграмме, так как назначения Жлобы командующим армией не было, а было лишь [его] допущение во временное исполнение этих обязанностей, вызванное вышеприведенными соображениями»⁴¹. И в конце Вацетис, осознавая всю шаткость своего положения в высшем военном руководстве Советской России, сделал весьма заманчивое для Ленина и малоприятное для Свердлова предложение: «Я полагаю, что в своих действиях я не выходил из пределов элементарных прав главного командования и ввиду того, что права мои как Главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики зафиксированы в общих чертах и поддаются различному толкованию в смысле компетенции главного командования, то прошу дат[ь] мне исчерпывающие указания для точного определения моей служебной компетенции как Главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики»⁴².

В 5 часов утра 4 декабря в Кремле получили телеграмму Вацетиса. И в тот же день конфликт, по всей видимости, был обсужден Лениным и Троцким, прибывшим в Москву по экстренному вызову Ленина и Свердлова. На это указывает факт присутствия Троцкого на заседании Совета рабочей и крестьянской обороны (создан 30 ноября на пленарном заседании ВЦИК в качестве властного противовеса Реввоенсовету Республики; председателем Совета был сам Ленин, выздоровевший после ранения): глава военного ведомства сразу завел обыкновение игнорировать заседания Совета обороны, предоставляя сомнительную честь отстаивания интересов Наркомата по военным делам своему заместителю Э.М. Скланскому.

Сам Вацетис позднее описывал этот эпизод в своих воспоминаниях с серьезными искажениями, но в точности воспроизведя самый

незначительный из результатов «замены» Ворошилова: «Л. Троцкий подал жалобу на меня во ВЦИК. На что он жаловался – не знаю. Я заявил [...] Аралову, что без должной самостоятельности я не считаю возможным продолжать работу по должности Главного командующего до разрешения инцидента с Л. Троцким. Я перестал посещать штаб, а свои объяснения и всю переписку направил председателю Совета Обороны т. Ленину. В связи с [...] инцидентом произошел забавный случай [Насколько это «позабавило» Вацетиса тогда, в декабре 1918 г., мы уже знаем. – С.В.]. Телеграмма Л. Троцкого была разослана в незашифрованном виде и сделалась известной в штабе, где вызвала различные толки. Между прочим, до меня дошли сведения, что Л. Троцкий ищет другого Главного командующего. Я решил оставить должность Главного командующего и послал телеграмму в Наркомвоен Советской Латвии т. Петерсону К.А. с просьбой предоставить мне место командира полка в Латышской стрелковой дивизии [Вацетис предпочел вернуться к истокам своей «революционной» карьеры. – С.В.]. Петерсон показал эту мою телеграмму Ленину, что вызвало его вмешательство в создавшийся инцидент. Троцкий остался крайне [недоволен] моей телеграммой Петерсону и решил сорвать свою злобу на комиссаре штаба т. Гиршфельде, сдавшем означенную мою телеграмму на аппарат, и посадил его на гауптвахту. Получилась какая-то комедия в духе Prügelknabe [Нем.: мальчик для битья.]»⁴³.

Выходит, если вначале Троцкий «подставил» Вацетиса, то потом, пытаясь смягчить свой провал, он и вовсе все списал на А.В. Гиршфельда, который тут оказался чем-то вроде «с боку припека».

* * *

Наибольшую политико-бюрократическую выгоду извлек из конфликта Ленин: 5 декабря на заседании Совнаркома он провел «Положение о Главном командующем всеми вооруженными силами Республики», на основании которого председатель РВСР официально признавался... передаточной инстанцией между Совнаркомом во главе с товарищем Лениным и Главным командующим Вацетисом⁴⁴. Это был тонкий аппаратный намек, хорошо понятный всем осведомленным читателям узаконений и распоряжений «рабоче-крестьянского» правительства.

Однако и Троцкий извлек дивиденды из затеянной им самым интриги: довел непокорных «царицынцев» – прежде всего Ворошилова – до белого каления, что, видимо, стоило и приезда в Москву, и посещения заседания Совета обороны под председательством Ленина, и обострения и без того непростых взаимоотношений с Вацетисом,

и повода к наделению последнего как главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики огромными правами в соответствии с постановлением Совнаркома.

Тем не менее «царицынская заноза» не стала для Троцкого менее болезненной. Направленная Реввоенсоветом Южного фронта Ленину дезинформация о сути телеграммы Вацетиса и Аралова спасла его: Кремль переключил внимание на внутренние «разборки».

10 декабря Свердлов отправил Троцкому и в копии Ленину телеграмму № 18254, в которой, помимо второстепенных вопросов (рекомендации назначить военным комиссаром Полевого управления авиации и воздухоплавания Красного военно-воздушного флота при Полевом штабе комиссара авиации 8-й армии С.А. Черных, а также предложения, сделанного на основании докладов из Нижнего Новгорода, о необходимости убрать из города две тысячи матросов, либо отправив их на фронт, либо «распустить по домам на те четыре месяца, когда они специальной службы не несут»⁴⁵) отписал и о болезненном: «Ввиду крайне обострившихся конфликтов Ворошилова и Окулова считаю целесообразным [и] больше необходимым [решением] замену Окулова, например, Ляганом или кем другим, [с] перев[одом] Окулова непосредственно [в] Рев[воен]совет Юж[ного] фронта»⁴⁶.

Так, начав с обеспокоенности, мастер «расставлять и переставлять кадры» предложил отправить Окулова, ставленника и сторонника Троцкого, на повышение, заменив его в 10-й армии другим партийцем – более авторитетным и сдержанным, но оттого не менее готовым к неуклонному проведению линии большевистского ЦК. Ленин на всякий случай отправил копию телеграммы Свердлову «в архив»⁴⁷.

Троцкий же не считал необходимым торопиться с заменой, надеясь, что Окулов успеет-таки заставить «царицынских дезорганизаторов войти в колею».

Однако на этот раз председатель РВСР серьезно просчитался.

12 декабря Ленин получил телеграмму командования 10-й армии за 12-ю подписями: Ворошилова, начальника штаба С.К. Мацилецкого, особоуполномоченного Реввоенсовета Е.А. Щаденко, помощника начальника штаба И.Н. Дубового, для поручений при командующем армией А.Я. Пархоменко, инспектора артиллерии Куликова, начальника снабжения Дышлового, комиссара снабжения Крицкого, помощника начальника снабжения Тучошвили, заведующего Отдела артиллерийского снабжения Голов[у]шкина, управляющего делами РВС 10-й армии Гришковского, начальника полевого управления Н.Я. Казанова, начальника дежурств А.С. Круссера и начальника

контрразведки Иванова.

Начиналась телеграмма с патетической преамбулы о преданности всего командования 10-й армии, костяк которого по-прежнему составляли «обласканные» Сталиным соратники Ворошилова, делу мировой революции: «10-я армия истекает кровью, тая от ежедневных боев с наседающими красновскими бандами, стремящимися во что бы то ни стало взять Царицын. Чувствуя колоссальную ответственность перед мировой революцией, мы не считаем положение безнадежным, мы напрягаем все наши умение и все наши силы и вкладываем весь наш революционный и боевой опыт, чтобы сплоченной, стальной коммунистической стеной отразить и разбить врага»⁴⁸.

Далее командование 10-й армии напомнило вождю большевиков: «...К сожалению, в этот ответственный и опасный в боевом отношении момент наша внутренняя спайка, наша дружная, самоотверженная работа товарищей, закинутых сюда из разных углов Российской Республики [Судя по такому названию государства, текст первой советской Конституции 1918 г. «царицынцы» вниманием обошли. – *С.В.*], но тесно связанных между собой великими задачами социалистической революции и боевым соработничеством в классовой войне, разрушается нетактичностью, кичливой грубостью, полным непониманием практических задач, выполняемых армией, присланного сюда в члены Реввоенсовета армии т. Окулова»⁴⁹.

Окулову, действительно крайне жестко обращавшемуся с «царицынцами», припомнили все, чем тот «отличился» на должности члена Реввоенсовета 10-й армии: «Мы пренебрегаем теми плевками, теми щелчками по самолюбию, [кои] он награждает нас, служащих делу революции и только этому делу; мы похоронили наше самолюбие; мы примирились с его диктаторским тоном, с его политикой натравливания политических комиссаров в армии на наш пролетарский командный состав»⁵⁰, поскольку «сама жизнь сглаживает выходки этого нетактичного товарища; мы примирились с тем, что, по его настоянию, был убран из Царицына член Реввоенсовета армии Валерий Межлаук, убежденный, умный и интеллигентный партийный товарищ; мы примирились с системой грубого политического надзора, который установлен здесь Окуловым над нами – товарищами, не год и не два работающими в партии, но теперь даже в области политической работы в армии он затевает, благодаря своему болезненному честолюбию, конфликты с такими товарищами и в таком деле, где, казалось бы, не могло быть да и нет, ни тени разногласия»⁵¹.

Как выясняется из телеграммы, окончательно истожили терпение Ворошилова и его подчиненных, привели их в негодование намеченные Реввоенсоветом Южного фронта изменения в руководстве партийно-политической работой в 10-й армии: «По настоянию Окулова Реввоенсоветом Южфронта устраняется завед[ующий] политотделом армии – популярнейший здесь т. Магидов, разрушается и дезорганизуется самый основной и важнейший аппарат классовой армии»⁵². «Исчерпав все меры товарищеского воздействия», а проще говоря, понимая, что Окулов, перенявший диктаторские замашки у самого Троцкого, все равно настоит на своем, командование 10-й армии сочло «печальной необходимостью сознаться, что [...] дальнейшая совместная работа с т. Окуловым невозможна, если его воля дезорганизатора будет по-прежнему превалировать здесь, благодаря поддержке т. Троцкого»⁵³. Так Ворошилов и его соратники, «следуя сталинским курсом», по имени назвали главный источник всех «плевков» и «щелчков» в свой адрес.

В заключение, в худших традициях первых руководителей Наркомата по военным делам Н.В. Крыленко и Н.И. Подвойского, командование 10-й армии не нашло ничего лучше, как «сложить с себя всякую ответственность за гибель порученного [...] дела» и потребовать своей отставки, в случае если Окулов «не будет немедленно отозван»⁵⁴. Однако, если над Крыленко и Подвойским на момент их шантажа был уже поставлен крест как на высших военных руководителях, то заменить 12 военных партийцев, руководивших самой сильной армией Южного фронта, в момент подготовки решающего удара по Донской армии Краснова было совершенно невозможно.

О сложившемся в 10-й армии положении Ленин переговорил со Сталиным. Не нужно быть Воландом, чтобы и без стенограммы импровизированного «совещания» реконструировать основные предложения бывшего «хлебного диктатора» советского юга России. Посовещался Ленин и со Свердловым, благо за два дня до этого последний поделился с ним своим мнением в «копии». По итогам этих разговоров телеграмма «царицынцев» была подписана обоими вождями («Ленин, Свердлов») с дополнениями⁵⁵. Свердлов добавил: «Троцкому. Получили следующий протест». Ленин дописал: «Еще раз в виду крайне обострившихся взаимоотношений Ворошилова и Окулова считаем необходим[ой] замену Окулова другим»⁵⁶. С этими дополнениями телеграмма в 22 часа была направлена в «Воронеж или по месту нахождения» Троцкому с поручением секретарю запросить «по телеграфу время вручения этой телеграммы» председателю РВСР⁵⁷.

Троцкий, впрочем, предпочел сделать вид, что он этой телеграм-

мы не получил.

Сталин, которого Свердлов отправил на Украину, решил не обострять отношения со старым «товарищем» по ссылке, и на деле вошел в РВС Украинского фронта. И как следствие – сразу погрузился в местные дрязги. После 18 декабря Ленин ознакомился с жалобой Сталина на Антонова-Овсеенко: «Читал “телеграмму” Вацетиса о положении на Украине. Вацетис прав, Антонов не прав. Есть только одна крайность в телеграмме Вацетиса, где он занятие Белгорода считает вредным <...>. Хорошо, когда Вацетис сдерживает порывы дилетантов. Плохо, когда Вацетис не умеет сочетать восстание населения в некоторых пунктах (Белгород) с осуществлением строго выдержанного военного плана. Дело может лишь выиграть, если ЦК внесет (и вообще будет вносить каждый раз) корректив в телеграмму Вацетиса в смысле дополнения стратегии некоторыми политическими соображениями, в которых не всегда разбирается Вацетис [Для Сталина это можно считать верхом дипломатии. – С.В.]. Практически мое предложение сводится к более частому обмену мнени[ями] между Вами и Вацетисом, хотя бы в форме уже практикуемых вопросов (с *Вашей* стороны) и докладов (со стороны Вацетиса)»⁵⁸.

Как видно, не зря Свердлов провел в Бюро ЦК решение о направлении Сталина в Харьков: мало того, что он там поссорился с руководством Украинской Советской Социалистической Республики, так еще и в кои-то веки попытался наладить взаимоотношения с главкомом Вацетисом. Правда, при этом постарался свести на нет роль Троцкого как «буфера» между ЦК, под которым Сталин однозначно понимал Ленина, и Вацетисом.

Вскоре за своим кремлевским покровителем на Украину отправилась и другие «царицынские дезорганизаторы». 14 декабря Троцкий направил из Курска телеграмму Ленину о Реввоенсовете 10-й армии и о посылке на Украину Ворошилова⁵⁹, в которой, наконец, назвал все вещи своими именами: «Вопрос об отозвании Окулова не может быть решен изолированно. Окулов оставался как противовес Ворошилову, как гарантия выполнения боевых приказов. Оставлять дальше Ворошилова после того, как все попытки компромисса сведены им на нет, невозможно. Нужно выслать в Царицын новый Реввоенсовет с новым командармом, отпустив Ворошилова на Украину»⁶⁰.

Ворошилов отнюдь не горел желанием вернуться в родные края, однако Кремль не мог не радовать сам факт получения предложения Троцкого о компромиссе. 18 декабря Ворошилова перевели в Харьков членом Временного рабоче-крестьянского правительства Советской

Украины⁶¹, а временное командование 10-й армией возложили на Н.А. Худякова, начальника 1-й Коммунистической стрелковой дивизии⁶². Что интересно, в те дни, когда Ворошилов уже вовсю трудился на Украине, он направил Ленину телеграмму с просьбой о присылке 80-ти грузовиков для вывоза грузов 10-й армии (25 декабря о том же, вопреки направлению Лениным телеграммы Ворошилова в РВСР, просил новый командующий 10-й армией Худяков)⁶³. Объяснение может быть только одно: Ворошилов был уверен, что вскоре вернется в Царицын на должность командарма-10. Похоже, он искренне полагал, что Сталин добьется реванша.

Переводы ответственных военных партийцев из Царицына на Украину позволили Троцкому наладить управление армиями на Южном фронте, а Сталину и значительной части выпестованных им «царицынских дезорганизаторов» – сохранить за собой ореол непобедимых спасителей Царицына и всей Советской России от «банд» Донского атамана Краснова.

4 января 1919 г. постановлением РВСР был создан Украинский фронт, задачей которого ставилось очищение Украины от австро-германских войск и военных формирований Директории с последующей советизацией Украины. Сталин предложил назначить командующим Украинским фронтом Ворошилова, председатель Временного рабоче-крестьянского правительства Украины Г.Л. Пятаков поддержал предложение, но Троцкий, естественно, выступил против⁶⁴. Пятаков телеграфировал Сталину и в копии Ленину со Свердловым: «Троцкий телеграфировал Вацетису, что он против назначения Ворошилова. Вацетис заявил, что он против назначения Ворошилова ничего не имеет [Главком поквитался за недавнее унижение. – С.В.], но после телеграммы Троцкого нужно ликвидировать недоразумение, назначение Ворошилова срочно необходимо. Никакого другого кандидата Вацетис не имеет [Почувствовав в постановлении от 5 декабря ленинскую поддержку, главком стоял насмерть. – С.В.]. Нами была дана записка Троцкому с изложением дела и просьбой не препятствовать назначению Ворошилова, ответ получен: “решение будет сообщено [в] Полевой штаб” [Не иначе, как через свердловца Аралова. – С.В.], мы считаем: 1) никакого решения без нас принято быть не может; 2) что вопрос уже решен, а Троцкий перерешать не может – в этом смысле дать нужные указания; со своей стороны мы распубликуываем назначение Ворошилова»⁶⁵.

Однако в «Красный Верден» (так называли Царицын местные большевики) Ворошилов не вернулся. Помешал резкий протест со стороны большинства членов ЦК РКП(б) – 6 января Ленин телеграфировал в Харьков члену Временного рабоче-крестьянского

правительства Советской Украины Ф.А. Артему: «Сию минуту узнал окончательное решение нашего ЦЕКА [...]: Вы можете назначать командующим кого угодно, только не Ворошилова, с тем непременным условием, чтобы фактическим главнокомандующим был [В.П.] Глаголев»⁶⁶. Свердлов убедил Троцкого ответить 7 января «Украинскому советскому правительству» (председатель РВСР заодно отправил свою телеграмму командующему Украинской советской армией Антонову-Овсеенко и Ленину со Свердловым) максимально тактично, поэтому, прежде чем перейти на свою обычную безапелляционную стилистику, Троцкий начал с вымученного вводного оборота: «К сожалению, я никак не могу согласиться на утверждение т. Ворошилова и после означенного протеста». Обосновал четко: «дело идет о подготовке» не к подавлению петлюровцев, а «к возможным серьезным операциям против англо-французов на украинской территории»⁶⁷, которые не смогут вести партизанские формирования Украинского фронта.

10 января Троцкий, опасаясь рецидива «царицынской самостийности» на Украине, телеграфировал Свердлову о выезде в Москву Окулова с докладом о работе Ворошилова, «категорически» заявлял: «Царицынская линия, приведшая к полному распаду царицынской армии, на Украине допущена быть не может»⁶⁸. Желая убедить Свердлова с Лениным в собственном миролюбии, Троцкий даже предложил в качестве «единственного выхода» назначение украинским наркомом по военным делам Н.И. Подвойского, и.д. наркома по военным делам РСФСР в декабре 1917 – марте 1918 г., старого товарища Свердлова по дореволюционной работе и верного ленинца, с тем чтобы Антонов-Овсеенко стал командующим, а Глаголев – начальником штаба⁶⁹.

За своевољством Ворошилова и военного комиссара Центрального управления по формированию Красной армии Советской Украины М.Л. Рухимовича Троцкий чутко уловил закулисное влияние Сталина, сталинскую манеру считаться только с собственным мнением: «Линия Сталина, Ворошилова и Рухимовича означает гибель всего дела»⁷⁰.

11 января Троцкий телеграфировал Ленину: «Что такое Царицын – об этом прочитайте доклад Окулова, состоящий сплошь из фактического материала и отчетов комиссаров. Я считаю покровительство Сталина царицынскому течению опаснейшей язвой, хуже всякой измены и предательства военных специалистов... Рухимович – это псевдоним Ворошилова; через месяц придется расхлебывать царицынскую кашу... Рухимович не один, они цепко держатся друг за друга, возводя невежество в принцип... Пусть назначают Артема,

но не Ворошилова и не Рухимовича... Еще раз прошу внимательно причитать доклад Окулова о царицынской армии и о том, как Ворошилов деморализовал ее при содействии Сталина»⁷¹.

13 января Троцкий, не дожидаясь формального утверждения ЦК РКП(б) своих предложений, официально объявил в приказе о назначении Антонова-Овсеенко командующим Украинским фронтом, а Глаголева – начальником штаба Украинского фронта⁷².

16 января вопрос об Украине рассматривался в ЦК РКП(б). ЦК постановил назначить председателем Украинского Совнаркома Х.Г. Раковского и поручил ему «провести в жизнь полное отстранение Ворошилова и Рухимовича от военной работы <...> не настаивать на оставлении Антонова, если украинцы потребуют его отстранения, а сговориться с ними о другой кандидатуре». В результате достигнутого «компромисса» командующим Украинским фронтом остался Антонов-Овсеенко, наркомом по военным делам правительства Советской Украины, в соответствии с предложением Троцкого, стал Подвойский. Наркомом просвещения был утвержден В.П. Затонский. Ф.А. Артема и К.Е. Ворошилова при «дележе портфелей» обделили. Рвавшийся к власти Артем стал лишь наркомом советской пропаганды, Ворошилова не без издевки «посадили» на должность наркома внутренних дел (руководить строительством местных органов Советской власти)⁷³, искренне полагая, что ни Артем, ни «царицынский дезорганизатор» не осмелятся пойти против ЦК РКП(б). Осмелились: группа Артема–Ворошилова, сославшись на необходимость принятия самостоятельных решений в условиях оторванности от ЦК РКП(б) и фронтовой обстановки, заявила, по словам Пятакова, примерно следующее: «ЦК РКП не существует, и мы должны действовать самостоятельно»⁷⁴.

Заметим кстати: еще при Временном правительстве игнорирование распоряжений центральной власти распространилось в бывшей Российской империи повсеместно. ЦК РКП(б) и Совнаркому РСФСР, в основном через местные партийные комитеты и аппарат Наркомата по внутренним делам, за 1918 г. удалось добиться перелома на территории Советской России, значительно урезанной антибольшевистскими силами. На Советской Украине этот процесс затянулся до осени 1919 г. Артем и Ворошилов были там не первыми и не последними «дезорганизаторами», но для недавнего командующего 10-й армией, «большевика не вчерашнего дня», как именовал себя сам Ворошилов, подобное «раскольническое» поведение не могло не восприниматься в Кремле иначе как преступное и антипартийное.

20 января Пятаков телеграфировал в ЦК РКП(б) и в копии всем основным членам ЦК – Ленину, Свердлову, Троцкому и Сталину:

«1) интриганство Артема дошло до прямой борьбы с действующей армией; 2) борьба с командованием дошла до того, что у меня потребовали опубликования постановления о назначении Рухимовича главнокомандующим, Ворошилова [и] Межлаука – членами реввоенсовета, несмотря на письменный приказ Реввоенсовета Республики <...> [Я] отказался, считая правительство не вправе отменять приказы Реввоенсовета Республики. Придравшись к этому поводу, большинство постановило сместить меня, не запрашивая даже санкции ЦК РКП»⁷⁵. Но и на этом дело не закончилось: за подписью Пятакова было опубликовано в газетах постановление о назначениях Рухимовича, Ворошилова и Межлаука, хотя он такое «не подписывал и подписывать как незаконное» возможным не считал. Более того, тройка сразу же разослала приказ № 1 с текстом «постановления». Пятаков тут же совместно с Затонским и командующим Харьковской группой В.Х. Ауссемом отправил циркулярную телеграмму с опровержением и довел до сведения ЦК РКП(б) о привлечении виновных в «злоупотреблении» своей «подписью суду ревтрибунала»⁷⁶.

Видимо, ненависть к Артему и «царицынцам», вспыхнувшая в начале 1919 г., объединила Троцкого с Пятаковым и предопределила то обстоятельство, что в экономической политике и внутрипартийной борьбе 1920-х гг. они нередко держались вместе. Ворошиловская группа предстала перед Кремлем во всей красе. Троцкий мог быть доволен: Ворошилов сотоварищи доказали ЦК РКП(б) его правоту как председателя РВСР в разгоне «царицынских дезорганизаторов».

* * *

26 декабря 1918 г. командующим 10-й армией был назначен А.И. Егоров – военный специалист и бывший левый эсер, достаточно подготовленный в военном отношении, с одной стороны, и, как член партии, Центральный комитет которой был полгода до этого объявлен вне закона, политически зависимый от верхов РКП(б), с другой. В тот же день Б.В. Легран – «старый большевик», пользовавшийся безграничным уважением в партии – был «спущен» с должности члена Реввоенсовета Южного фронта на должность члена Реввоенсовета 10-й армии и отправлен в Царицын⁷⁷. Окулов с сознанием выполненного партийного долга (вернее, «особо важного» поручения Троцкого) «сдал дела» Леграну⁷⁸: «самостийности» командования 10-й армии положен конец.

Размен Окулова на Леграна и окончательное удаление всех «царицынских дезорганизаторов» подальше от Царицына и 10-й армии

были выгодны всем: и Сталину с Ворошиловым, которые ввремя «умыли руки» на случай вероятной сдачи Царицына «бандам Краснова» (то есть Донской армии), и Реввоенсовету Республики, который отныне мог быть спокоен за «дисциплинированность» командования 10-й армии, и Ленину, который вынудил Троцкого умерить свой гонор, быстро разросшийся до наполеоновских масштабов.

Свой первый доклад обновленное руководство 10-й армии в лице командующего Егорова и члена РВС Леграна направило Реввоенсовету Южного фронта и в копиях Ленину (с намеком) и Реввоенсовету Республики уже 1 января 1919 г. Картина была нарисована, мягко говоря, безрадостная: «Действительное состояние 10-й армии, после ознакомления, далеко не соответствует тем данным, которые сложились в отношении ее в центре. Общее число получающих довольствие у нач[альников] снаб[жения] див[изий] достигает цифры около 150 тыс., из этого числа на армию приходится всего лишь около 70 тыс., остальное количество составляют рабочие предприятий, работающих на армию, а также служащие всех местных советских учреждений. Причиной этому служит исключительная обстановка Царицына, которая вызвала необходимость снабжать продовольствием даже население города до 1 января 1919 г. заботой армии». Между тем боевой численный состав армии, как выясняется из доклада, составлял всего около 30 тыс. бойцов. Фуража, как и продовольствия, не хватало: большая часть лошадей всех категорий была «выведена из строя», оставшиеся обессиленные животные были попросту «непригодны для маневра». Налицо было «полное расстройство полевого управления и органов снабжения войсковых частей, включительно до дивизии, отсутствие всякого транспорта, в т.ч. и санитарного»⁷⁹.

В значительной степени такое положение стало результатом «самостийности» «царицынских дезорганизаторов». Сказались и объективные факторы: тыл 10-й армии был «совершенно не обеспечен путями сообщения и, ввиду приостановки движения по главной тыловой артерии – Волге, крайне тормозится доставка как всех видов снабжения, так и приток пополнения людьми и конск[им] состав[ом]». Проведение в жизнь директивы командования фронтом оказалось невозможным без серьезных изменений в армии, которые становились возможными исключительно в случае достижения слаженной работы военного ведомства и Наркомата путей сообщений⁸⁰.

Ленин не нашел ничего лучшего, нежели направить полученный доклад представителю военного ведомства в Совете Обороны: «Склянскому». Впрочем, Склянский и без того должен был полу-

чить копию послания: как член РВСР.

Худяков преподнес Троцкому подарок: попросился из 10-й армии сам. 2 января он телеграфировал покровителю «царицынцев» в ЦК РКП(б): «Многоуважаемый товарищ Сталин! Для того чтобы я принес пользу революции, прошу отозвать меня немедленно, потому что кроме последствий от ран с уходом т. Ворошилова добавилась душевная боль от потери веры в успех на фронте 10-й армии в связи с переменой взгляда в высшем командовании на дело борьбы. Может, я ошибаюсь – тем лучше, но человек, потерявший веру, пользы принести при всем желании не может. Уважающий [Вас] Худяков». Сталин показал телеграмму Ленину, а тот, в свою очередь, направил ее «Свердлову для осведомления»⁸¹.

Наконец, в самом начале января был удален с Южного фронта последний член группы «царицынских дезорганизаторов» – Щаденко, впоследствии отличившийся крайне преданностью Сталину (правильнее было бы сказать – угодничеством)⁸².

Сталин немедленно воспользовался как мерами Троцкого по «оздоровлению» 10-й армии, так и начавшимся 1 января третьим наступлением Донской армии на Царицын. Предполагая скорую катастрофу на участке армии и сдачу Царицына белоказакам (а возможно и надеясь на это), 3 января он, будучи в Москве, написал на имя Ленина записку в ЦК партии: «Из переговоров с Царицыном (по прямому [проводу]) 2/1 в 2 часа ночи узнал, что разрушение Царицынского фронта (10-я армия) путем увольнения наиболее дельных, не умеющих прислуживаться, работников продолжается. Уволены не только Ворошилов, Соколов, Мацилецкий, Магидов, но и т. Щаденко, моральная и политическая опора армии; причем, боясь протестов фронта, Реввоенсовет 10-й армии (нового состава) не останавливается перед злоупотреблением моим именем, пиша в увольнительном билете т[овари]ща Щаденко: “командируется в Москву согласно телеграфного распоряжения члена Совета Обороны т. Сталина” (конечно, я никакого распоряжения не давал и не мог дать. Ст[алин]). До чего пагубно влияет такая политика на состояние фронта, видно из того, что в продолжение двух дней мы потеряли не только Райгород (южнее Царицына), но и ст. Иловня (севернее Царицына). Доводя об этом до сведения ЦК и предвидя вероятность потери Царицына и линии Астрахань–Саратов, предлагаю ЦК принять срочные меры для предотвращения надвигающейся опасности»⁸³.

Выходит, обновленный Реввоенсовет 10-й армии еще и вдоволь поиздевался над Сталиным: благо Легран мог позволить себе такую роскошь.

3 января Ленин направил Троцкому «в Воронеж и по месту нахождения» шифровку, в которой высказал предположение об «увлечении» председателя РВСР «Украиной в ущерб общестратегической задаче», на которой настаивал главком Вацетис и которая заключалась «в быстром, решительном и общем наступлении на Краснова». Председатель Совнаркома выразил крайнюю озабоченность тактическими успехами красноцев под Царицыном, которые могли в очередной раз привести «к отсрочке общего наступления и потере момента». Ленин отдавал себе отчет в том, что общее положение на фронтах становилось угрожающим: «Инициатива серьезных действий выпадает у нас из рук и под Астраханью, и на Каспийском море, и под Царицыном, и на востоке». Поскольку Троцкий и Вацетис в это время находились в, мягко говоря, натянутых отношениях, Ленин информировал главу военного ведомства, что главком «стоял за быстрое общее наступление на Краснова», но, «видимо», был «не в силах побороть волокиту и сепаратизм украинцев и других областников» (такое предположение было вполне логично: бывшему полковнику из латышских стрелков это оказалось попросту не по чину). «Не налечь ли Вам всецело на ускорение и доведение до конца общего наступления на Краснова?» – задал под конец Ленин животрепещущий вопрос Троцкому⁸⁴.

Завершение того, что не удалось Сталину («освобождение трудящихся Дона от ига атамана Краснова»), а также спасение Советского государства от нового врага на юге – войск Антанты – сулило Троцкому огромные политические дивиденды и моральное удовлетворение. И председатель РВСР с головой ушел в дела Южного фронта.

Как только с «царицынской вольницей» было покончено, Троцкий и его сподвижники быстро разделились с самостоятельностью революционных командиров в других армиях Южного фронта. 10 января в 13 часов 28 минут член РВС Южного фронта К.А. Мехоношин телеграфировал Троцкому и в копии Ленину о положении на фронте: «9-я армия, выполнившая предыдущую директиву фронта, в течение целого месяца одна выдерживала натиск почти всех сил противника, снятых им с фронта 10-й и 8-й армии, [и вследствие] их пассивности в конце концов была вынуждена отойти. В ответ на это отступление нами, с одной стороны, был отдан категорический приказ 8-й армии ускорить преследование казаков и оттянуть их силы к себе, а с другой стороны, 9-й армии было приказано вернуть отданные позиции. Выполняя в точности приказы командующего фронтом, командарм 9-й Княгницк[ий], не останавливаясь перед возможными потерями и утомленностью частей, гибелью командно-

го состава в предыдущих месячных боях потребовал вновь перехода в наступление. В ответ на его боевые приказы и отстранение от командования начдив[а] Гузарского за самовольное отступление с позиции, этот последний совместно с командиром группы Слувисом отправили телеграмму, адресованную Ленину, Троцкому, Вацетису, Рев[воен]совету Южного фронта и Рев[воен]совету 9-й армии, содержащую в себе обвинение командарма 9-й в невежественных и преступных приказах, ведущих армию на верную гибель, обнаруживая в этом обвинении как раз свою трусливую и шкурническую сущность. Специалистов они обвиняют в контрреволюционности, а командарма-коммуниста, не потворствующего им и требующего выполнения боевых приказов о наступлении, приучившего армию к маневрированию, обвиняют в невежестве и преступности. В это время была получена телеграмма от Главкома Вацетиса, в которой он, отмечая недопустимость подобных выступлений, высказывает предположение, что [...] командарм 9-й не соответствуют своему назначению, а начдивы своевольничают, далее в этой же телеграмме указывается непродуманность плана наступления, представленного командфронтом ввиду массы случайностей в его поведении. Эта телеграмма с выражением недоверия командарму 9-й и командфронту, адресованная и командарму 9-й, и начдивам 15-й и 16-й [В.И. Киквидзе. – С.В.], дискредитирует в глазах подчиненных (как раз наиболее недисциплинированных) командующего фронтом и командарма в то время, когда, несмотря на большие потери и замученность 9-й армии, мы должны во что бы то ни стало заставить эту армию снова пойти в наступление. Полагая, что подобные действия лишают нас возможности проявлять твердость власти, так как указанные начдив[ы] при неисполнении приказов будут базироваться на приведенной выше телеграмме (о чем довожу до Вашего сведения), докладываю, что начдив Гузарский и Слувис [Бывший левый эсер, командовал бригадой, входившей в 15-ю стрелковую дивизию. – С.В.] отстранены от командования и назначена и уже выехала в 9-й армию особая комиссия под председательством т. Бруно для расследования и привлечения виновных к ответственности»⁸⁵

Доклад заинтересовал Ленина: ознакомившись с телеграммой, председатель Совнаркома направил ее «в архив для близкой справки»⁸⁶. Тем временем Г.И. Бруно (Генрих-Иоганн Пфафрде) – родившийся в Германии латыш, «старый» партийный работник, отличавшийся едва ли не патологическим садизмом, – был назначен Троцким председателем специально созданного «временного революционного военного трибунала Южного фронта». Участь Гузарского, еще совсем недавно – одного из любимчиков Троцкого,

была предрешена.

Кстати, скажем о нем немного: Юлий Станиславович Гузарский, поляк, родился в 1885 г. в Варшаве. Убежденный большевик и интернационалист, вступивший в РКП(б), он был известен, помимо прочего, еще и тем, что писал стихи. С марта 1918 г. он руководил обороной Екатеринославского района от немцев, в апреле был назначен комиссаром по формированию славянских отрядов в составе Красной армии, а уже в мае возглавил чрезвычайный революционный штаб Самары. В июле он успешно командовал войсками Ярославского фронта, жестоко подавившими антибольшевистский мятеж в Ярославле. В сентябре Троцкий назначил его заместителем заведующего Оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам, а в ноябре – начальником 15-й стрелковой дивизии⁸⁷.

После неудачных боев против белоказаков, 13 января Троцкий вызвал раненого Гузарского в Балашов. Как только тот прибыл, Троцкий приказал арестовать его и направить в особую следственную комиссию, которой сам же Троцкий предоставил права судебного органа, преобразовав ее в уже упомянутый «временный революционный трибунал Южного фронта» под председательством того самого Бруно. В тот же день, рассмотрев на скорую руку дело по обвинению Гузарского в «дискредитировании Реввоенсовета 9-й армии, неисполнении приказов Реввоенсовета и бунте», трибунал приговорил его к расстрелу. Но одновременно, ссылаясь на оправдывающие Гузарского «обстоятельства боевой обстановки» и ранение, трибунал обратился к Троцкому с ходатайством о смягчении приговора. Смягчения не последовало: на следующий день, 14 января, по личному приказу Троцкого бывший начдив-15 Гузарский был расстрелян (он до сих пор не реабилитирован)⁸⁸.

Почти одновременно, словно в рамках того же наведения Троцким порядка на Южном фронте, 10 января от белых, без малейшей помощи со стороны большевиков, под хутором Зубриловским получил пулю «выше сердца» и скончался на следующий день в 7 часов 30 минут командир 16-й дивизии 9-й армии Южного фронта левый эсер Киквидзе. Из Балашова Троцкий отправил в Москву «Председателю Обороны Ленину» прочувствованную телеграмму, подчеркнуто забыв старые счеты: «В лице Киквидзе Советская республика имела превосходного солдата, Киквидзе выбыл из строя как раз в тот момент, когда мною предполагалось дать ему более ответственное назначение [Какие-либо свидетельства о планах председателя РВСР на этот счет историки пока не нашли. – С.В.]. Шестнадцатой дивизии, которая отныне будет именоваться именем Киквидзе, отдан приказ беспощадно мстить за смерть своего орга-

низатора и вождя»⁸⁹ (точная цитата лозунга из телеграммы Троцкого в штаб 16-й дивизии: «Беспощадная месть за гибель своего вождя, вечная память герою Киквидзе»⁹⁰).

Видимо, по замыслу Троцкого, память о его серьезных разногласиях с левоэсеровским командиром должна была умереть вместе с последним, а образ погибшего на боевом посту революционного командира – навеки остаться в истории русской и мировой революции. Ленин, получив телеграмму 13 января, немедленно направил ее «в печать»⁹¹.

9 февраля наркомвоен Украины Межлаук направил из Харькова Ленину телеграмму с сообщением о «резком ухудшении» положения на Украинском фронте. Будучи человеком более хитрым, чем Ворошилов, и с головой уйдя во вражду между «правыми» и «левыми» (условно – Артемом и Пятаковым) в руководстве Советской Украины, Межлаук под благовидным предлогом дал свое согласие на полученные от Троцкого предложения: «[Необходима] организация [в] тылу боеспособной армии взамен разлагающихся частей, нужны героические меры. Нужно вернуть к военной работе Ворошилова и Рухимовича». Он предложил назначить первого членом Реввоенсовета Украинского фронта «в согласии с первоначальным предложением Троцкого (для предоставления ему возможности организованной работы)», а второму передать в ведение Отдел военных заготовок в связи с отсутствием формального руководителя отдела Пятакова (остаётся только изумляться наглости людей, искренне полагавших, что бывший председатель правительства на деле возьмётся за столь «ответственный» пост) и его абсолютной отстраненностью от деятельности этого отдела, в которой наступил «полный развал». Предвидя возражения «левых», Межлаук заявил: «Если левым нужна компенсация, мы согласны на включение в Реввоенсовет [стольких их представителей], сколько им понадобится». В завершение телеграммы Межлаук просил «скорейшего ответа для поднятия вопроса завтра в правительстве» Украины. Председатель Совнаркома распорядился направить телеграмму Склянскому⁹², а тот, видимо, переадресовал ее Троцкому.

* * *

На первый взгляд, Троцкий мог праздновать победу.

Во-первых, он удалил «дезорганизаторов» из Царицына: Сталин отступил, затаился, а тем временем подстрекаемые им Ворошилов и Межлаук, воспользовавшись оторванностью Украины от Москвы и распрями во Временном рабоче-крестьянском правительстве Со-

ветской Украины, открыто пошли против решений ЦК РКП(б), чем постфактум доказали правоту Троцкого.

Во-вторых, Минин, в ноябре 1918 г. был переведен в Москву членом коллегии Наркомата по внутренним делам РСФСР и вдобавок стал агитатором-пропагандистом МК РКП(б). Очевидно, обе новых должности восторга у «старого большевика» не вызывали, что само по себе не могло не быть приятно Троцкому.

Но в конечном итоге и военно-бюрократический спектакль, и дальнейшие действия по ликвидации «царицынской вольницы» обернулись для Троцкого пирровой победой.

Идеи нельзя уничтожить, пока живы носители этих идей. На VIII съезде РКП(б) в 1919 г. Минин и Ворошилов стали самыми яркими вожаками «военной оппозиции», самыми стойкими противниками Ленина и Троцкого.

А что же Сталин? На VIII партсъезде, уступив «товарищескому» нажиму Ленина, он не выступил против Троцкого открыто – поддержал Ворошилова и Минина закулисно. Отчасти благодаря и этому «маневру», героическая оборона Царицына стала одной из первых, но особенно высокой и прочной, ступенью его лестницы к диктаторской власти, к культуре личности.

Царицын Сталин помнил всегда, ничего не забыл. И Троцкому с его приверженцами ничего не забыл.

* * *

Со времен героической обороны Царицына прошло без малого два десятка лет.

После оглушительного успеха фильма «Чапаев» у некоторых советских литераторов и кинематографистов возникла плодотворная, а главное – своевременная, идея снять фильм о 1-й Конной армии. С главными героями – Сталиным, Ворошиловым и Буденным.

В 1935 г., собирая материал для литературного сценария, «красный граф» Алексей Толстой, Борис Лавренев, один из «братьев» Васильевых и другие «инженеры человеческих душ» напросились на прием к наркому обороны СССР Ворошилову. Герой Гражданской войны, уже легендарный, столь широко известным «деятелям советской литературы и искусства» не отказал – назначил беседу на 10 мая. Пришедшие засыпали его вопросами, особенно усердствовал «красный граф». Ворошилов отвечал обстоятельно, с пониманием государственной важности дела, время не подгонял, яркие эпизоды припоминал воодушевленно и с подробностями. И порой даже давал дельные советы.

Первым и самым важным из этих советов был такой: «Хорошо было бы вам как-нибудь поговорить с товарищем Сталиным. У него исключительная память. Он помнит не только события – он помнит отдельные детали, отдельных людей, отдельные выражения. Товарищ Сталин обладает исключительной памятью»⁹³.

Примечания

¹ Козлов А.И. Царицынский «опыт» // Историки отвечают на вопросы. Вып. 2. М., 1990. С. 244–253; Смирнов А. «Банды Миронова и Сытина»: Командовал ли Павел Сытин советским Южным фронтом после ноября 1918 года? // Родина. 2011. № 2. С. 39–41.

² Карпенко В., Карпенко С. Врангель в Крыму: Исторический роман. М., 1995.

³ Гимпельсон Е.Г. Становление и эволюция советского государственного аппарата управления, 1917 – 1930. М., 2003. С. 81; Войтиков С.С. Троцкий и заговор в Красной Ставке. М., 2009; Войтиков С.С. «Председатель ЦК»: Я.М. Свердлов в политической борьбе 1918 – начала 1919 года // Российская история. 2014. № 1. С. 24–43.

⁴ Реввоенсовет Республики: Протоколы, 1918 – 1919 гг. М., 1997. С. 73; Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий: Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления. М., 2000. С. 102.

⁵ Колесниченко И. К вопросу о конфликте в Реввоенсовете Южного фронта (сентябрь – октябрь 1918 г.) // Военно-исторический журнал. 1962. № 2. С. 38–47; Большевицкое руководство: Переписка, 1912 – 1927. М., 1996. С. 55.

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 7645. Л. 1–6.

⁷ Смирнов А. «Банды Миронова и Сытина»: Командовал ли Павел Сытин советским Южным фронтом после ноября 1918 года? // Родина. 2011. № 2. С. 40.

⁸ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917 – 1922 гг.). Т. IV. М., 1978. С. 533, 540.

⁹ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7645. Л. 5.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2412. Л. 30.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7645. Л. 4.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 5.

¹⁴ Там же. Л. 4.

¹⁵ Там же. Л. 5.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1219. Л. 29.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7645. Л. 6.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Реввоенсовет Республики... С. 126.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7645. Л. 6–7.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24870. Л. 1.

²⁷ Там же.

²⁸ Реввоенсовет Республики... С. 129.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2412. Л. 30.

³⁰ В.И. Ленин: Неизвестные документы, 1891 – 1922. М., 1999. С. 256.

³¹ Большевицкое руководство: Переписка, 1912 – 1927. С. 370.

³² Там же. С. 379.

³³ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2412. Л. 30–32.

³⁴ РГАСПИ. Повестки дня заседаний Оргбюро ЦК РКП(б). 1920 г. Л. 32.

³⁵ Там же. Л. 8.

³⁶ Там же.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 38. Л. 99; Свердлов К.Т. Яков Михайлович Свердлов. М., 1957. С. 448–449.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 38. Л. 99; Свердлов К.Т. Указ. соч. С. 449.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7645. Л. 10.

⁴⁰ Там же. Л. 9.

⁴¹ Там же. Л. 8.

⁴² Там же. Л. 9.

⁴³ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 892–893.

⁴⁴ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 6. М., 1975. С. 284.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7715. Л. 1.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ В.И. Ленин: Неизвестные документы, 1891 – 1922. С. 257.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 257–258.

⁵⁴ Там же. С. 258.

⁵⁵ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 6. С. 303

⁵⁶ Свердлов К.Т. Указ. соч. С. 513.

⁵⁷ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 6. С. 303; РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7748. Л. 1, 1об.

⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24247. Л. 1.

⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 94. Л. 7.

⁶⁰ В.И. Ленин: Неизвестные документы, 1891 – 1922. С. 258.

⁶¹ Большевицкое руководство... С. 367.

⁶² Оборона Царицына. Сталинград, 1937. С. 348; *Клюев Л.Л.* К.Е. Ворошилов – организатор первых боевых отрядов // Оборона Царицына. С. 139; В.И. Ленин: Неизвестные документы, 1891–1922. С. 258.

⁶³ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 6. С. 324, 354.

⁶⁴ Большеви́стское руководство... С. 76.

⁶⁵ Там же. С. 75.

⁶⁶ В.И. Ленин: Неизвестные документы, 1891 – 1922. С. 264.

⁶⁷ Большеви́стское руководство... С. 76.

⁶⁸ Там же. С. 78.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. С. 78–79.

⁷¹ *Волкогонов Д.А.* Троцкий: Политический портрет. Кн. 1. М., 1997. С. 305; Большеви́стское руководство... С. 79.

⁷² Большеви́стское руководство... С. 78, 368.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. С. 78–79.

⁷⁵ Там же. С. 77–78.

⁷⁶ Там же. С. 78.

⁷⁷ Оборона Царицына. С. 349.

⁷⁸ В.И. Ленин: Неизвестные документы, 1891 – 1922. С. 259; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917 – 1922 гг.). Т. IV. С. 533, 540.

⁷⁹ Из истории Гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1960. С. 525, 526.

⁸⁰ Там же. С. 526–527.

⁸¹ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 6. С. 389; РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8522. Л. 1.

⁸² РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24231. Л. 1.

⁸³ Там же.

⁸⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 235–236.

⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8231. Л. 1–1об.

⁸⁶ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 6. С. 420.

⁸⁷ *Карпенко С.В.* Комментарии // Белое дело: Избранные произведения в 16 кн. Кн. 3: Дон и Добровольческая армия. М., 1992. С. 405.

⁸⁸ *Карпенко С.В.* Комментарии // Белое дело: Избранные произведения в 16 кн. Кн. 3: Дон и Добровольческая армия. М., 1992. С. 405–406.

⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8273. Л. 1.

⁹⁰ *Троцкий Л.Д.* Как вооружалась революция. Т. 2, кн. 1. М., 1923. С. 171.

⁹¹ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 6. С. 426.

⁹² Большеви́стское руководство... С. 79–80.

⁹³ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 116. Л. 42.

Автор, аннотация, ключевые слова

Войтиков Сергей Сергеевич – канд. ист. наук, главный специалист Центрального государственного архива города Москвы
svoyt@mail.ru

В статье рассматривается малоизвестный эпизод противоборства между народным комиссаром по военным делам Л.Д. Троцким, с одной стороны, и И.В. Сталиным, К.Е. Ворошиловым и их сторонниками, с другой, на Южном фронте. Осенью 1918 – зимой 1919 гг. эта группа решительно выступала против Троцкого, его принципов и методов строительства Красной армии. В ходе этого противоборства Троцкий, помимо прочего, прибег к военно-бюрократической интриге против Ворошилова. Эта интрига имела целью снять Ворошилова с должности командующего 10-й армии, оборонявшей Царицын от Донской армии, и отправить его вместе с его ближайшими соратниками на другие должности подальше от Царицына. На первый взгляд, Троцкий одержал победу: Сталин, Ворошилов и большинство их группы оказались на Советской Украине. Однако в конечном итоге военно-бюрократическая интрига Троцкого, равно как и другие его шаги, направленные против группы Сталина и Ворошилова, обернулись для него пирровой победой. Весной 1919 г. на VIII съезде партии большевиков Ворошилов и некоторые члены этой группы вошли в состав «военной оппозиции»: они резко выступили против военной политики руководства партии большевиков и деятельности Троцкого.

Гражданская война в России, Советская Россия, Советская Украина, Красная армия, Российская коммунистическая партия (большевиков) (РКП(б)), Центральный комитет РКП(б), внутривластная борьба, «военная оппозиция», В.И. Ленин, Я.М. Свердлов, Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов, Царицын (Сталинград, Волгоград)

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Voytikov S.S. “Predsedatel TsK”: Ya.M. Sverdlov v politicheskoy borbe 1918 – nachala 1919 goda. *Rossiyskaya istoriya*, 2014, no. 1, pp. 24–43.

2. Kolesnichenko I. K voprosu o konflikte v Revvoensovete Yuzhnogo fronta (sentyabr – oktyabr 1918 g.). *Voenno-istoricheskiy zhurnal*, 1962. no. 2, pp. 38–47.

3. Smirnov A. “Bandy Mironova i Sytina”: Komandoval li Pavel Sytin sovetskim Yuzhnym frontom posle noyabrya 1918 goda? *Rodina*, 2011, no. 2, pp. 39–41.

4. Smirnov A. “Bandy Mironova i Sytina”: Komandoval li Pavel Sytin sovetskim Yuzhnym frontom posle noyabrya 1918 goda? *Rodina*, 2011, no. 2, p. 40.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Научное издание

5. Kozlov A.I. Tsaritsynskiy «opyt». *Istoriki otvechayut na voprosy* [Historians answer questions]. Moscow, 1990, vol. 2, pp. 244–253.

(Monographs)

6. Voytikov S.S. Trotskiy i zagovor v Krasnoy Stavke [Trotsky and Conspiracy in the Red High Command General Headquarters]. Moscow, 2009, 368 p.

7. Volkogonov D.A. Trotskiy: Politicheskiy portret [Trotsky: A Political Portrait]. Moscow, 1997, vol. 1, p. 305.

8. Gimpelson E.G. Stanovlenie i evolyutsiya sovetskogo gosudarstvennogo apparata upravleniya, 1917 – 1930 [The Formation and Evolution of the Soviet State Apparatus, 1917 – 1930]. Moscow, 2003, p. 81.

9. Krasnov V.G., Daynes V.O. Neizvestnyy Trotskiy: Krasnyy Bonapart: Dokumenty. Mneniya. Razmyshleniya [The Unknown Trotsky: The Red Bonaparte: Documents, Opinions, and Reflections]. Moscow, 2000, p. 102.

Author, Abstract, Key words

Sergey S. Voytikov – Candidate of History, Chief Researcher, Moscow
Chief Archival Department
svoyt@mail.ru

The article examines a little-known episode in the confrontation between L.D. Trotsky, a People's Commissar for Military Affairs, on the one hand, and I.V. Stalin, K.E. Voroshilov and their cohort, on the other, at the Southern Front. From autumn 1918 through winter 1919 the latter were opposed to Trotsky, his principles and methods of the Red Army formation. In the course of this standoff Trotsky among other things resorted to military and bureaucratic intrigues against Voroshilov with the aim to oust him from his position of the commander of the 10-th Army defending Tsaritsyn against the Don Army and to send him and his closest associates off Tsaritsyn in other capacities. On the face of it Trotsky seemed to have won, with Stalin, Voroshilov and their associates finding themselves in Soviet Ukraine. However, finally Trotsky's military and bureaucratic scheme as well as his other steps against Stalin and Voroshilov's cohort turned out a Pyrrhic victory for him. In the spring of 1919 Voroshilov and some members of the group joined the "Military Opposition" at the VIII Bolsheviks' Party Congress criticizing sharply the military policy of the Party's leadership and Trotsky's activities.

Russian Civil War, Soviet Russia, Soviet Ukraine, Red Army, Russian Communist Party (Bolsheviks) (RKP(b)), Central Committee of RKP(b), inner-party struggle, "Military Opposition", V.I. Lenin, Ya.M. Sverdlov, L.D. Trotsky, I.V. Stalin, K.E. Voroshilov, Tsaritsyn (Stalingrad, Volgograd)

**НОВЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК**

Компьютерная верстка А.В. Надточенко

Лицензия ИД № 00843 от 25.01.2000
Свидетельство о регистрации СМИ № 77-7347
от 19 февраля 2001 г.
Подписано в печать 21.03.2014
Формат 60x90/16
Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11
Тираж 1 500 экз.

Издательство Ипполитова
117513, Москва, Ленинский пр-т, д. 135, корп. 2
Телефон (495) 970-72-63
E-mail nivestnik@yandex.ru
Сайт www.nivestnik.ru